

АРХЕОЛОГИЯ СССР

СВОД
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКОВ

ВЫПУСК
В 2-5

В. И. КОЗЕНКОВА

КОБАНСКАЯ КУЛЬТУРА
ВОСТОЧНЫЙ ВАРИАНТ

АРХЕОЛОГИЯ
СССР

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

АРХЕОЛОГИЯ СССР

СВОД
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКОВ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
АКАДЕМИКА
Б. А. РЫБАКОВА

В 2—5

1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

В. И. КОЗЕНКОВА

КОБАНСКАЯ КУЛЬТУРА.
ВОСТОЧНЫЙ ВАРИАНТ

1977

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

Свод посвящен известной культуре позднего бронзового и раннего железного века Северного Кавказа. Дана история исследования культуры, общая характеристика ее, хронологическая классификация памятников, характеристика поселений, могильников, исчерпывающие данные по погребальному обряду древних северокавказских племен в начале I тыс. до н. э. К своду приложена карта местонахождения всех памятников восточного варианта кобанской культуры.

Ответственный редактор
Н. Л. ЧЛЕНОВА

К $\frac{10602\ 079}{042(02)-77}$ 102—77

© Издательство «Наука», 1977 г.

В древностях Кавказа кобанская культура позднебронзового — раннежелезного века занимает особое место и по обширности региона, охватываемого ее памятниками, и по накопленному и продолжающему расти объему источников, и по более чем столетней давности историографии, свидетельствующей о сложности проблемы в целом. Все это делает строго научную систематизацию материалов кобанской культуры задачей безотлагательной.

Свое наименование культура получила по названию аула Кобан в Тагаурском ущелье Северной Осетии. Здесь в 1869 г. близ усадьбы князя Хабоша Канукова на размытом весенним паводком склоне горы обнажились древние могилы — каменные ящики с необыкновенными, до того невиданными бронзовыми предметами, оружием и украшениями. Вещи были переданы в Тифлисский музей. Только через шесть лет они были замечены одним из организаторов Московской антропологической выставки 1879 г. Г. Д. Филимоновым, посетившим Кавказ в поисках материалов для выставки. Г. Д. Филимонову кавказоведение обязано и первой научной интерпретацией кобанских бронз, увидевшему в них свидетельство существования в Осетии «самостоятельной и обширной культуры... если не чисто бронзовой, то, по крайней мере, несомненно переходной эпохи от бронзового века к железному»¹. Граница этой культуры, по мнению исследователя, «шла далеко за пределы нынешней Осетии, скрываясь, между прочим, в Аргунском ущелье Чечни»².

Открытие в последующие десятилетия в горных и предгорных районах Северного Кавказа новых памятников, родственных Кобанскому могильнику, подтвердило поразительную научную интуицию первооткрывателя.

Предлагаемое издание посвящено восточной группе источников. На Северо-Восточном Кавказе предметы, аналогичные знаменитым бронзам из аула Кобан в Северной Осетии³, были обнаружены еще в середине XIX в. Случайно вымытые водами р. Аргун в 1844 и 1850 гг. украшения близ крепости Воздвиженской и вскоре опубликованные Н. В. Ханьковым и П. С. Савельевым, украшения были первоначально интерпретированы, однако, как средневековые⁴. Отдельные сведения о необыкновенных предметах из Аргунского ущелья, в основном о бронзовых зооморфных и антропоморфных статуэтках, появившиеся в

печати в 70-80-е годы этого же столетия (А. П. Ипполитов, А. В. Комаров, П. Д. Головинский, Д. Н. Анучин)⁵, не привлекли должного внимания любителей древности; остались вне поля зрения и великолепные украшения классического кобанского облика из раскопок Б. И. Долбежева в 1882 г. в районе селения Шарай на Шаро-Аргуне⁶. И только через пять лет, благодаря раскопкам Н. С. Семенова в 1887 г. каменных гробниц в междуречье Хулхулау и Аксая (аулы Курен-Беной, Гардали, Аллерой, Хатуни), появились материалы, позволившие В. Ф. Миллеру вслед за Г. Д. Филимоновым сопоставить их, а также ранее известные вышеупомянутые находки из крепости Воздвиженской именно с находками у аула Кобан.

Дальнейшее накопление материалов подобного типа связано в этом районе с именами П. С. Уваровой, А. А. Бобринского, Г. А. Вертепова, Н. В. Орла, Ш. Борцагова, Ф. С. Панкратова, а в советский период — с именами А. П. Круглова, М. И. Артамонова, О. А. Артамоновой-Полтавцевой, Л. П. Семенова, Г. В. Подгаецкого, Е. И. Крупнова, Т. М. Минаевой, Н. В. Трубниковой, М. И. Пикуль, В. И. Марковина, Р. М. Мунчаева, Н. Я. Мерперта, А. А. Иерусалимской, В. Б. Виноградова, М. П. Абрамовой, Н. И. Штанько, М. П. Севостьянова, М. Х. Ошаева, А. Р. Магомедова, В. И. Козенковой.

В результате уже к 30-м годам XX столетия на базе накопленных археологических источников стали возможны серьезные теоретические построения относительно общего характера культуры раннего железного века Северо-Восточного Кавказа, ее ареала, этапов развития, хронологии этногенеза.

Первые стационарно раскопанные объекты (Алхастинское и Нестеровское поселения, могильники Исти-Су и Нестеровский) выявили вначале материалы только скифского времени. Сложный характер их сразу породил разногласия в определении этнокультурной принадлежности объектов. Так, А. П. Круглов в осторожной форме отнес новые памятники к позднему этапу только что выявленной им тогда каякентско-хорочоевской археологической культуры эпохи поздней бронзы. Культура эта, представленная в основном могильниками с коллективными и одиночными захоронениями в массивных каменных ящиках, бедная металлургическим инвентарем и отличавшаяся своеобразными сосудами, обмазанными глиной и украшенными налестками, распространялась, по мнению А. П. Круглова, не только на Дагестан, но и на всю Чечено-Ин-

¹ Филимонов Г. Д., 1878, с. 282.

² Там же.

³ Уварова П. С., 1900.

⁴ Ханьков Н., Савельев П., 1856, с. 50—54.

⁵ Ипполитов А. П., 1868, с. 50; Кондаков Н. П., 1878, с. 137—146; Головинский П. Д., 1878; Анучин Д. Н., 1884, с. 372.

⁶ ZfE, 1883, S. 331; ИРАО, т. X. М., 1884, с. 475.

гущетию⁷. В свете его гипотезы ареал собственно кобанской культуры усматривался на востоке лишь до границы Северной Осетии и Кабарды с Ингушетией, т. е. примерно до бассейна р. Ассы⁸.

Справедливости ради следует, однако, указать, что А. П. Круглову, как вдумчивому исследователю, были видны и уязвимые стороны его концепции. Недостаток исходных данных, а также замеченное им самим отсутствие достаточно ясно выраженной генетической связи между ранней и поздней, в его понимании, группами каякентско-хорочоевской культуры заставляли его быть крайне осторожным в формулировках. Осторожность эта оказалась не напрасной. Детальный анализ О. А. Артамоновой-Полтавцевой материалов из могильника Исти-Су, расположенного бок о бок с памятниками несомненно хорочоевского типа, показал, что комплексы Исти-Су и аналогичные им из Урус-Мартана и Воздвиженской — явление сложное и не может быть определено однозначно. Важный вывод О. А. Артамоновой-Полтавцевой о невозможности объяснения происхождения и характера этих памятников только привлечением материалов каякентско-хорочоевской культуры явился новой вехой в раскрытии проблемы. В отличие от А. П. Круглова, О. А. Артамонова-Полтавцева видела необходимость рассмотрения всех этих материалов с привлечением центрально-кавказских памятников типа Загли-Барзонд еще докобанского периода⁹. По ее мнению, эти материалы второй половины II тысячелетия до н. э. наряду с материалами каякентско-хорочоевской культуры в равной степени, если не в большей, могут служить источником происхождения особой, совершенно самостоятельной культуры северо-восточных предгорий Кавказа в скифское время¹⁰. Прочная аргументация этого вывода, как нам кажется, повлияла и на мнение А. А. Иессена, высказывавшего предположение о существовании в предгорьях Северо-Восточного Кавказа особой культурной группы и в предскифское время¹¹. Предположение это, однако, не получило в дальнейшем детальной разработки. Как ни парадоксально, но наиболее ценная часть концепции О. А. Артамоновой-Полтавцевой обернулась слабой стороной ее в целом. Выдвинутая на передний план мысль о подчеркнута особом характере памятников типа Исти-Су смазала, затушевала, отодвинула назад *позитивный* итог более чем 50-летних прежних исследований, а именно: первоначальное, принципиально важное представление о такого рода памятниках, как памятниках *кобанского облика*.

Е. И. Крупнов уже на первых порах стационарного исследования выявленных объектов усматривал в них элементы древнекобанской культуры горных районов Центрального Кавказа¹², хотя характер последней вырисовывался преимущественно по металлическим изделиям — по особой форме кинжалов, по бронзовым изящным, богато декорированным топорам, по высокому, инкрустированному железом бронзовым поясным пряжкам, фибулам, ножным кольцам, пластинчатым и спиральным браслетам, булавам с зооморфными и антропоморфными навершиями, по многочисленным

зооморфным и антропоморфным подвескам и другим поделкам, отличавшим ее от остальных культур Кавказа и Европы.

Точка зрения Е. И. Крупнова оказалась наиболее плодотворной. Более чем тридцатилетнее изучение кобанских древностей в разных районах Северного Кавказа позволило исследователю достаточно фундаментально обосновать вывод о существовании обширной кобанской общности этнически родственного населения¹³. Однако материальная культура этой общности не была однообразной. Это разнообразие привело Е. И. Крупнова к мысли о существовании в ней трех локальных вариантов: западного (или кабардино-пятигорского), центрального (или северо-осетинского) и восточного (или чечено-ингушского). Основанием для выделения указанных групп послужило (при общем сходстве типов поселений, черт погребального обряда, украшений и оружия) видимое различие в формах погребальных сооружений, в керамике и украшениях. Так, для центрального варианта, памятники которого служат эталоном и нередко называются в специальной литературе «классическими», как наиболее полно выражающие характерные признаки кобанской культуры в обряде и инвентаре, на первом этапе были обычны, по мнению Е. И. Крупнова, прямоугольные каменные ящики и сосуды больших и малых форм, украшенные нарезным геометрическим орнаментом, затертым пастой. Для западного варианта, по его мнению, в начале I тысячелетия до н. э. были характерны каменные ящики, близкие к квадрату, и сосуды, украшенные нарезным и семечковидным орнаментом. Погребальные сооружения начала I тысячелетия до н. э. на востоке сначала были неизвестны, но на основе материалов VII—IV вв. до н. э. (могильники) и начала I тысячелетия до н. э. (поселения) он предполагал, что для этого района, скорее всего, будут характерны грунтовые погребения и сосуды с преобладанием налпного и шипкового орнамента. По Е. И. Крупнову, кобанская культура развилась в горных районах центральной (северо-осетинской) подгруппы, где-то на рубеже II—I тысячелетий до н. э., а может быть, в XII—XI вв. до н. э. В IX—VII вв. до н. э. она начала распространяться в предгорные районы центральной подгруппы, а также на запад и восток. Вследствие этого периодизация культуры для центрального локального варианта определялась тремя этапами (I этап — XII—XI вв. до н. э.; II этап — IX—VII вв. до н. э.; III этап — VII—IV вв. до н. э.), а для западного и восточного — лишь двумя последними, т. е. IX—VII вв. до н. э. и VII—IV вв. до н. э.

Особо подчеркивал Е. И. Крупнов смешанный характер культуры всех трех вариантов на последнем этапе, в VII—IV вв. до н. э., законно связывая появление ряда не свойственных Кобани элементов (булыжная обкладка могил, вытянутые погребения, западная ориентация, скифская «триада») с мощным импульсом скифо-сарматского мира¹⁴. Глубоко убежденный в автохтонности кобанской культуры, Е. И. Крупнов специально подчеркивал всякий раз последовательность, непрерывность ее развития от этапа к этапу. Даже появление в Предкавказье ираноязычных элементов не нарушило, по его мнению, структуру древнекобанского общества. Таким образом, для Е. И. Крупнова характерно рассмотрение культуры от са-

⁷ Отчет М. И. Артамонова и А. П. Круглова за 1937 г. — Архив ЛОИА, ф. 35, 1938/41, с. 6.

⁸ Круглов А. П., 1958, с. 94.

⁹ Артамонова-Полтавцева О. А., 1950, с. 64—66.

¹⁰ Там же, с. 100.

¹¹ Иессен А. А., 1951, с. 124.

¹² Крупнов Е. И., 1948а, с. 17, 29.

¹³ Крупнов Е. И., 1957, с. 56—82; он же, 1960; он же, 1964, с. 41—43; он же, 1965; он же, 1969а, с. 13—18.

¹⁴ Крупнов Е. И., 1960, с. 388—389.

мого раннего до самого позднего периода в виде последовательного эволюционного процесса, лишь в отдельные времена подверженного влиянию событий политического характера. Локальный вариант, по Е. И. Крупнову, — это отражение в культуре племенных отличий отдельных родственных этнических групп. Он предполагал как само собой разумеющееся несомненное сходство памятников внутри ареала локального варианта. В могильниках — сходство погребальных сооружений, в инвентаре — тождество форм и орнаментации посуды. Последней отводилась особая роль как решающему этническому признаку. Все три локальных подразделения обнаруживают независимость от ландшафтной зоны, т. е. между горными и равнинными памятниками одного и того же варианта наблюдалось безусловное сходство.

Е. И. Крупнов нигде специально не останавливался на уточнении ареала восточного варианта кобанской культуры, однако, судя по карте-схеме, имеющейся в его монографии¹⁵, а также по списку археологических объектов¹⁶, границы восточной группы на севере определялись им по Тереку, захватывая левобережье; на юге — по верховьям рек Ассы, Чанты-Аргуна и Шаро-Аргуна и Хиндойскому хребту. На западе граница включала район г. Моздока и селения Нижний Курп¹⁷, Кескем и Пседахе; на востоке — левобережье р. Аксай, но без правобережных притоков Яман-Су, Ярык-Су и т. д.

Основные отличительные черты восточного варианта, выявленные в основном на памятниках позднего этапа (VII—IV вв. до н. э.), характеризовались Е. И. Крупновым следующим образом.

1. Сооружение могильников с погребениями в грунтовых ямах с обкладкой или наброской из булыжника. Наличие неглубоких, до 1 м, подкурганых грунтовых захоронений. Погребенный лежал скорченно, на правом (для мужчин) или левом (для женщин) боку. Ориентация погребенных выдержана только в пределах одного памятника. Так, в Нестеровском могильнике преобладало северо-восточное направление, в Луговом — юго-западное, в могильнике Исти-Су — юго-западное и т. д. Захоронения, как правило, одиночные, но изредка имелись случаи парных и коллективных захоронений (Нестеровский могильник)¹⁸.

2. Существование у носителей восточного варианта кобанской культуры посуды, отличной от посуды центральной группы. Сосуды имели более рыхловатое тесто, незначительное лощение. Характерен налепной орнамент. Среди керамики позднего этапа развития преобладали скифские степные формы со щипковым налепным орнаментом¹⁹.

3. Наличие особых форм бронзовых украшений (фибулы с подвесками, орнаментированные гривны со щитками, пряжки, двувальные бляхи и т. д.), которые, являясь уникальными типами украшений, одновременно отражали «специфику материальной культуры местных племен скифского времени в рамках восточного варианта позднекобанской культуры Северного Кавказа»²⁰.

¹⁵ Крупнов Е. И., 1960, с. 185, рис. 26.

¹⁶ Там же, с. 152—165, 242—243.

¹⁷ В монографии Е. И. Крупнова (1960, с. 242) бывшее селение Ахлово ошибочно названо Верхний Курп, на самом деле это современное название селения Нижний Курп (см.: Чеченов И. М., 1969, с. 43).

¹⁸ Крупнов Е. И., 1960, с. 179, 249, 258.

¹⁹ Там же, с. 179, 262, 273.

²⁰ Там же, с. 288, 298.

4. Смешанный характер культуры позднего этапа, обусловленный, по мнению Е. И. Крупнова наличием скифо-сарматских черт в керамике, оружии и украшениях²¹.

Долгое время точка зрения Е. И. Крупнова была общепринятой в среде кавказоведов. Отдельные уточнения и поправки носили частный характер и способствовали углублению и детализации отдельных положений карты локальных вариантов (Д. Газдапустаи, Р. М. Мунчаев, Н. Я. Мерперт). Попытка внести существенные поправки в абрис восточной границы кобанской культуры была предпринята В. И. Марковиным. Заново пересматривая и анализируя материалы каякентско-хорочоевской культуры, он посчитал возможным значительно отодвинуть границу восточного варианта кобанской культуры к северо-западу²², усматривая хорочоевские черты в местной культуре почти до правобережья р. Аргуна (селение Дуба-Юрт). Однако при ближайшем рассмотрении из 16 пунктов междуречья Аксая и Аргуна, где имелись памятники, предположительно содержавшие элементы каякентско-хорочоевской культуры, лишь три пункта достоверно могут считаться таковыми (селением Белгатой, Дарго, Хорочой). Все они находятся в верховьях рек Аксая и Хулхулау. В них прослежена устойчивость формы погребального сооружения в виде массивного каменного ящика, не характерного для ритуала восточного варианта кобанской культуры. Во всех трех могильниках постоянен обычай, предусматривающий положение погребенного в скорченном положении на правом боку для женщин и на левом — для мужчин. В могилах восточного варианта, как указывалось выше, наблюдалась противоположная картина. В Хорочоевском могильнике, изученном лучше, чем два других, преобладает южная ориентировка покойников, так же не характерная для раннего этапа восточного варианта. И наконец вещевой инвентарь и керамика были только хорочоевскими, без элементов смешения с кобанской культурой.

Отнесение некоторых других пунктов к каякентско-хорочоевской территории слабо аргументировано. Так, район селения Дуба-Юрт на Аргуне включен в ареал лишь по находке баночного (?) сосуда, со ссылкой на явно устаревшие сведения А. П. Круглова²³. Сейчас, после изучения ряда поселений раннего железного века бассейна р. Сунжи, очевидно, что столь распространенная и традиционная здесь форма банки не может служить достаточным основанием для этнокультурного определения памятника. Район селений Шали и Сержень-Юрт включены В. И. Марковиным лишь на основании единичных находок обломков посуды хорочоевского типа в слое Сержень-Юртовского поселения²⁴, а также по находкам круглых бронзовых височных колец²⁵, которые даже на раннем этапе изучения каякентско-хорочоевской культуры А. П. Круглов отличал от типично хорочоевских²⁶. Раскопки Сержень-Юртовского могильника кобанской культуры, в котором подобные височные кольца были характерны для каждого второго женско-

²¹ Крупнов Е. И., 1960, с. 175, 243, 298.

²² Марковин В. И., 1966, с. 123—124.

²³ Марковин В. И., 1969, с. 15.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Круглов А. П., 1958, с. 68.

го погребения²⁷, доказали, что к каякентско-хорочоевской культуре эта категория украшений отношения не имеет. Многие памятники Восточной Чечни (Курчалоевский зольник, могильники у селений Ишхой, Согунты, Бачи-Юрт, Гуни, Шушия, Бети-Мохк, Галайты, Зандак, Хиндойское поселение и др.) отличаются столь ярко выраженными смешанными хорочоевскими и кобанскими чертами в материальной культуре, что авторы публикаций подчас сами затрудняются, к какой из культур их отнести²⁸. Таковыми же оказались и погребальные памятники, исследованные в 1968—1970 гг. В. Б. Виноградовым у селений Ножай-Юрт, Курен-Беной, Гуни и Гардали²⁹ в междуречье Акса — Хулхулау.

Изучение и специальный анализ новых материалов раннего этапа восточного варианта кобанской культуры (Сержень-Юртовские поселение и могильник, Бамутское поселение, Аллероевский могильник и т. п.), раскрытых во всей полноте лишь после выхода в свет фундаментальной монографии Е. И. Крупнова, позволили автору настоящего свода также сделать ряд выводов, касающихся характера выявленных объектов и связанных с ними общих проблем.

Не отрицая правильности общей позиции Е. И. Крупнова, мы на основании новых археологических источников считаем возможным отнести формирование восточного варианта не к IX, а к X в. до н. э. Таким образом, события на Северном Кавказе, предшествовавшие экспансии кобанцев из горных районов Центрального Кавказа на восток, по нашему мнению, происходили примерно на столетие раньше, в том числе и процесс формирования локальных вариантов вообще. Следовательно, хронология первого этапа восточного варианта может быть определена не IX—VII вв. до н. э., а X—VII вв. до н. э. Основанием для такой даты служат находки в памятниках оружия классических раннекобанских форм, таких, как бронзовые наконечники копий с цельнолитой втулкой, орнаментированной гравировкой, черешковые бронзовые литые и костяные наконечники стрел с опущенными шипами на головке, черешковые бронзовые кинжалы подтреугольной формы, бронзовые топоры кобанского типа с гравированным зооморфным орнаментом. Этот комплекс предметов найден в могильниках и поселениях (Сержень-Юрт, Бамут, Зандак, Бачи-Юрт). Кроме того, хорошо датируют этот период биметаллические кинжалы VIII—VII вв. до н. э. (могильники Сержень-Юрт и Кескем), а также бронзовые наконечники копий трансильванского типа (могильник у селения Сержень-Юрт). Не менее важную роль играют предметы конского снаряжения, такие, как костяные псаля, бытование которых фиксируется от рубежа II—I тысячелетий до н. э. до VII в. до н. э. Предметы найдены в могильниках и на поселениях (Сержень-Юрт, Зандак, Бамут); бронзовые двукольчатые и ранние стремечковидные удила и бронзовые трубчатые псаля, верхняя дата которых также не выходит за рамки VIII—VII вв. до н. э. (могильники у селений Сержень-Юрт и Зандак).

Возможность ранней даты X—IX вв. до н. э. обосновывается находками бронзового наконечника

копья с раскрытой втулкой (Сержень-Юрт), группы украшений классических раннекобанских форм, таких как ребристые браслеты с закрученными концами, бронзовые булавки с волутообразными, лопатообразными, зооморфными и антропоморфными навершиями (могильники у селений Сержень-Юрт, Шарой) и навершиями в виде топора кобанского типа (Сержень-Юрт), роговыми навершиями булав. Сами по себе навершия булав (муфты) из рога оленя, конечно, не могут быть датирующими. Но в памятниках восточного варианта кобанской культуры они предстают как повторяющийся элемент определенного комплекса и позднее рубежа VIII—VII вв. до н. э. уже не встречаются. При таких конкретных условиях количество и серийность подобных наверший могут рассматриваться и как этнокультурный, и как датирующий признак.

Предметы эти известны на Кавказе в более раннее время, но только в двух-трех памятниках Закавказья (Самтавро и Марылан-Дереси (Бешташени)). Они составляли постоянный комплекс с листовидными кинжалами в могилах второй половины II тысячелетия до н. э. и исчезли здесь в начале I тысячелетия до н. э. Но в то же время они в таком же сочетании предстали в памятниках кобанской культуры Центрального Кавказа (Тли, Змейская), особенно заметны они в материалах поселений восточного варианта (Алхасте, Бамут, Сержень-Юрт). Восточнее пограничного Зандакского могильника, где мы видим такие навершия опять же в сочетании с архаичной формой листовидного кинжала, подобные предметы не обнаружены. Наконец, дата XI—VII вв. до н. э. для нижнего слоя Сержень-Юртовского поселения подтверждена серией образцов радиоуглеродного анализа C¹⁴³⁰ (670 ± 75 г. до н. э.; 910 ± 60 г. до н. э.; 940 ± 75 г. до н. э.; 1190 г. до н. э.).

Второй период определяется VII—IV вв. до н. э. Основанием для ранней даты служит верхняя грань материалов первого периода, а также наличие комплексов VII—VI вв. до н. э. переходного характера, таких, как погребения 24 и 76 Сержень-Юртовского могильника, погребение 20 Нестеровского могильника с набором наконечников стрел VII—VI вв. до н. э., наконечники раннескифского типа из слоя Сержень-Юртовского поселения. Датировка большинства материалов второго периода VI—V вв. до н. э. определяется наконечниками стрел скифского типа, оружием, близким скифским формам, наборами стеклянных многоцветных бус, предметами, выполненными в зверином стиле (Шали, Луговой, Нестеровская, Урус-Мартан, Исти-Су, Аллерой и т. п.). Самые поздние комплексы второго периода, судя по некоторым предметам (бусы, псаля, оружие), относились к V—IV вв. до н. э. (Луговой, Нестеровский, Аллерой, Ханкала I).

Новые материалы позволили также уточнить признаки восточного варианта, сформулированные Е. И. Крупновым для скифского периода VII—IV вв. до н. э. Они оказались в большинстве своем справедливы и для памятников начала I тысячелетия до н. э. (преобладание грунтовых могил, специфика украшений и особенно керамики). Подтвердилась тем самым правильность вывода не только о правомерности выделения восточной группы, но и о непрерывности традиции в ее материальной культуре. Но в то же самое время полученные данные совершенно по-новому осветили вопрос о специфике восточного варианта.

²⁷ Козенкова В. И. 1969, с. 177, рис. 2 (2), с. 178.

²⁸ Марковин В. И., 1966, с. 124—125, 127—128, 131; Марковин В. И., Мунчаев Р. М., 1964, с. 160—162; Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1968, с. 167, 181, 186; Виноградов В. Б., Марковин, 1969, с. 47—49.

²⁹ Виноградов В. Б., 1972, с. 272, 276—277.

³⁰ Крупнов Е. И., 1969а, с. 17.

Как выяснилось, она состоит в смешанности его культуры не только в скифское, но и в более раннее время. По мнению Е. И. Крупнова, для ранних памятников восточного варианта характерно сочетание в их культуре классических кобанских и каякентско-хорчоевских элементов³¹. Однако анализ всех материалов показал более сложную картину.

Истоки специфики культуры начала I тысячелетия до н. э. в изучаемом районе следует искать в тех общих элементах более ранней культурной подосновы конца II тысячелетия до н. э., на которых шло примерно одновременное формирование каякентско-хорчоевской культуры и восточного варианта кобанской культуры. Именно этот органический сплав элементов, близких, но не идентичных каякентско-хорчоевской культуре, и элементов, характерных для ранних кобанских памятников Центрального Кавказа, и составляет суть своеобразия восточного варианта на первом этапе его развития.

Наконец, последний вывод нашей работы — существование на восточной окраине восточного варианта кобанской культуры, территориально совпадающей с бассейном р. Акса и его правобережных притоков, смешанной зоны, где носители восточного варианта кобанской культуры тесно взаимодействовали с носителями каякентско-хорчоевской культуры. В материальной культуре памятников этой зоны (Зандакский могильник, могильники Яман-Су, Галайты, Ножай-Юрт, Бети-Мохк и т. п.) столь тесно сплетены кобанские и хорчоевские черты, что культурно-историческая интерпретация каждого такого объекта (поселения, могильника, отдельного комплекса) может быть определена лишь дифференцированно, путем тщательного и детального анализа.

Наше мнение о существовании смешанной зоны на восточной окраине кобанской культуры поддержал В. Б. Виноградов³², однако в оценке характера культуры этой зоны мы значительно расходимся.

По нашему мнению, в настоящее время уровень разработки этой проблемы таков, что как бы мы не стремились, но археологически вряд ли пока возможно окончательно решить, какие памятники в смешанной зоне были кобанскими, а какие — хорчоевскими, и провести жесткую линию границы между ними, хотя в действительности такая граница, безусловно, существовала.

В. Б. Виноградов отнес всю группу памятников горной и предгорной части междуречья Акса — Хулхулау к каякентско-хорчоевской культуре³³, не отрицая, однако, симбиоз разнокультурных элементов, очевидный в этой группе. Даже данные погребального обряда, которому В. Б. Виноградов придает первостепенное значение, оставляют вопрос дискуссионным. Из девяти приведенных В. Б. Виноградовым признаков, характеризующих обряд захоронения (планировка захоронений, тип могилы, надгробные сооружения, планировка могил, ориентация и поза погребенных, количество захоронений в одной могиле, заупокойная пища и очистительный ритуал)³⁴, в действительности лишь четыре (сооружение массивных каменных ящиков-гробниц, надгробные каменные стелы, южная ориентировка и обычай захоронения в сидячей позе) можно отнести к погребальным тради-

циям только каякентско-хорчоевской культуры. Отметим при этом, что по крайней мере $\frac{1}{3}$ погребений этого района была совершена в грунтовых могилах, не характерных для этой культуры. Остальные признаки, такие, как расположение могил рядами, поза погребенных на боку (женщин на левом, а мужчин на правом), коллективные захоронения, кромлехи, находки угольков и костей животных в могилах, известны и в погребальном обряде кобанской культуры и не могут быть связаны только с каякентско-хорчоевской культурой.

Еще более показателен погребальный инвентарь памятников смешанной зоны. В могилах преобладают гладкостенные лощеные сосуды, которые в большей степени характерны для кобанской культуры; лишь сосуды с обмазкой могут быть действительно сопоставлены с хорчоевскими.

Не являются только хорчоевскими и такие элементы, как баночная форма сосудов и налепной щипковый орнамент на горшках. В настоящее время достаточно материалов, свидетельствующих о распространении баночной формы по всему Северному Кавказу. В отношении смешанной зоны можно лишь сказать, что здесь баночные сосуды более распространены по сравнению с другими типами и более обычны, чем в других районах. Особенностью, характерной только для памятников района селения Ножай-Юрт, является декорировка поверхности горшков выпуклыми комочками глины, но не исключено, что это такой же узколокальный признак, как, например, двувальные бляхи в памятниках Ассинского ущелья.

Лишь небольшое количество типов бронзовых украшений (овальные височные кольца, узкие, круглые в сечении браслеты) по происхождению связаны с украшениями каякентско-хорчоевской культуры. Преобладающее же большинство из них — выразительно кобанского типа³⁵ (очковидные привески, птицеобразные бляхи, ажурные и умбоновидные пряжки, фибулы и т. д.).

Таким образом, даже краткий обзор материалов из памятников, столь определенно отнесенных В. Б. Виноградовым к каякентско-хорчоевской культуре, показывает настолько сложную картину взаимодействия разнокультурных элементов, что они в равной степени могли бы быть интерпретированы и как кобанские. Итак, вопрос этот нельзя считать решенным. Все это заставило нас привлекать только те материалы из бассейна р. Акса и его притоков, которые могут отразить этапы распространения кобанских элементов на восток.

Проблема этнокультурной принадлежности памятников Юго-Восточной Чечни не единственная, в постановке и решении которой В. Б. Виноградов значительно расходится со своими предшественниками³⁶.

В том понимании, как он представлен в концепции Е. И. Крупнова, восточный вариант на карте локальных вариантов В. Б. Виноградова вообще не имеет места. Вся восточная группа памятников первой половины I тысячелетия до н. э. разделена на три локальные группы. Как было сказано выше, самая восточная часть, включавшая горные и предгорные памятники междуречья Акса — Хулхулау, была выделена в ичкеринский вариант каякентско-хор-

³¹ Крупнов Е. И., 1969б, с. 14.

³² Виноградов В. Б., 1972.

³³ Там же, с. 283.

³⁴ Там же, с. 266—271.

³⁵ Виноградов В. Б., 1972, с. 271—280.

³⁶ Козенкова В. И., 1974, с. 280—289.

чосовской культуры. Горы и предгорья междуречья Хулхулау — Аргуна — Ассы занимала, по В. Б. Виноградову, аргуно-сунженская группа центрально-кавказского горного варианта кобанской культуры. Равнина, включая левобережье Терека (Алпатово) и часть предгорий, относилась к восточной группе плоскостного предкавказского варианта³⁷. Слабость концепции В. Б. Виноградова заключается в первую очередь в отсутствии убедительных объяснений тому обстоятельству, что некоторые не просто похожие, но тождественные по инвентарю памятники оказались не только в разных вариантах (Исти-Су и Луговой, Урус-Мартыновский, Аллероевский), но даже в разных культурах (Ца-Веденской и Воздвиженской, Шалинской и т. п.).

Материалы представлены В. Б. Виноградовым таким образом, что, несмотря на все его рассуждения о разнохарактерных связях и миграциях между группами внутри ареала кобанской культуры, создается впечатление заметного отрыва горных памятников от плоскостных. Вряд ли это соответствовало действительности.

Попытка уточнения ареала кобанской культуры, точнее, границы ее восточного и центрального вариантов содержится в работе М. П. Абрамовой, посвященной публикации новых материалов Комаровского могильника (Северная Осетия)³⁸. Анализ погребального инвентаря и особенно керамики привел М. П. Абрамову к обоснованному выводу о принадлежности нового объекта и всей моздокской группы к центральному варианту кобанской культуры, а не к восточному, как полагал Е. И. Крупнов. Следует отметить, что эти материалы не подтвердили и новую концепцию В. Б. Виноградова о существовании особой западной группы предкавказского плоскостного варианта.

Не противоречат карте локальных вариантов Е. И. Крупнова и выводы, полученные А. Р. Магомедовым на основе специального изучения однослойного раннего поселения кобанской культуры у селения Бамут³⁹. Отметив бесспорное сходство материалов восточного варианта, А. Р. Магомедов вслед за Е. И. Крупновым объясняет своеобразие ранней группы сочетанием в ее материальной культуре каякентско-хорочоевских и классических кобанских элементов. Однако отсутствие прямых хорочоевских параллелей в бамутских материалах не прошло незамеченным для исследователя. А. Р. Магомедов неоднократно подчеркивает, что наличие в них «разнородных культурных элементов не всегда может быть объяснено привнесением их в готовом виде из ареала соседних культур — серьезный анализ материала обнаруживает в некоторых случаях более глубокие причины генетического характера»⁴⁰. Находки из слоя Бамутского поселения подтвердили также и наше предположение о более ранней дате формиро-

вания культуры восточного варианта, чем IX в. до н. э.⁴¹

Итак, в подходе к материалам кобанской культуры, и в частности ее восточного варианта, обнаружались самые различные точки зрения. Одни из них, на наш взгляд, достаточно убедительны, другие — дискуссионны. Но и те и другие отражают сегодняшний этап в изучении проблемы.

Только новое накопление данных и новые обобщения по раннему железному веку Северного Кавказа позволят проверить правоту одних гипотез и несостоятельность других. Этой цели должны способствовать и предполагаемые выпуски свода археологических источников по кобанской культуре.

Первый выпуск свода, состоящий из двух отдельных томов, посвящен восточной группе памятников. В нем учтено более 600 бытовых и погребальных памятников и десятки отдельных случайных комплексов и предметов, происходящих из поселений и могильников (см. Указатель и карту памятников), известных к 1970 г. в 85 пунктах Северо-Восточного Кавказа, в основном на территории Чечено-Ингушетии.

Первый том содержит указатель археологических памятников восточного варианта кобанской культуры и карту расположения этих памятников. Основное содержание посвящено характеристике поселений и могильников. В тексте помещены обобщающие таблицы по деталям погребального обряда и иллюстрированные таблицы.

Во втором томе подробно охарактеризованы предметы из поселений и могильников, а также все случайные находки (орудия труда, оружие, конское снаряжение, украшения, предметы культа и керамика). Все предметы классифицированы типологически и хронологически. Как и в первом томе, к тексту приложена сводная таблица предметов по комплексам и иллюстрированные таблицы вещей по типам и вариантам.

Для изучения восточного локального варианта кобанской культуры были использованы монографии и отдельные публикации, ряд архивных материалов рукописного архива ИА и ЛОИА АН СССР, коллекции Государственного исторического музея, отдела Востока и отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа, Чечено-Ингушского республиканского музея в г. Грозном.

В свод включены необходимые сведения о некоторых, лишь частично опубликованных археологических объектах, выявленных в результате многолетних и систематических раскопок и разведок постоянными участниками Северо-Кавказской археологической экспедиции Р. М. Мунчаевым, В. И. Марковым, В. Б. Виноградовым. Приношу им глубокую благодарность за разрешение привести некоторые данные в моей работе. Искренне благодарю В. М. Подгорнову за возможность использовать в работе некоторые материалы из архива Е. И. Крупнова, доброжелательного вдохновителя начала работы над сводом по кобанской культуре.

⁴¹ Там же, с. 15.

³⁷ Виноградов В. Б., 1972, с. 184—263.

³⁸ Абрамова М. П., 1974, с. 195—212.

³⁹ Магомедов А. Р., 1973, с. 5—6.

⁴⁰ Там же, с. 6.

Поселения восточного варианта кобанской культуры изучены недостаточно. Они засвидетельствованы в 52 пунктах (см. Указатель памятников) бассейна рек Терека и Сунжи, но только в 12 из них производились раскопки (Сержень-Юртовское, Бамутское, Нестеровское, Луговое, Курчалоевское, Гельдигенское, Алхан-Юртовское (Айвазовское), Хиндойское, Ханкальские I—III, Аллероевское). Характеристика остальных поселений может быть лишь поверхностной, основанной только на визуальном изучении памятников и случайных сборах подъемного материала, преимущественно обломков посуды. Наиболее полно изучено Сержень-Юртовское поселение. Исследованная площадь его составляет 4000 кв. м. Затем следуют Бамутское (500 кв. м) и Алхастинское (400 кв. м) поселения. На остальных бытовых памятниках были заложены лишь небольшие раскопы от 4—8 кв. м (Алхан-Юртовское, Гельдигенское, Луговое, Ханкальское I) до 40—60 кв. м (Нестеровское, Ханкальское III). Ни одно из поселений (за исключением Бамутского и, видимо, Заканюртовского) не было однослойным. Часть их располагалась на остатках более древних поселений эпохи ранней бронзы, другие сами были перекрыты слоями более поздних поселений и городищ сармато-аланского времени (Шеды-Юртовское, Ханкальское III, Троицкое, Слепцовское, Ермоловское, Алханкалинское и т. д.). Последнее обстоятельство не позволяет судить о первоначальной площади, планировке и мощности культурного слоя поселений раннежелезного века, ограничивая тем самым круг источников и объем информации, которую можно было бы из них почерпнуть.

На основе имеющихся данных в настоящее время невозможно в полной мере хронологически разделить выявленные поселения. Из всей группы к первой половине I тысячелетия до н. э. условно (из-за небольшой площади раскопок и недостаточно ясной датировки материала на некоторых из них) можно отнести 26 поселений. Наиболее ранние из них — Сержень-Юртовское (X—VII вв. до н. э. — первый слой), Бамутское (X—VIII вв. до н. э.), Алхастинское (VIII—VII вв. до н. э.) и циклопические крепости в верховьях р. Ассы — Хамхинская, Дошхаклинская и Эгикальская (IX—VI вв. до н. э.). Остальные поселения этой группы датируются в пределах VII—V вв. до н. э. (Нестеровское, Сержень-Юртовское — второй слой) и даже VII—IV вв. до н. э. (Алхан-Юртовское I и др.), а также VI—V вв. до н. э. (Луговое, Эрсенкортовское).

Вторая группа, также из 26 поселений, датируется исследователями серединой и второй половиной I тысячелетия до н. э. (Ханкальские I—III, Аллероевское,

Белгатоевское, Гехинское, Сюир-Юртовские I—II, Дуба-Юртовское, Троицкое, Серноводское, Петропавловское, Таузенское и др.).

Поселения, расположенные в зоне контакта двух культур, кобанской и каякентско-хорочоевской, имели признаки смешанности в материальной культуре. Таковыми представляются Бачи-Юртовское, Аллероевское, Хиндойское и Курчалоевское поселения. Последние два отнесены В. И. Марковиным к кругу памятников каякентско-хорочоевской культуры⁴². Основанием для определения культурной принадлежности Курчалоевского поселения, как он полагает, служит наличие в слое керамики с обмазкой (в преобладающем соотношении с гладкостенной). Основанием для определения ранней даты являются показатели спектрального анализа единичных металлических изделий, содержавших примесь мышьяка⁴³. Кроме того, сам тип поселения с зольником, по мнению В. И. Марковина, характерен для восточных районов — для Дагестана и Азербайджана. Однако местоположение поселений, а также соотношение материалов обеих культур в слое делает возможным привлечение некоторых данных с этих памятников (топография и размеры поселений, характеристика хозяйства) для общей характеристики восточного варианта кобанской культуры. Так, например, для включения в свод материалов Курчалоевского зольника имеются следующие конкретные основания:

а) территориально Курчалоевский зольник — ближайший пункт к памятникам восточной группы;

б) тип поселения-зольника расположен к Курчалоеву гораздо ближе, чем районы Дагестана и Азербайджана. Это Алхастинский зольник восточного варианта кобанской культуры. Здесь близко совпадают даже показатели состава и соотношения костей домашних животных, свидетельствующие о едином типе хозяйства;

в) состав вещевого материала Курчалоевского зольника буквально един с предметами из Сержень-Юртовского, Алхастинского и даже Змейского поселений кобанской культуры (типы костяных проколов, тип пряслица, костяная пуговица-цурка, форма оселка, бронзовая игла, костяная модель колеса, кремневые вкладыши). Изучение пряслиц показало, что их конусовидная форма (I тип по нашей классификации), подобная встреченной в Куралое, — специфически восточнокобанский тип и не представлен достаточно массово в материалах восточнее р. Аксая;

⁴² Марковин В. И., 1969, с. 15—16.

⁴³ Там же, с. 81.

г) мышьяковистый состав бронз из Курчалоя (единственная бронзовая игла и обломки двух неясных предметов) не может служить основанием для ранней даты. Целая серия (более 100) анализов разных категорий предметов из Сержень-Юртовских поселений и могильника показала, что специфику восточнокобанской металлообработки как раз составляет долгое бытование мышьяковистых сплавов, что из металла с такой примесью отливались не только нейтральные в культурном определении предметы (шпиль, иглы, ножи), но и локальные украшения и украшения классических кобанских форм;

д) керамика Курчалоевского зольника действительно состоит из двух четко выраженных групп — сосудов с обмазкой поверхности (более 50%) и гладкостенных, похожих на восточнокобанские по фактуре, формам и орнаментации (более 40%). Среди черепков первой группы имелись и декорированные параллельными полосами, проведенными пальцами (поздний признак в керамике каякентско-хорочевской культуры, по определению самого В. И. Марковина). То же самое можно сказать и о Хиндое.

Все поселения восточного варианта размещались по живописным долинам многочисленных горных рек бассейна Сунжи и Терека (Аргун, Асса, Фортанга, Мартанка, Гехинка, Джалка, Басс, Мичик, Хинд-Ахк, Шаро-Аргун, Хулхулау, Яман-Су и т. д.) Они занимали в основном полосу предгорий, а также плоскость Чеченской и Надтеречной равнин. Глубоко в ущельях выявлены пока лишь единичные поселения, к сожалению, почти не изученные. Это группа циклопических построек у селений Эгикал, Дошхакле и Хамхи в Ассиновском ущелье, а также Хиндоевское поселение на р. Хинд-Ахк в высокогорной Макажойской котловине. Большинство же поселений располагались в основном при выходе из ущелий или вблизи входа в них, на отрогах гор, обращенных к северу (Алхастинское, Сержень-Юртовское, Нестеровское), или же непосредственно на высоких берегах рек (Сунжинские и Надтеречные поселения).

Размеры и границы поселений восточного варианта кобанской культуры определяются условно, по насыщенности поверхности подъемным материалом. Так, Алхастинское поселение имело площадь 500×500 м (табл. I, 2), Луговое — 250×300 м, Чишкинское — 250×100 м, Нестеровское — 250×200 м (табл. I, 1), Алдынское (Чернореченское) II — приблизительно 500×200 м, Сюир-Куртовское 1 — 300×200 м, Сюир-Куртовское 2 — 800×300 м, Сержень-Юртовское — 600×300 м, с холмами-убежищами размером $110 \times 55 \times 50$ м (табл. I, 3).

Укрепления искусственного характера не типичны для поселений этой группы. Лишь в единичных случаях поселения возникали на естественно укрепленных участках рельефа. Иногда это были площадки у реки, отгороженные оврагами (Бамутское, Нестеровское, Закан-Юртовское, Ермоловское, Михайловское). Чаще использовались вершины отрогов гор (Гельдигенское-II, Замни-Юртовское, Аллероевское, Ханкальские, Сюир-Куртовские, Эрсен-Куртовское). Сержень-Юртовское поселение, расположенное на открытой предгорной трассе, имело например, два отдельно стоящих холма-убежища с крутыми склонами, поросшими лесом. Только на одном из них (холм 1) были прослежены остатки небольшого, искусственно сооруженного рва, защищавшего юго-западный край убежища. В разрезе ров имел вид опу-

щенного вершней вниз треугольника. Размеры рва: длина — 15 м, ширина — 1,55 м, глубина — 1,2 м (табл. II, 1). Сооружение относилось к первому слою населения (X—VII вв. до н. э.).

Особую, совершенно не изученную группу составляют искусственно укрепленные циклопические постройки Ассиновского ущелья (Химки, Эгикал, Дошхакле). Эти небольшие сооружения ($7,5 \times 5,7$ м) были возведены из огромных камней, достигавших иногда 1 куб. м. Датировка их ранним железным веком носит лишь предварительный характер.

Планировка поселений восточной группы пока изучена слабо. Некоторое представление о ней получено в результате исследования холмов-убежищ Сержень-Юртовского поселения. Здесь четко выявлено поквартальное размещение бытовых комплексов (жилищ, производственных и культовых сооружений), разделенных узкими улицами (табл. II, 2). Улицы были вымощены булыжником среднего размера. Всего в слое X—VII вв. до н. э. открыто четыре таких мостовых. Три из них — на холме 1 и одна — на холме 2.

Мостовая 1 пересекала холм 1 на западной окраине в направлении с юго-запада на северо-восток. Длина мостовой 46 м при средней ширине 2,5 м. Северо-восточный конец мостовой упирался в край холма, в юго-западном же конце она сужалась в тропинку. По всей длине мостовой вдоль ее краев имелись два узких желобка шириной 12 см и глубиной 5 см. Расстояние между ними — 1,5 м.

Мостовая 2 пересекала холм 1 в его северо-восточной части в направлении с северо-запада на юго-восток. Длина мостовой — 39 м при средней ширине 2,5 м. В ее юго-восточном конце вдоль краев, так же как на мостовой 1, прослежены желобки. Ширина желобков 10—14 см, глубина 5 см. Расстояние между ними 1,32 м.

Мостовая 3 пересекала холм 1 почти посередине и была параллельна мостовой 1. Расстояние между этими двумя вымостками — около 19 м. Длина мостовой 3,41 м, средняя ширина 1,8—2 м.

В восточной стороне холма мостовые 2 и 3 сливались, образуя общий кусок мостовой длиной 18,5 м, при ширине 2,5—3 м. Этот участок обрывался на северо-восточном краю холма, как и мостовая 1.

Мостовая 4 пересекала холм почти посередине в направлении с юго-востока на северо-запад. Длина мостовой 19 м, ширина 3 м.

Конструктивно все мостовые близки друг другу. Они были сооружены на суглинистом предматериковом слое. Хорошо подобранная мелкая и средняя галька была уложена в один слой на тонкую (2—3 см) прослойку органических остатков, которые когда-то, видимо, входили в состав глиняного раствора, скреплявшего гальку мостовых. Все мостовые слегка углублены в землю. Они ниже остатков сооружений, расположенных по их краям. Это объясняется длительным использованием мостовых, которые в результате утилизации постепенно погружались в вязкий суглинистый материк холма.

Упомянутые выше желобки по краям мостовых могли образоваться от потоков дождя, стекавшего с нависших над мостовой крыш строений. Если это так, то ширина улиц поселка не превышала 1,5 м.

Обычай вымощки булыжником улиц сохранился на Сержень-Юртовском поселении и позднее, на втором этапе его существования (VII—V вв. до н. э.).

Остатки двух мостовых гораздо худшей сохранности, чем ранние, были раскопаны на холме-убежище 1. Они были очень небрежно сооружены из крупной гальки. Одна из мостовых была ориентирована в направлении с запада на восток и располагалась поверх мостовой 3 и сохраняла ее направление (с юго-запада на северо-восток). Ширина мостовых осталась прежней — 2—2,5 м (табл. V, 1—3).

Мостовые Сержень-Юртовского поселения пока уникальны в археологии Кавказа. Они являются ценным свидетельством бытования элементов сельского благоустройства у населения восточного варианта кобанской культуры. Мостовые — явление местное, порожденное конкретными условиями быта: суглинистой, легко размываемой почвой. Они возникли на Северо-Восточном Кавказе, возможно, еще в конце II тысячелетия до н. э. Так, на Джемикентском поселении в Дагестане была открыта часть галечной вымостки, ошибочно интерпретированной А. П. Кругловым как очаг⁴⁴. Эта вымостка по конструкции чрезвычайно близка Сержень-Юртовским мостовым.

Приемы домостроительства и конструкцию жилищ и производственных помещений на поселениях восточного варианта раскрывают материалы из раскопок Сержень-Юртовского и Бамутского поселений. Более скудные, отрывочные сведения получены также из раскопок Алхастинского и Нестеровского поселений. На Сержень-Юртовском поселении остатки строений были раскопаны в пространстве между вышеупомянутыми галечными мостовыми. Всего выявлено 19 построек разной степени сохранности. Остатки 16 строений относились к первому этапу жизни поселения (X—VII вв. до н. э.), а остатки 3 — стратиграфически соответствовали второму этапу (VII—V вв. до н. э.). Из ранней группы 13 было раскопано на холме 1, 2 на краю открытой части поселения, южнее холмов-убежищ. Более поздние постройки раскопаны на холме 1. Принципиальных различий в конструкции ранних и поздних построек нет. Все исследованные остатки принадлежали к одному типу наземных турлучных⁴⁵ домов. Основания стен были сложены из камней или глинобитных блоков неправильной формы (помещение I). Стены были возведены из плетня, обмазанного глиной. Куски обмазки с рельефными оттисками плетенки свидетельствуют, что прутья имели диаметр 3—4 см. Отдельные части помещений обшивали тонкими досками. Отпечатки таких досок на глиняной обмазке неоднократно попадались в завалах помещений. Для укрепления нижних частей стен иногда применялись дубовые плахи (помещения I и V). Углы домов и перегородки внутри помещений крепились столбами. Столбы использовались также в качестве опоры для средней части кровли. Из-за суглинистой почвы столбы устанавливались на выложенных галечной площадках-опорах или в ямках, выложенных кусками старых зернотерок. Форма домов была преимущественно неправильно-прямоугольной или, как исключение, овальной (помещение VI) и многоугольной (помещение I). В завале помещения XI были обнаружены куски двускатной крыши с остатками перегоревшего камыша, уложенного на тонкие жерди. Размеры помещений самые различные: 9×9 м (помещение I), 10×10 м (помещение IV), 7×9 м

(помещение VII), 20×32 м (комплекс небольших помещений здания VIII), 8×9 м (помещение X), 10×18 м (помещение XI).

Для домостроительства Сержень-Юртовского поселения характерно разделение помещения на жилую и производственную часть (табл. III). В жилой части пол был утрамбован, иногда вымощен обломками керамики. На полу имелись открытые хозяйственные очаги самой различной конструкции. Они имели форму неглубокой простой ямки (помещение III), ямы с глинобитным бортиком (помещение V и VIII); иногда представляли собой скопление камней, посредине которого устанавливался сосуд или углубление, либо площадку, выложенную камнями и кусками зернотерок (помещения V, VI, X, XI, XII). В помещении I имелись квадратные очаги в виде площадки (размер 1×1 м), с высокими глинобитными бортиками (табл. III, 4). В жилой части помещения XI имелось место для растирания зерна. Оно состояло из гладкой, обмазанной глиной площадки, рядом с которой лежали зернотерки и *in situ* раздавленные сосуды. Производственная часть помещений Сержень-Юртовского поселения представляла собой небольшие керамические или бронзолитейные мастерские. Близкие по конструкции и размерам помещения были открыты и на холме 2. Они располагались рядом с мостовой. Помещения примыкали друг к другу, имея одну общую стену. Форма помещения — прямоугольная. Чрезвычайно близки Сержень-Юртовским сооружениями остатки строений, открытые на Бамутском поселении (табл. IV, 1—3). Раскопано не менее четырех прямоугольных помещений, примыкающих друг к другу. Размеры их — около 45—50 кв. м. Основания стен выложены речным булыжником, стены сооружены, видимо, из плетня, обмазанного глиной. По углам сохранялись такие же, как в Сержень-Юрте, круглые галечные площадки для столбов. Внутри помещений сохранились развалы каменных очагов. Куски глиняной обмазки, булыжники, развалы глиняных и каменных очагов были обнаружены при раскопках Алхастинского и Нестеровского поселений. На Гехинском поселении I были найдены в слое куски обмазки и булыжников, как бы выстилавших пол (мостовая?). Обломки обмазки от стен и очаги, углубленные в землю, зафиксированы на Луговом поселении. Глиняная обмазка стен и глинобитные блоки «батанообразной» формы встречены в слое второй половины I тысячелетия до н. э. на Ханкальском поселении II. Все эти отрывочные данные с разных памятников свидетельствуют о том, что приемы домостроительства на поселениях восточного варианта кобанской культуры были одинаковыми. Квартальное разделение поселка, остатки помещений, примыкающих друг к другу, показывают, что основной хозяйственной единицей у восточных кобанцев в начале I тысячелетия до н. э. являлась большая патриархальная семья.

На поселениях восточного варианта кобанской культуры часто встречаются ямы хозяйственного назначения (табл. VI). Такие ямы открыты на Бамутском и Ханкальском поселении 2, но особенно многочисленны они на Сержень-Юртовском поселении. Их исследовано 347. Все они преимущественно связаны с первым этапом жизни (X—VII вв. до н. э.). Ко второму периоду (VII—V вв. до н. э.) относится всего 86 ям. Большею частью ямы располагались

⁴⁴ Круглов А. П., 1958, с. 33.

⁴⁵ Плетеный каркас, обмазанный глиной.

внутри помещений, у стен и очагов. Но имелись они и за пределами строений. Ямы представлены двумя формами: цилиндрической и грушевидно-колоколовидной. Цилиндрические ямы, как правило, поздние. Устья ям в плане круглые, овальные и даже квадратные со скругленными углами. Ямы цилиндрической формы, имели диаметры от 0,5 до 2 м. Глубина их от 0,3 до 2 м. Ямы грушевидно-колоколовидной формы имели узкую удлиненную горловину и широкое дно. Стенки таких ям в ряде случаев тщательно заглажены специальным тесловидным инструментом, от которого сохранились следы шириной 5 см. В других случаях стенки грушевидных ям покрыты слоем глиняной обмазки, а дно тщательно заглажено и слегка обожжено. Горловины ям иногда обкладывались камнями, но чаще обмазывались глиной. Край устья не разрушался, так как его слегка обжигали сверху. Ярко-красные обожженные куски таких закругленных краев попадались в засыпи ям. Сверху ямы прикрывались деревянными или глиняными крышками. Иногда ямы имели в верхней части уступ или несколько ступенек вниз. Размеры грушевидно-колоколовидных ям: глубина 0,9—2,5 м, диаметр устья 0,65—1 м, диаметр дна 1,2—2,3 м. Ямы использовались различно. Одни из них связаны с примитивным домашним производством (горны для плавки бронзы, горны для обжига глиняных статуэток), другие — хозяйственного назначения (зернохранилища, ледники, для свалки мусора и золы). В ямах-хранилищах попадались остатки разрубленных туш коров, баранов, свиней, целые туши молодых козлят. В трех ямах имелись остатки зерна и очищенных желудей. Последние, видимо, наряду с зерном употреблялись в пищу. В ямах попадались почти целые сосуды, что, возможно, связано с хранением молочных продуктов и запасов воды. Большинство же ям было заполнено мусором: золой, кусками угля, костями животных и изредка человеческими, обломками посуды и сломанными металлическими, костяными и бронзовыми предметами. Изредка на поселениях изучаемой группы местом для ссыпания мусора служили не ямы, а большие зольные кучи. На таких памятниках ямы отсутствовали (Алхастинское, Нестеровское и Курчалоевское поселения). Это взаимоисключение скорее всего доказывает правоту высказанных в свое время мнений В. А. Городцова и Е. И. Крупнова о назначении зольников. Оба исследователя полагали, что зольные кучи не являлись культовыми местами, а представляли собой мусорные свалки⁴⁶.

Материалы с поселений дают некоторое представление о религиозных мировоззрениях носителей восточного варианта кобанской культуры в начале I тысячелетия до н. э. Наиболее полноценные сведения получены при исследовании Сержень-Юртовского поселения. На холме 1 были раскопаны сооружения и предметы ритуального характера (святилище, жертвенники, глиняные антропоморфные и зооморфные статуэтки, амулеты-обереги, модельки колес от повозок, модельки льячек, пинтадеры с магическими изображениями креста, свастики и спирали, глиняные «лепешки»).

Святилищем или культовым домом служило упомянутое выше помещение I. Оно располагалось на самой труднодоступной западной стороне холма и

было дополнительно укреплено рвом. О его культовом характере свидетельствуют необычная для жилых домов на поселении пятиугольная форма помещения, вымостка пола галькой, а также квадратные очаги с высокими бортиками из глины, расположенные в двух его углах. Очаги были заполнены золой (табл. III, 4)⁴⁷.

Жертвенники обнаружены вблизи остатков домов, а иногда внутри их. Всего открыто семь жертвенников двух типов.

Тип I (6 экземпляров) представлял собой овальные, гладкие, сильно или слабо обожженные глинобитные площадки, изредка огороженные камнями. Размеры площадок: 0,5×0,9 м; 0,7×0,7 м; 0,6×0,8 м; 0,7×1,2 м (табл. V, 8). На площадках были плотно уложены друг к другу челюсти свиньи, а поверх — череп особи крупного рогатого скота, видимо, быка. Кроме костей животных, здесь находились миниатюрные изображения предметов (лячки, колеса от повозок, сосуды, статуэтки) и кремневые вкладыши от серпов. Иногда рядом с площадкой имелся очаг, огороженный кусками зернотерок (жертвенник 3).

Тип II представлен жертвенником 6, раскопанным вблизи помещения XII. Он имел форму прямоугольной гладкой площадки со скругленными углами и высокими глинобитными бортиками (табл. V, 7). Жертвенник был сооружен поверх двух слоев плотно уложенной гальки и ориентирован длинными сторонами в направлении с северо-запада на юго-восток.

Размеры жертвенника — 0,55×0,75 м, высота бортиков — 5 см, ширина их 2—3 см. Внутри жертвенник сильно обожжен и заполнен золой. С северной стороны около него обнаружено скопление обожженных челюстей свиньи и кусок оленьего рога. С Западной стороны лежали в неповрежденном анатомическом порядке кости от задней половины туши свиньи. Здесь же находилась глиняная женская статуэтка с протянутыми вперед руками. Техника исполнения скульптуры самая примитивная.

Таким образом, места для отправления культовых церемоний на Сержень-Юртовском поселении не отличались сложными сооружениями. Следы огня, кости определенных животных (свинья, бык), ритуальные предметы свидетельствуют о примитивных языческих обрядах и верованиях. Основу их составлял культ плодородия, тесно переплетенный с культом предков, верой в духов-покровителей рода и семьи, имитационной и производственной магией. Находки в жертвенниках и в слое поселения глиняных моделей колес от повозок свидетельствуют об обожествлении не только сил природы и животных, но и предметов обихода. На магическую взаимосвязь понятий «колеса» и «солнца» и в целом «неба» в сознании разных народов древности неоднократно обращали внимание многие исследователи, специально занимавшиеся этим вопросом.

Предметы культового значения, сходные с сержень-юртовскими, обнаружены и на других поселениях восточного варианта кобанской культуры. Так, пинтадеры и глиняные статуэтки найдены на Алха-

⁴⁶ Крупнов Е. И., 1960, с. 168—169.

⁴⁷ По предварительным данным, Н. Я. Мерперт отнес помещение I к III тысячелетию до н. э. (Мерперт Н. Я., 1962, с. 33—34). Обоснование принадлежности помещения к слою кобанской культуры см.: Козенкова В. И., 1969. Кобанская культура на территории Чечено-Ингушетии. Канд. дисс.— Архив ИА, р. 2, д. 2035.

стинском и Бамутском поселениях, кроме того, пинтадера начала I тысячелетия до н. э. с рельефным изображением «солнца» на рабочем конце обнаружена в слое Алханкалинского городища.

Основы хозяйства племен восточного варианта кобанской культуры в начале I тысячелетия до н. э. составляли скотоводство и земледелие. Развитие основных производств влияло на совершенствование остальных домашних ремесел.

В определении характера скотоводства у племен — носителей кобанской культуры — в среде исследователей нет единого мнения. Е. И. Крупнов доказывал ведущую роль в нем овцеводства и оценивал тип хозяйства в целом как яйлажный, основанный на сезонных перегонах скота либо на горные, либо на степные пастбища⁴⁸. В. И. Марковин и Р. М. Мунчаев указывали на ведущее значение в скотоводческом хозяйстве изучаемого района в начале I тыс. до н. э. свиноводства и овцеводства⁴⁹.

По скотоводству у племен восточной группы предгорной зоны имеются следующие данные:

1. Сержень-Юртовское поселение

Вид домашних животных	Число костей	Число особей
Свинья	5374	382
Крупный рогатый скот	7150	230
Мелкий рогатый скот	2156	145
Лошадь	202	29
Осел	1	1

2. Алхастинское поселение

Вид домашних животных	Число костей	Число особей
Свинья	199	12
Крупный рогатый скот	126	8
Мелкий рогатый скот	50	6
Лошадь	25	4

3. Бамутское поселение

Вид домашних животных	Число костей	Число особей
Свинья	448	54
Крупный рогатый скот	529	27
Мелкий рогатый скот	251	23
Лошадь	60	7
Осел	1	1

4. Нестеровское поселение

Вид домашних животных	Число костей	Число особей
Свинья	18	?
Крупный рогатый скот	44	?
Мелкий рогатый скот	20	?
Лошадь	4	?

Сопоставляя данные Нестеровского поселения с данными из Сержень-Юрта, Алхасте и Бамута, можно предположить, что количество определенных костей из Нестеровского в среднем отражает следующее соотношение особей: крупный рогатый скот — 2—3 особи; мелкий рогатый скот — 1—2 особи; свинья — 2—3 особи; лошадь — 1—2 особи⁵⁰.

5. Луговое поселение

Вид домашних животных	Число костей	Число особей
Свинья	13	2—3
Крупный рогатый скот	23	2—3
Мелкий рогатый скот	28	3—4
Лошадь	5	1—2

6. Курчалоевское поселение (зольник)

Вид домашних животных	Число костей	Число особей
Свинья	131	60
Крупный рогатый скот	212	55
Мелкий рогатый скот	42	28
Лошадь	15	7

Таким образом, в предгорной зоне свиноводство и разведение крупного рогатого скота составляли основу скотоводства. Разведение мелкого рогатого скота (овец и коз) занимало в нем устойчивое третье место. При таком положении тип скотоводческого хозяйства предгорий Чечено-Ингушетии в начале I тысячелетия до н. э. скорее всего носит придомный характер, хотя не исключался и перегон скота. Благоприятная флора (лиственные деревья, кустарники и, в первую очередь, дуб) способствовала круглогодичному снабжению свиней необходимой пищей. Остальные виды скота на летний период могли отгоняться на горные пастбища в глубь ущелий, а зимой содержались на заготовленных кормах. Близкую картину в эпоху ранней и развитой бронзы дают материалы по скотоводству некоторых районов Дагестана, памятники смешанной зоны (Курчалоевский зольник), а также материалы предгорной полосы Северо-Западного Кавказа. И все исследователи этих материалов (А. А. Формозов, В. М. Котович, В. И. Марковин) единодушно считают приведенное выше соотношение животных в стаде признаком, исключающим отгонное скотоводство⁵¹.

Таким образом, к вопросу о типе животноводства носителей кобанской культуры, видимо, необходимо подходить дифференцированно. В свете приведенных данных гипотеза В. И. Крупнова о ведущей роли овцеводства, а вместе с ним и яйлажного выпаса скота может быть принята для центрального варианта кобанской культуры и скорее всего для памятников горной зоны. Заметное место занимало в скотоводстве коневодство. Подсчет костей показывает, что кони составляли от 4 до 10% всех домашних животных. Изучение глиняных статуэток из Сержень-Юрта показало, что, кроме коров и быков крупной породы, в стаде имелись буйволы и вола для упряжки. Изображение длинномордой породы овец и поджарых длинных свиней характеризует эту породу животных не только для восточных районов, но и для всего Северного Кавказа. Среди статуэток различались изображения двух видов лошадей: тяжеловозов, служивших тягловой силой, и верховых.

Занятия жителей предгорной полосы Чечено-Ингушетии земледелием документируют многочисленные находки в слое поселений орудий земледельческого труда, ям-хранилищ и продуктов земледелия. На поселении Сержень-Юрт многочисленны кремневые вкладыши для серпов. Это — специфика местной

⁴⁸ Крупнов Е. И., 1960, с. 305—307.

⁴⁹ Марковин В. И., Мунчаев Р. М., 1965, с. 46.

⁵⁰ По заключению В. И. Цалкина.

⁵¹ Формозов А. А., 1965, с. 90—91; Марковин В. И., 1969, с. 92—93; Котович В. М., 1965, с. 219—221.

земледельческой традиции. Материалы синхронных поселений, расположенных западнее (Алхасте, Бамут, Змейское), свидетельствовали об использовании в качестве жертвенного орудия бронзовых серпов. К середине I тыс. до н. э. отмечен прогресс в этой области: на смену составным серпам с кремневыми вкладышами и бронзовым повсеместно приходят железные. Два таких железных серпа были найдены и в слое Сержень-Юртовского поселения. О занятиях земледелием свидетельствуют также находки на всех поселениях кобанской культуры ладьевидных каменных зернотерок. В помещении X Сержень-Юртовского поселения на дне ямы были сложены семь зернотерок. Интересный комплекс, связанный с обработкой зерна, раскрыт в помещении XI. Рядом с хозяйственной ямой и очагом для приготовления пищи была сооружена специальная, гладкообмазанная глиной площадка для ссыпания зерна с располагавшимися около ее края зернотерками. Косвенным свидетельством занятий земледелием могут служить также многочисленные глиняные лепешки, изображавшие хлеб. И наконец, бесспорным аргументом в пользу занятий местного населения земледелием являются остатки зерна из некоторых ям и слоя Сержень-Юртовского поселения⁵². Так, в яме 45 (раскоп V, 1963 г.) в помещении XI оказались остатки зерен мягкой пшеницы (*Friticium vulgare*) и много зерна магары (итальянское просо — *Setaria italica*). В раскопе III (1964 г.) в слое X—VII вв. до н. э. была найдена глиняная миска с остатками каши из зерен мягкой пшеницы, ржи (*Secale cereale* Z.) и магары сорта *Panicum italicum* Z.

В яме 22 (раскоп V, 1964 г.) близ помещения VIII сохранились вместе с остатками соломы зерна мягкой пшеницы, твердой пшеницы (*Friticum durum* Desf), ячменя (*Hordeum vulgare*), ржи и магары. Находки эти оказались особо интересными для определения характера пашни, поскольку вместе с культурными злаками находились и семена сорняков (мары белой, вьюнка полевого, гречишки вьюнковой, подмаренника цепкого, куколя обыкновенного, костра полевого). Подобное сочетание, по мнению специалистов, — несомненное свидетельство старости пашни, долгое время использовавшейся земледельцем. Вместе с длинным перечнем злаков они говорят в пользу традиционных занятий жителей изучаемого района земледелием, скорее всего пашенного типа. К сожалению, мы не располагаем орудиями обработки земли, однако отсутствие роговых мотыг среди многочисленных костяных и роговых поделок Сержень-Юрта может свидетельствовать в пользу существования плуга с деревянным сошником типа горной сохи⁵³. Находка разных злаков вместе с соломой в одной и той же яме документирует невысокую культуру обработки и хранения зерна. Видимо, часть урожая хранилась необмолоченной, в колосьях, что, однако, не исключает применения молотильной доски с кремневыми штырями. Обнаруженные среди палеоботанических остатков Сержень-Юртовского поселения желуди, кизилловые косточки и косточки дикого винограда (*vitis vinifera* ssp *silvestrus*) указывают на то, что иногда и плоды дикорастущих растений употреблялись в пищу наряду с культурными. Об этом упоминает и Ге-

родот. «На Кавказе, — пишет он, — живет много разных народов, которые почти все питаются дикими лесными плодами»⁵⁴.

Дополнительные средства существования приносили жителям предгорной полосы занятия охотой и рыболовством. Об охоте обитателей предгорий Чечено-Ингушетии свидетельствуют не только наконецники стрел из кости и камня или глиняные изображения собаки, непрямого спутника охотника и пастуха, но и кости диких животных, составляющие не менее 20% от общего числа костей, найденных в слое поселений. Среди остеологических материалов обязательно присутствуют и кости собаки. Главным объектом охоты являлся, судя по количеству костей, благородный олень, поскольку удачная охота приносила охотникам не только запасы мяса, но и прекрасное сырье для изготовления различных предметов — олений рог. Интенсивно охотились также на косулю, кабана и медведя. Били волка, выдру, лисицу, куницу и всевозможных птиц.

В меньшей степени было развито рыболовство. О ловле рыбы говорят находки в слоях Сержень-Юртовского, Бамутского и Алхастинского поселений каменных грузил; в слое Сержень-Юртовского поселения — бронзовых рыболовных крючков и позвонков сома и красной рыбы. В зоне смешанных памятников, территориально близких Сержень-Юрту, покровная кость севрюги и кости сазана были найдены в Курчалоевском зольнике⁵⁵.

Как показало исследование, немаловажную роль в хозяйстве предгорной полосы играли домашние производства. К ним относились гончарство, металлообработка, обработка камня, косторезное дело. Наибольшего развития в изучаемое время достигли два первых производства, по своим особенностям, уровню организации труда и признакам специализации стоявшие уже на пороге выделения в самостоятельные отрасли труда. Материалы по изучению домашнего гончарства получены в результате исследования предметов из глины (посуда, пряслица, статуэтки, льячки и многое другое), найденных на всех известных поселениях восточной группы. Но остатки производства (керамический шлак, шлакированная обмазка, сотни черепков от бракованных сосудов, заготовки статуэток, мастерские, остатки горнов, орудия труда гончаров) обнаружены только на Сержень-Юртовском поселении, в слое X — VII вв. до н. э. Картографирование остатков производства выявило на поселении не менее 10 пунктов, связанных с изготовлением керамических изделий. Остатки мастерских занимали в основном северо-восточную часть холма (помещения VI, VII, X — XIII). Место, связанное с изготовлением и обжигом статуэток, выявлено за южной и северной стенами помещения I. Мастерские представляли собой помещения размером примерно 8×8 м. В помещении находились площадка для формовки изделий и горн для их обжига. Горны представлены на поселении тремя разновидностями. Так, в мастерской 1 (помещение XI) он имел вид большой ямы глубиной 1,35 м. Яма была до краев заполнена обожженной землей и камнями. Поверх ямы был сооружен под — гладкая глинобитная площадка овальной формы с невысокими бортиками. Размер сооружения — 2×3,5 м. В развале горна обнаружены бракованные черепки сосудов и комки глины — заготовка

⁵² Определение зерна проведено в лаборатории естественных методов Института археологии А. В. Кирьяновым и Н. А. Кирьяновой.

⁵³ Крупнов Е. И., 1960, с. 313.

⁵⁴ Цит. по: Латышев В. В., 1893, с. 6.

⁵⁵ Марковин В. И., 1969, с. 69.

для сосуда (табл. VII, 2—3). В мастерской 2 (помещение XII) открыта другая разновидность горна. Это была наземная однокамерная печь с поддувалом. Форма печи — подквадратная. Размеры — $1,2 \times 1,2$ м. Стенки камеры сохранились только на высоту $0,2 \times 0,25$ м. Около печи лежали обломки от бракованных сосудов, глиняный комок — заготовка для сосуда и 14 сосудов (табл. VII, 4—5). Наконец, третьей разновидностью горна были простые ямы. В них обжигались исключительно статуэтки людей и животных и всевозможные мелкие глиняные поделки («лепешки», модельки колес, пряслица). Такие ямы (мастерские 5—9) были заполнены перекаленной землей с зольными прослойками и испорченными, сломанными и спекшимися бракованными изделиями. В ряде мест, связанных с керамическим домашним ремеслом, обнаружены глинобитные диски — подставки для формовки сосудов (мастерская 3 в помещении X).

Следы гончарного дела в виде развала печи и обломков бракованной посуды обнаружены в слое второй половины I тысячелетия до н. э. на Дуба-Юртовском поселении⁵⁶.

Население восточного варианта кобанской культуры было знакомо с бронзолитейным делом и обработкой металла. Оружие, орудия труда и украшения из бронзы из слоя поселений и из могил свидетельствуют о высоком уровне производства как в начале I тысячелетия до н. э., так и во второй его половине. Однако техника производства бронзовых предметов изучена еще недостаточно. Материал для изучения бронзолитейного производства первой половины I тысячелетия до н. э. происходит с поселения у с. Сержень-Юрт (капли бронзы, бронзовые слиточки, бракованные изделия, заготовки предметов, 32 плавильных тигля, 13 ковшиков-лячек, 12 литейных форм). На поселении обнаружены также остатки трех мастерских. Мастерская 1 (помещение VIII) — наземное турлучное здание размерами 32×20 м, разделенное внутри на ряд малых помещений (табл. III, 3). В восточном углу находились остатки сложенной из камня и глины плавильной печи прямоугольной формы (табл. VII, 1). Площадь развала — $3 \times 1,5$ м. Толщина развала печи — 0,5 м. Кроме печи, в помещении найдены обломки слепленных из глины конусовидных и цилиндрических стенок очагов. Высота их 10—30 см, диаметр по основанию 0,5—0,7 м, диаметр устья 15—17 см. В слое мастерской были найдены четыре обломка медеплавильных тиглей, литейная форма для наконечников стрел, четыре глиняные лячки, три каменных песта, полуфабрикаты бронзовых ножей, пила и наконечников стрел. В одной из ям в непосредственной близости от мастерской 1 обнаружены несколько сложенных вместе круглодонных тиглей с коркой металла на дне, глиняные и каменные литейные формы, бронзовые пунсоны и пинцет, видимо, для отделки готовых предметов. Мастерская 2 обнаружена на юго-восточном краю холма 1. В ней раскопан плавильный горн более сложной конструкции, чем в мастерской 1. От горна сохранилась топчанная камера в виде большой ямы с примыкавшей к ней по касательной прямоугольно-вытянутой траншеей — дымоходом. Размеры топчанки: диаметр 1,8 м, глубина 1,5—1,6 м, длина траншеи 3 м, ширина ее 0,3 м. По краю топчанки со-

хранилось несколько больших камней и куски обмазки с оплавленной поверхностью от наземной части горна. В завале топчанки попадались угли, прослойки золы и застывшие капельки бронзы (табл. VII, 8). Мастерская 3 была расположена на юго-восточном краю холма 1. От мастерской остался только горн в виде неглубокой ямы, заполненной обожженными камнями и кусками глинобитного высотой 15 см бортика с оплавленной от жара поверхностью. Размер ямы-горна $1,25 \times 1,2$ м, глубина 0,35 м. Недалеко от горна найдена половинка глиняной литейной формы.

Следы местной металлообработки обнаружены, кроме Сержень-Юртовского поселения, на Алхастинском (литейная форма и пест), Бамутском (семь литейных форм) и на Нестеровском (глиняная лячка) поселениях. Остатки литейной мастерской открыты в слое скифского времени на поселении Ханкала — II в 1970 г. В мастерской обнаружены угли, зола, капли бронзы и четыре тигля для плавки металла⁵⁷.

Существенно дополняют характеристику местного металлопроизводства результаты анализа 72 предметов из слоя поселения и из погребений у с. Сержень-Юрт. Определен металл всех категорий изделий X — VII вв. до н. э. Состав металла этих изделий отличается высоким процентом примеси олова (до 15%). В то же время почти половина предметов, подвергшихся анализу, оказалась из мышьяковистой бронзы. Мышьяковистая бронза шла на изготовление орудий труда и наконечников стрел. Из высокооловянистой бронзы изготавливались преимущественно украшения. Мастера-металлурги восточной территории кобанской культуры обладали разнообразными методами обработки бронзы и готовых изделий из нее (литье в одностворчатых и двустворчатых формах, литье по восковой модели,ковка предметов и проковка после литья, выбивание украшений из тонкого листа на матрице, вытягивание проволоки, резьба тонких листов бронзы, чеканка и резьба по готовому литому изделию). Все эти приемы хорошо прослеживаются на предметах Алхастинского, Бамутского и Сержень-Юртовского поселений, а также на предметах из могильников и отдельных погребений. При сопоставлении продукции бронзолитейщиков IX—VII вв. до н. э. (Сержень-Юрт, Бамут, Зандак, Аллерой и др.) и VI—V вв. до н. э. (преимущественно из могильников Лугового, Нестеровского, Исти-Су, Ца-Ведено, Шалинского) хорошо различаются массивность, вычурность форм и богатство орнаментации более поздних изделий. Объясняется это возросшим мастерством обработки бронзы и более щедрым расходом металла на украшения в связи с усвоением к этому времени массового производства железных орудий труда и оружия. Технология же и основные орудия производства бронзолитейщиков VI—V вв. до н. э. не отличались от IX—VII вв. до н. э. Местные металлурги знали железо и железные предметы уже в начале I тысячелетия до н. э., однако материала по железодельному производству на поселениях восточной группы очень мало. Он ограничивается лишь несколькими кусками железных шлаков на Нестеровском и Урус-Мартановском поселениях середины I тысячелетия до н. э. Для более раннего времени знакомство с железом документируется находками отдельных железных предметов.

⁵⁶ Крупнов Е. И., 1960, с. 164.

⁵⁷ Виноградов В. Б., Петренко В. А., 1971, с. 114.

Так, на Сержень-Юртовском поселении они составляли менее 4% от всех металлических изделий (серпы, ножи, шилья). В погребениях VIII—VII вв. до н. э. у с. Сержень-Юрт количество железных предметов возрастает (ножи, наконечники копий, биметаллические кинжалы), а к VI—V вв. до н. э. они уже господствуют (Нестеровское, Ханкальское поселения, все могильники середины I тысячелетия до н. э.). Металлографический анализ серпов из Сержень-Юрта показал, что орудия в это время изготовлялись путем сварки среднеуглеродистой и высокоуглеродистой твердой стали, причем качество сварки было недостаточно хорошим. Из сварочного железа с последующей проковкой был изготовлен топор из Нестеровского могильника. Таким образом, в кузницах эпохи раннего железа производилась только горячая обработка железа.

Видимо, в IX—VII вв. до н. э. железные изделия на территории восточной группы были привозными и только около середины I тысячелетия до н. э. можно предположительно говорить об их местном массовом изготовлении. Кроме бронзы и железа, для изготовления предметов, преимущественно украшений, использовалась сурьма (подвески и бусы из Сержень-Юртовского могильника).

На поселениях обнаружены также следы косторезного производства (Сержень-Юрт, Бамут, Алхасте). На Сержень-Юртовском поселении куски рога, заготовки предметов и бракованные изделия были рассеяны по всей площади равномерно. Скопления их наблюдались около остатков жилищ, в ямах и в особенности на мостовых улиц. Большая часть материалов из кости и рога относилась к началу I тыс. до н. э., и лишь отдельные предметы (наконечники стрел пирамидальной и пулевидной формы, ворворки и т. д.) могут быть датированы серединой I тысячелетия до н. э.

Косторезы поселений восточного варианта кобанской культуры были знакомы с такими приемами обработки сырья, как мягчение кости и рога, поперечное резание, строгание, долбление, пиление, скoblение, шлифовка и полировка, сверление и художественная резьба. Каменные предметы занимали еще заметное место в быту населения восточной группы. Особенно много их найдено в слое Сержень-Юртовского поселения (навершие булавы, литейные формы, вкладыши для серпов и пил, оселки, молоты, песты, зернотерки, наконечники стрел, пращевые камни и т. д.). В меньшей степени они представлены на других поселениях (Бамутское поселение — литейные формы, зернотерки; Алхастинское поселение — каменный пест, зернотерки, лопила и т. д.). Большинство предметов из камня относилось к началу I тысячелетия до н. э., и лишь отдельные находки могут быть датированы VI—V вв. до н. э. (дисконидные пряслица). Только на Сержень-Юртовском поселении открыты следы производства каменных изделий (отходы кремня, заготовки для предметов, полуфабрикаты). В форме и технике изготовления

каменных предметов отмечается глубокая традиция изделий и архаизм методов их обработки. Это явление, несомненно, объясняется господством металлических изделий. Находки на поселениях восточной группы глиняных и костяных пряслиц, роговых инструментов от ткацкого станка, костяных и бронзовых игл свидетельствуют о занятиях прядением, ткачеством, плетением и швейным делом. Преобладание в слое Сержень-Юртовского поселения больших и толстых игл указывает на то, что местные швеи имели дело с грубоплетеными тканями, кожей и войлоком. Доказательствами занятий обработкой дерева могут служить находки остатков рукоятей в погребениях Сержень-Юртовского могильника, а также оттиски обработанных досок на обмазке из слоя поселений. В целом две основные особенности характеризуют домашние ремесла восточных кобанцев: примитивные орудия труда и при этом большое разнообразие изделий и высокое качество их исполнения.

О быте жителей поселения восточного варианта кобанской культуры можно также судить по огромному количеству предметов обихода, обнаруженных в слое жилищ, мостовых и ям. Это разнообразной формы посуда (горшки, миски, кружки, блюда, крышки и т. д.), орудия труда, предметы конского снаряжения, оружие (местное и привозное), богатейший набор женских и мужских украшений. Характеристика и типология всех этих предметов из слоя поселений и из могил будет изложена в специальном отдельном томе свода.

Как уже отмечалось, поселения восточного варианта кобанской культуры изучены неравномерно. В связи с этим сравнительная характеристика разновременных поселений может быть только приближительной. Расцвет поселений восточной группы приходится на IX—VII вв. до н. э. В VII — начале VI вв. до н. э. в развитии поселений наблюдается перерыв, что, вероятно, связано с начавшимся интенсивным передвижением степных северных племен, сначала киммерийцев, а затем скифов и савроматов (Е. И. Крупнов, В. И. Марковин, В. Б. Виноградов). В частности, именно в это время на Сержень-Юртовском поселении отмечены следы пожаров, несколько погребений и большое количество бронзовых наконечников стрел скифского типа. С середины V в. до н. э. на одних поселениях заметны следы упадка (Нестеровское), на других жизнь замирает вовсе (Сержень-Юрт, Бамут, Алхасте). Видимо, в этот период какая-то часть древнего населения под воздействием пришельцев отхлынула в горы. Оставшаяся же часть населения предгорий и равнины вынуждена была приспособиться к новым условиям. Материальная культура поселений (Нестеровская, Аллерой, Ханкала) и могильников в этот период претерпевает значительные и заметные изменения. Выкристаллизовался некий сплав традиционных кобанских и скифоидных элементов. В большей степени он проявился в металлических изделиях VI—V вв. до н. э., в меньшей степени — в формах керамики.

Погребальные памятники восточного варианта кобанской культуры изучены лучше, чем поселения. Известно не менее 41 пункта, где обнаружены отдельные погребения и обширные могильники. Объекты не равноценны по информации, тем не менее 563 погребения из 41 памятника дают возможность судить о погребальном обряде и погребальных обычаях изучаемой группы⁵⁸.

В меньшей степени известны памятники X—VII вв. до н. э. (148 погребений из 10 пунктов). Поздний период, представленный преимущественно памятниками VI—V вв. до н. э., изучен более обстоятельно (415 погребений из 32 пунктов)⁵⁹. Большинство могильников располагалось вблизи поселений (табл. VIII, 4), в лесистых предгорьях, на плоских речных террасах (табл. VIII, 1—3). Некоторые памятники обнаружены на широкой Надтеречной равнине, и лишь отдельные погребения, с характерными для восточной группы чертами, оказались далеко к северу, за Терек (селение Алпатово). Самые восточные пункты находятся вблизи бассейна р. Акса, на границе с каякентско-хорочоевской культурой. Погребальные памятники этого района носили ярко выраженные признаки смешения двух культур. Смешанность проявлялась как в погребальном обряде (погребальные сооружения Аллероевского могильника), так и в погребальном инвентаре (Ялхой-Мохк, Балан-Су и т. д.). В ряде случаев степень смешанности столь велика, что трудно определить принадлежность памятника к одной из двух вышеназванных культур. Так, например, среди погребений Зандакского (Дагбашского) могильника, в целом относящегося к позднему этапу каякентско-хорочоевской культуры, имелись и такие, которые по большинству признаков и особенно по погребальному инвентарю никак не могут быть рассмотрены как каякентско-хорочоевские и выборочно включены в изучаемую группу.

К ранним погребальным памятникам восточного варианта кобанской культуры относятся: могильник у селений Кескем и Пседахе (пять погребений), могильник у селения Сержень-Юрт (78 погребений), могильник у селения Аллерой (12 погребений), отдельные погребения у селений Бачи-Юрт, Алпатово, Знаменское, Самашки, более двух десятков погребений из Зандакского (Дагбашского) могильника. К этой же группе относятся раскопанные В. И. Долбежевым могилы у селения Шарой (не менее двух

погребений). О порядке расположения могил на погребальном поле можно судить по раскопкам Сержень-Юртовского и Аллероевского могильников. Могилы у селения Сержень-Юрт размещались параллельными рядами, расстояние между которыми 2—2,5 м. Рядность могил наблюдалась и на других могильниках (Аллероевский, Зандакский). На остальных памятниках этот признак не прослеживался, возможно, из-за малочисленности раскопанных могил (табл. IX, 1).

Поздняя группа включает следующие погребальные памятники: могильники у станицы Нестеровской (53 могилы), у селений Мужичи (Луговой), Урус-Мартан, Исти-Су. Сюда же относятся могильники у селений Аллерой и Ханкала I (г. Грозный). Временем VI—V вв. до н. э. датируются входящие в позднюю группу многочисленные одиночные погребения у селения Шали, Ца-Ведено, станиц Орджоникидзевской, Троицкой, у селений Старые Атаги, Гойты, Кескем и Пседахе, Гендерген, Эрсеной, Чир-Юрт и т. д. Достаточно полно изученные памятники типа Лугового могильника свидетельствуют о сохранении традиции рядности могил. В Луговом могильнике они так же, как и в более раннем Сержень-Юртовском, располагались параллельными рядами. Ориентировка рядов по линии северо-восток — юго-запад. То же самое, но с меньшей строгостью соблюдалось в Нестеровском и Ханкальском I могильниках (табл. IX, 2—3).

НАДМОГИЛЬНЫЕ СООРУЖЕНИЯ (ТАБЛ. X)

Большинство известных могильников восточного варианта кобанской культуры содержало грунтовые или грунтовые и курганные погребения вместе. Подавляющее число грунтовых могил X—VII вв. до н. э. (125 из 134) ныне не имеет следов надмогильных сооружений (Сержень-Юртовский, Аллероевский, Алпатовский и др.). Однако в древности, видимо, все погребения имели надмогильные сооружения. Косвенным доказательством этому может служить отмеченная выше рядность могил на погребальном поле, а также находки погребений с каменными выкладками в 1—3 ряда (Кескемский и Зандакский). Каменные выкладки представляли собой овальные панцири из плотно уложенного поверх могилы булыжника. Кроме того, кое-где над грунтовыми могилами сохранились узкие, длинные необработанные камни — стелы (Зандакский могильник). Не исключено, что такие стелы — результат влияния каякентско-хорочоевской культуры. В погребальном обряде послед-

⁵⁸ Учтены данные до 1970 г.; Сержень-Юртовский могильник — до 1971 г. включительно.

⁵⁹ См. Указатель памятников и сводную таблицу по погребальному обряду.

ней они прослеживались постоянно⁶⁰. Захоронения под курганами для ранней группы практически не засвидетельствованы, если не считать одно погребение под земляной насыпью конца II — начала I тысячелетий до н. э., у с. Знаменского, на берегу р. Терек.

Несколько меняется картина на втором этапе развития изучаемой культурной группы. Из 356 могил только 1/3 не имела сооружений (Сержень-Юртовский, Ханкальский I, Аллероевский и др.). Преобладающими становятся грунтовые погребения под каменными выкладками, которые иногда насчитывают 6-7 слоев плотно уложенного булыжника (Луговой). Луговой могильник вообще отличался среди памятников поздней группы большим разнообразием форм выкладок. Кроме овальных и круглых, сооружались прямоугольные (погребения 94, 95, 99), овально-ромбические (погребения 98, 123) и даже треугольные (погребение 96). Размеры выкладок в среднем 1,2×1,76 м; 1,35×1,75 м; 1,3×1,55 м; 1,75×2,2 м; 2×2,1 м. Кроме выкладок из булыжника, изредка имели место закладки из песчаниковых плиток (погребение 153). Новым по сравнению с ранней группой является сооружение вокруг выкладок каменных колец-оградок, кромлев. Такие погребения обнаружены в Нестеровском (2 погребения) и в Луговом (13 погребений) могильниках. Видимо, прав Р. М. Мунчаев, рассматривавший этот признак как пережиточное явление эпохи ранней и средней бронзы и время от времени встречаемое на самых различных территориях⁶¹.

В отличие от ранней группы, значительно возрастает количество подкурганых захоронений VI—V вв. до н. э. Они составляют 1/6 всех известных могил (52 из 356). Различаются курганы с земляной (Урус-Мартановский — «Бойси-Ирзо», Орджоникидзевский, Грозненский, Старо-Атагинские, Старо-Сунжинский, Троицкий, Гойтинские), с щебенистой (Урус-мартановский — «Ани-Ирзо») и с каменной (Нестеровский, Бамутский, Луговой) насыпями. По количеству преобладают курганы с насыпью из щебенки. Один из курганов Урус-Мартановского могильника имел следы кольцевого ровика вокруг насыпи, а вокруг кургана в Луговом могильнике (погребение 148) имелось каменное кольцо-кромлех. Курганы, как правило, сооружали на могильниках, расположенных в равнинной части территории восточного варианта и лишь изредка — в предгорной его части (Луговой, Нестеровский). Необходимо подчеркнуть, что, кроме насыпи, захоронения под курганами ничем не отличались от грунтовых захоронений в этих же могильниках, ни по погребальному обряду (поза, ориентировка), ни по инвентарю. Курганный обряд был известен в равнинной части Северо-Восточного Кавказа еще с глубокой древности, однако резкое увеличение подкурганых захоронений именно в середине I тысячелетия до н. э., видимо, связано с возросшим влиянием степной скифо-сарматской культуры на культуру аборигенов. Об этом свидетельствуют скифоидные элементы в металлических изделиях грунтовых могильников (оружие), а также появление на территории восточного варианта памятников типа Гойтинских курганов, которые ближе всего могут быть связаны с собственно савроматской культурой. Памятники такого типа не включены в настоящий

свод. Исключение составляют лишь погребение «рабыни» из богатого савроматского кургана 4, у селения Гойты⁶² и курган у селения Мескер-Юрт, а также впускное погребение в Старо-Сунжинском кургане. Эти захоронения совершены по обряду восточного варианта кобанской культуры.

ТИПЫ МОГИЛ (ТАБЛ. XI)

По устройству могильных сооружений погребения восточного варианта кобанской культуры могут быть разделены на несколько типов.

Тип I. Захоронение на горизонте. Такие захоронения имели место как на первом этапе, так и на втором. Относительно общего числа исследованных погребений этот тип представлен незначительно. Так в группе X—VII вв. до н. э. захоронения на горизонте имелись в могильнике у селений Кескем и Пседахе (2 погребения). В группе VII—IV вв. до н. э. они раскопаны в Нестеровском могильнике (21 погребение), в курганах у селения Бамут, в Урус-Мартановском («Бойси-Ирзо» — 5 погребений), в Луговом (52 погребения) могильнике, в подкурганном погребении у станицы Троицкой, в Аллероевском могильнике (5 погребений), в подкурганых захоронениях у селения Старые Атаги (5 погребений).

Таким образом, этот первый тип могил имел место как в грунтовых, так и в курганных могильниках.

Тип II. Грунтовая яма овальной, прямоугольной или трапециевидной формы. Характерный тип могилы восточного варианта первого и второго этапа. Размеры ям самые различные: 0,5 × 1,13 м; 1,1 × 1,55 × 1,4 м; 1,5 × 2,2 м и т. д. Выделяются пять вариантов:

1) простая яма (табл. XI, 1—3, 7). Стенки могил гладкие или слегка обожженные (Сержень-Юртовский могильник). В большинстве могильников представлен именно этот вариант;

2) яма, стенки которой обложены булыжником в 2—3 слоя высотой (табл. XI, 5—6). Могилы с обкладкой стенок булыжником имелись в Нестеровском (8 погребений), Луговом (1 погребение), Аллероевском (6 погребений) и Зандакском (3 погребения) могильниках;

3) простая грунтовая яма с кольцом из булыжника по верхнему краю. В группе X—VII вв. до н. э. одна такая могила имелась в Аллероевском могильнике. В более позднее время такие могилы зафиксированы в Луговом могильнике (7 погребений);

4) простая грунтовая яма, перекрытая каменной плитой. Известны всего две такие могилы. Одна обнаружена в могильнике у селения Бачи-Юрт (пограничная зона кобанской и каякентско-хорочоевской культур). Датируется погребение началом I тысячелетия до н. э. Вторая могила известна в Луговом могильнике VI—V вв. до н. э. (погребение 153).

Могильные ямы, перекрытые плитой, появились, скорее всего, под воздействием погребального обряда культуры раннего железного века Дагестана, где покрытие каменных ящиков плитами было обычной чертой погребального обряда. На примере Лугового могильника можно судить, что этот вариант могильной ямы доживает до середины I тысячелетия до н. э.;

5) грунтовая яма с обкладкой стенок деревом (табл. XI, 4). Такие могилы известны только в Луго-

⁶⁰ Марковин В. И., 1969, с. 33—34.

⁶¹ Мунчаев Р. М., 1963, с. 202.

⁶² Марковин В. И., 1965, с. 166; Виноградов В. Б., 1972, с. 49—50.

вом могильнике (3 погребения). Не исключено, что эта форма возникла не без влияния скифской культуры, в памятниках которой обкладка грунтовых ям деревом отмечалась исследователями неоднократно⁶³.

Тип III. Каменный ящик прямоугольной, квадратной и трапецевидной формы (табл. XI, 9). Размеры ящиков различные: 0,45 × 0,45 м; 0,5 × 0,9 м. Ящики сооружались из больших плоских плит. Перекрытие состояло из одной или двух плит. Каменные ящики зафиксированы на территории восточного варианта только в пограничной с каякентско-хорочоевской культурой зоне (Зандакский и Аллероевский могильники). Они отражают взаимовлияние двух разных культур в зоне смешения их памятников. Процесс взаимного обогащения чуждыми признаками отмечен в памятниках этой территории на протяжении всей первой половины I тысячелетия до н. э.

Тип IV. Каменный склеп (табл. XI, 8) в виде массивного каменного ящика, но сооружен не из плит, а из каменных блоков, размером 0,3 × 0,35 м; 0,35 × 0,2 м. Конструктивно склеп напоминал ямы с булыжной обкладкой, однако размеры его вдвое превышали яму. Иногда в конструкции применялось дерево. Так, отличительной особенностью склепа погребения 48 Аллероевского могильника являлась деревянная рама, уложенная внутри каменной обкладки. Перекрытие состояло из нескольких мелких каменных плит. Размеры склепов — 1,25 × 1,85 м (погребение 56), 1,75 × 2,1 м (погребение 48).

Склепы всегда служили коллективной усыпальницей. На территории восточного варианта кобанской культуры они найдены только в Аллероевском могильнике (погребения 48 и 56). Появление этого типа могильных сооружений, как и третье, следует рассматривать как результат влияния погребального обычая каякентско-хорочоевской культуры. Корни этого типа погребальных сооружений на Северо-Восточном Кавказе уходят в эпоху ранней и средней бронзы (Гатынкалинский могильник, памятники Дагестана).

Таким образом, как на первом, так и на втором этапе развития восточного варианта кобанской культуры грунтовые ямы являются характерным признаком погребального обряда этой группы. Появление других могильных форм, особенно на втором этапе, связано с воздействием на кобанскую культуру чуждых элементов.

ОРИЕНТИРОВКА, ПОЗА ПОГРЕБЕННЫХ И ДРУГИЕ ДЕТАЛИ ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА

Труположение — единственная форма погребения у носителей восточного варианта кобанской культуры на всех этапах его развития.

Для погребенных ранней группы (табл. XII) характерна скорченная поза на левом или правом боку. Какой-либо закономерности при этом не наблюдается. Так, в Сержень-Юртовском могильнике преобладали погребения на левом боку, независимо от пола и возраста. Только в двух мужских захоронениях отмечено положение на правом боку. В ранних погребениях могильника у селения Кескем и Пседахе покойники захоронены на левом боку. В Зандакском могильнике, в группе погребений с преобладанием кобанских черт зафиксированы труположения как на левом,

так и на правом боку. Исключение составляло погребение 51, где отмечена чрезвычайно редкая поза — скорченная, на животе. Большинство труположений — сильно скорченные. Положение рук покойников самое различное. Погребенные Сержень-Юртовского могильника захоронены с прижатыми к груди руками. В Кескемском и Зандакском могильниках преобладало положение рук перед лицом. В Сержень-Юртовском могильнике имелись погребения, когда покойники были положены так, что одна рука помещалась на груди, а другая была протянута к коленям, или положена на пояс, или вытянута вдоль туловища (см. сводную таблицу). Но такие случаи единичны.

Для ранних погребений не характерна определенная ориентация покойников. Преобладание той или иной ориентации наблюдалось только в пределах одного могильника. Так, в Кескемском могильнике характерно положение покойников головой на восток; в Сержень-Юртовском могильнике преобладала северо-восточная ориентировка, в Аллероевском и Зандакском (в погребениях с кобанским инвентарем) — южная. Но в каждом из указанных памятников имелись и отклонения от правила. Так, в Сержень-Юртовском могильнике в пяти погребениях покойники лежали головой на юго-восток, в двух — головой на юго-запад, в шести — головой на восток и в одном — головой на запад. В Аллероевском могильнике одно погребение имело северную ориентировку, в Зандакском имелись погребения с юго-восточной и юго-западной ориентировкой. Преобладание той или иной ориентации покойников в пределах одного могильника Е. И. Крупнов объяснял возможным существованием поблизости от могильника почитаемого родовой группой святилища, в направлении которого и укладывали головой захороненных⁶⁴.

В яме, как правило, хоронили одного покойника. Лишь изредка встречались парные захоронения (табл. XII, 7). В Сержень-Юртовском могильнике пока известно всего одно такое захоронение (погребение 73), причем оба скелета — женские. В Зандакском могильнике (погребения с кобанским инвентарем) отмечено четыре парных захоронения, причем только в двух случаях удалось определить пол погребенных. В погребении 29 были захоронены двое мужчин; в погребении 38 — мужчина и женщина. В ряде погребений с преобладанием кобанских черт Зандакского могильника (погребения 1, 24, 49) отмечен обычай вторичного захоронения. В таких случаях останки первично захороненного покойника сдвинуты в сторону, а на его место помещался покойник, умерший позднее. Этот обычай, как и наличие каменных ящиков и склепов, отражает смешанный характер памятника и больше присущ каякентско-хорочоевской культуре.

Количественное соотношение мужских, женских и детских захоронений в каждом могильнике разное. В Сержень-Юртовском могильнике преобладали женские погребения и совсем мало детских могил. В Аллероевском могильнике также преобладали женские погребения. В Зандакском могильнике мужских погребений вдвое больше, чем женских. Всего по ранней группе насчитывается 44 мужских и 46 женских захоронений, т. е. соотношение их почти равное. Детские погребения единичны.

⁶³ Петренко В. Г., 1967, с. 15.

⁶⁴ Крупнов Е. И. 1957 а, с. 160.

Изучение погребального обряда Сержень-Юртовского могильника свидетельствует о том, что дно могильной ямы устилалось травой или войлоком, а сами захороненные прикрывались сверху войлоком или кожей. Постоянным признаком погребального обряда ранней группы являлось наличие углей в могиле. Они часто попадались в засыпи ямы, иногда при расчистке самого скелета. В трех погребениях Сержень-Юртовского могильника угли у головы погребенного были насыпаны в глиняную плошку. Угли играли очистительную роль в обряде, и находки их в могилах свидетельствуют о культе огня. Той же цели, видимо, служили и кусочки реалгара и охры, которые значительно реже, чем уголь, попадались в погребениях Сержень-Юртовского и Зандакского могильников. Особенность погребального ритуала составляли каменные плитки, положенные рядом с покойником. Они имели место в погребениях Сержень-Юртовского и Аллероевского могильников (табл. XII, 3). Находка в погребении 56 (Сержень-Юрт) рядом с такой плиткой кучки угля дает возможность предполагать, что плитки играли роль жертвенника. В погребении 29 (Сержень-Юрт) около такой плитки лежал пест.

Обычно погребения сопровождалась напутственной пищей. В могилах постоянно встречались сосуды, а также кости животных (коров, овец и свиней).

Особенность некоторых могильников — погребения с взнузданным верховым конем (Сержень-Юрт, Зандак). Чаще в могиле находился целый остов (табл. XII, 5), но иногда хоронили лишь отдельные части лошади (например, погребение 6 в Сержень-Юртовском могильнике, погребения 37, 38 и 46 в Зандакском могильнике).

Покойники сопровождалась большим количеством всевозможных предметов (украшения, оружие, орудия труда). В могилах ранней группы преобладали бронзовые предметы. Биметаллические и железные изделия редки. Найдены также предметы из кости, сурьмы, стекла, камня (сердолик, змеевик, базальт). Подробная характеристика типов предметов будет изложена в специальном отдельном томе свода. Здесь же ограничимся лишь общими данными о размещении погребального инвентаря в могиле.

Наконечники копий находились у головы, перед лицом покойника, а иногда — в углу могилы, рядом с сосудами. Боевые топоры размещались у плеча. Кинжалы располагались на бедре или около рук, клинком вверх. Булавы из камня или рога были положены около рук, на уровне груди или плеча. Ножи, как правило, находились рядом с кинжалами, но имелись исключения. Обычай помещения ножа рядом с кинжалом существовал у горцев до недавнего времени. Нож носился в специальном футляре под кинжалом на поясе.

Чрезвычайно редко в могилах ранней группы встречались наконечники стрел.

Изредка в могилах находили орудия труда (тесловидные топоры, втульчатые долота, каменные песты). Они располагались у черепа захороненного. В могилах имелись массовые находки украшений. Большинство их было на самом захороненном. Но довольно часто такие предметы были положены рядом. В погребениях мужчин на черепе обязательно находилось бронзовое малое височное кольцо в полтора оборота, на руках — массивные бронзовые браслеты (иногда до 8 штук), на груди — ожерелье из стеклянных или бронзовых бус, изредка — остатки портупей,

украшенной бусами или бронзовыми бляхами. В женских погребениях, как правило, были многочисленны бронзовые подвески, пояса из бронзовой спирали, бронзовые нагрудные бляхи, бронзовые головные булавки с волютообразными, зооморфными и антропоморфными навершиями, бронзовые браслеты (от двух до восьми штук на обеих руках). Головной убор украшался стеклянными бусами и бронзовыми мелкими бляшками и подвесками. На груди почти всегда находилось ожерелье из бус. Изредка бусы и бронзовые спиральные пронизки украшали обувь (табл. XII, 4). Конский убор находили или у остова лошади или в изголовье покойника.

Особенность могил раннего этапа — наличие большого количества глиняных сосудов с заупокойной пищей. Лишь в отдельных захоронениях встречены 1—2 сосуда, в большинстве же случаев их насчитывается от 5 до 30 штук. Состав посуды постоянен. Сосуды помещались перед лицом или возле головы покойного. Это большие лощеные корчаги с шаровидным туловом и отогнутым венчиком, украшенные нарезным геометрическим орнаментом (Зандак) или большие горшки биконической формы, с налестами. Изредка ставились миски и кружки. В отдельных могилах Сержень-Юртовского, Аллероевского, Зандакского могильников зафиксированы находки глиняных плошек-курильниц с угольками или нагаром внутри. Отличительной особенностью Сержень-Юртовского могильника является захоронение горшков между рядами могил.

Наблюдаемая в комплексе постоянная взаимовстречаемость определенных предметов создает отчетливое представление о характерных признаках инвентаря ранней группы мужских и женских могил восточного варианта (табл. XVII—XXI).

К ранней группе, видимо, следует отнести также пять могил, раскопанных в слое Сержень-Юртовского поселения (табл. XIII), — три одиночных, одно парное и одно коллективное погребения. Погребальный обряд сходен с погребальным обрядом ранней группы Сержень-Юртовского могильника. Покойники лежали на левом или правом боку, скорченно, головой на северо-запад, юго-запад или северо-восток. Исключения составляли два скелета взрослых из погребения 5, захороненные в неестественно изогнутой позе, на боку, вытянуто (табл. XIII, 4). В засыпи ямы обнаружен крупный бронзовый двулопастной с ромбической головкой наконечник скифского типа (табл. XIII, 5). В руках погребенных были зажаты головешки. В парном погребении 4 (матери и ребенка) были поставлены две глиняные кружки, типичные для слоя X—VII вв. до н. э. Вероятно, именно к концу этого периода и относились могилы на поселении.

Стратиграфические наблюдения позволили связать погребения в слое поселения с остатками разрушений и пожаров, следы которых отмечены на поселении. Не исключено, что это одно из свидетельств походов ираноязычных степняков в Закавказье в начале VII в.

Погребальный ритуал могильников второй группы (VII—IV вв. до н. э.) сохраняет много традиционных черт. Именно эти черты позволяют проследить эволюцию некоторых признаков в обряде захоронения населения восточного варианта кобанской культуры в более позднее время. По-прежнему характерной остается скорченная поза погребения на боку (218 погребений из 414). Однако, в отличие от ранней группы,

преобладают захоронения с погребенными, уложенными на правый бок. Во всех могильниках отмечено, что на левом боку были захоронены женщины, а на правом — мужчины (табл. XIV—XVI). Во второй группе впервые зафиксированы наряду с сильно скорченными скелетами слабо скорченные, иногда со скрещенными ногами. Такие захоронения имелись в Нестеровском могильнике (погребения 5, 12, 33, 45, 49) (табл. XIV, 1); в Урус-Мартановском — «Бойси-Ирзо» (курган 2, раскопки 1900 г. и курган 6, раскопки 1901 г.); в Луговом (погребения 42, 44, 66, 72, 80, 89, 109, 154); в Аллероевском (погребение 48). Именно в поздней группе впервые появляются захоронения погребенных, лежащих вытянуто на спине или на животе. Количество таких погребений незначительно, но достаточно заметно (20 погребений из 414). Такие погребения известны в Нестеровском могильнике (2 погребения), у селения Бамут (курган 5), в Ханкальском могильнике (3 погребения), в могильнике у селения Исти-Су (3 погребения), на возвышенности Сюир-Корт в г. Грозном (1 погребение), у станицы Троицкой (1 погребение), в Аллероевском могильнике (4 погребения), у крепости Воздвиженской (1 погребение), у селения Гойты (погребение «рабыни» в кургане 4), у пос. Горагорский (2 погребения), у селения Старая Сунжа (1 погребение). Положение рук при вытянутой позе самое различное. Преобладают погребенные, у которых обе руки вытянуты вдоль тела (Нестеровский, Аллероевский, Гойтинский). Но имеются также и такие, у которых обе руки сложены на поясе (Ханкала I) или одна рука прижата к груди, а вторая — на поясе (погребение на возвышенности Сюир-Корт в г. Грозном). В могилах со скорченными костями, как и раньше, наблюдалось положение рук перед лицом, перед грудью, или они были прижаты к груди. Иногда в одном и том же могильнике имели место все три случая расположения рук, но преобладал какой-нибудь один. Например, в Нестеровском и Луговом могильниках преобладают погребения с положением рук перед лицом. Как исключение следует упомянуть могилу, где покойник находился в сидячей позе (Урус-Мартановский могильник — «Бойси-Ирзо», курган 8, раскопки 1901 г.).

Ориентировка погребенных, как и в ранней группе, самая разнообразная, однако с преобладанием одного направления в пределах могильника. Так, в Нестеровском могильнике при самой различной ориентации покойников преобладала северо-восточная; в Урус-Мартановском — юго-юго-западная; в Луговом — юго-западная, в Аллероевском — южная (см. сводную таблицу 10 ориентации могил VII—IV вв. до н. э.). В целом для поздней группы заметно увеличение южной ориентировки. Она появляется даже в таких могильниках, где для ранних погребений устойчивой была другая ориентировка. Например, для Серженъ-Юртовского могильника в погребениях ранней группы характерной была северо-восточная. Но в погребениях, которые относятся к концу раннего периода (т. е. не позднее VII в. до н. э.), появилась юго-западная или юго-восточная ориентировка покойников. В погребениях 48 и 78 этого могильника, которые могут быть датированы VI в. до н. э., сохраняется южная ориентировка.

Вытянутые погребения, известные в разных могильниках второй группы, не имели устойчивой ориентировки. Однако только среди них имелись захоронения, ориентированные головой на запад. Появление

вытянутых погребений и западной ориентировки, вероятно, следует рассматривать как воздействие на местную культуру степной скифо-савроматской культуры, что подтверждается и находками в захоронениях оружия скифского типа. Однако следует подчеркнуть, что в погребальном обряде это воздействие было слабым. Местное население почти не восприняло чуждых черт погребального обряда, продолжая придерживаться старых традиций.

Как и раньше, большинство захоронений второй группы восточного варианта были одиночными. Однако в некоторых могильниках увеличилось число погребений парных и даже тройных. Кроме того, обнаружен обычай вторичного захоронения (от одного до трех человек). Подобные погребения имели место в Нестеровском могильнике (погребения 8, 14, 19, 21, 30, 49), в Урус-Мартановском могильнике (курганы 8 и 10, раскопки 1901 г. и курган 2, раскопки 1900 г.). В Аллероевском могильнике продолжала сохраняться традиция коллективных захоронений (погребения 1, 6, 7, 18, 27, 29, 30, 45, 46), а также обычай вторичного захоронения (примерно 1/3 хорошо сохранившихся погребений). Однако коллективные погребения вряд ли следует считать характерным признаком погребального обряда восточного варианта, поскольку в большинстве широко раскопанных могильников типа Лугового этот обычай не засвидетельствован. Как и в ранней группе, количественное соотношение мужских и женских погребений в каждом отдельно взятом могильнике различное, но преобладают мужские. Соотношение известных в настоящее время мужских и женских погребений составляет 159 к 113. Чрезвычайно мало детских погребений. Возможно, это объясняется тем, что детские кости хуже сохраняются, чем кости взрослых. Но не исключено, что детей иногда хоронили в слое поселений, недалеко от жилья (как отмечено в слое поселения Серженъ-Юрт).

Сведения о внутреннем убранстве могил поздней группы более скудны, чем те, которые известны для погребений X—VII вв. до н. э. Например, в погребении 76 Серженъ-Юртовского могильника на дне ямы сохранились остатки подстилки из органического материала, такого же, как в могилах первой группы. Появились, однако, некоторые черты убранства, характерные только для могил поздней группы. К ним относится засыпка дна могилы мелкой галькой (Нестеровский, Урус-Мартановский и Луговой могильники) или мелом (погребение 47 в Нестеровском могильнике; курган 2 — «Ани-Ирзо» и курган 7 — «Бойси-Ирзо» в Урус-Мартановском могильнике; погребение 10 в Аллероевском могильнике). Новой чертой погребального обряда были мелкие камешки, укладывавшиеся около погребенного кучкой или в сосудах (курган 2 — «Ани-Ирзо» в Урус-Мартановском могильнике, погребения 10, 13 в Аллероевском могильнике). В. Б. Виноградов на основе находок в Аллероевском могильнике полагает, что этот обычай усвоен аборигенами Северо-Восточного Кавказа от местных⁶⁵.

Как и в погребениях ранней группы, в захоронениях VII—IV вв. до н. э. около покойника изредка находили угли, кусочки реалъгара, охры и каменные плитки. По-прежнему одной из черт погребального

⁶⁵ Байбик В. Д., Виноградов В. Б., Гантимурова Т. М., Магомедов И. Д., 1969, с. 82—84.

обряда является обычай положения в могилу напутственной мясной пищи. Кости коровы, овцы и свиньи постоянно находили во многих погребениях Нестеровского, Сержень-Юртовского, Урус-Мартановского, Лугового и Аллероевского могильников, в погребениях у селения Старые Атаги и в могильнике у селения Исти-Су. В Урус-Мартановском могильнике отмечено захоронение собаки вместе с покойником.

Материалы VII—IV вв. до н. э. свидетельствуют о сохранении обычая погребения коней, но, в отличие от ранних могил, здесь обнаружены или только части остова (отдельные кости или черепа), или только предметы конского снаряжения (курган 8 — «Бойси-Ирзо» в Урус-Мартановском могильнике, раскопки 1901 г.; погребения 34, 38, 42 в Аллероевском могильнике; погребения около селения Мескер-Юрт; погребения 75, 112, 114, 120, 131 в Луговом могильнике).

Состав предметов и их расположение в могилах близки ранней группе. Основные предметы погребального комплекса мужских захоронений — оружие и украшения; женских — украшения (табл. XXII—XXV).

Но в отличие от ранней группы, большинство предметов вооружения — железные (кинжалы, секиры, клевцы, ножи, наконечники копий и стрел и т. д.). Наконечники копий располагались около головы покойника. Иногда в одной могиле находили два наконечника копья. Кинжалы, как правило, помещены у пояса, топоры — у плеча. Наконечники стрел лежали кучно перед грудью погребенного или были разбросаны по всей площади могилы. Для второй группы было характерно появление наряду с местным оружием так называемого скифского типа (бронзовые наконечники стрел, кинжалы-акинаки, топоры-клевцы и т. д.). Из местных типов вооружения в моги-

лах находили кинжалы и топоры, близкие по форме кобанским, наконечники стрел — плоски, но все они уже не бронзовые, а железные. Много в могилах украшений. Массивные бронзовые и железные браслеты, многовитковые перстни, гривны позднекобанского типа, поясные пряжки и крючки в зверином стиле, бронзовые фибулы и многоцветные стеклянные бусы постоянно встречались в мужских захоронениях. Отличались богатством бронзовых и стеклянных украшений и женские погребения VII—IV вв. до н. э. Типы украшений в массе своей представляли дальнейшее развитие древних форм. Но некоторые изделия оригинальны и не имели прототипов в более ранних комплексах. Таковыми являлись птицевидные бляхи или пряжки, биконической формы серьги, фибулы с подвесками, гривны с расплюснутыми и орнаментированными концами, крупные стеклянные глазчатые и антропоморфные бусы.

В отличие от ранней группы, в погребениях VII—IV вв. до н. э. сократилось число сосудов (не более 5 штук), но формы более разнообразны (кувшины с ручками, грубые приземистые горшки, украшенные наклепным валиком с зацепками). Для могил характерен постоянный керамический комплекс — кувшин, миска, кружка.

В целом характер и взаимосочетание погребального инвентаря могил VII—IV вв. до н. э. заметно отличаются от более раннего. Основная его особенность — дальнейшая эволюция местных форм материальной культуры, осложненная влиянием скифо-сарматской культуры (особенно в оружии). Меньше всего это воздействие прослеживается в керамике, где еще достаточно ясно видны в формах и орнаментации архаические черты.

СВОДНЫЕ ТАБЛИЦЫ по погребальному обряду

Т а б л и ц а 1. Надмогильные сооружения (X–VII вв. до н. э.)

Наименование памятника	Курган			Без сооружений	Каменная выкладка в 1–3 слоя	Каменная стела	Общее число
	земляной	щебенка	каменный				
Могильник у с. Кескем и Пседахе	–	–	–	1 (п. 2)	4 (п. 3, 5, 6, 7)	–	5
Погребения у с. Шарой (коллекция В. И. Долбежева)	–	–	–	2(?)	–	–	2(?)
Могильник у с. Бачи-Юрт	–	–	–	2	–	–	2
Могильник у с. Сержень-Юрт	–	–	–	78 п. 1–2 (1958), 1–2 (1965), 1–47, 49–75 (1966–1971)	–	–	78
Погребение у с. Знаменское	1	–	–	–	–	–	1
Могильник у с. Алпатово	–	–	–	5	–	–	5
Погребение у с. Самашки	–	–	–	2	–	–	2
Могильник у с. Аллерой	–	–	–	12 (п. 2, 4, 5, 9, 14, 20, 21, 24, 43, 50–51, 53)	–	–	12
Могильник у с. Зандак (Дагбаш)	–	–	–	55/23 * (п. 1, 9, 10, 15, 17–19, 23–25, 29, 30, 35–38, 41, 47, 49, 51, 60, № 2)	8/1 (п. 40)	3/3 (п. 46, 50, 58)	66/27
Погребение у с. Ахлово (Ниж. Курц)	–	–	–	1	–	–	1
Всего:	1	–	–	126	5	3	135

* Числитель — общее число могил, знаменатель — погребения с преобладанием кобанских элементов; в скобках перечислены погребения с преобладанием кобанских элементов.

Т а б л и ц а 2. Надмогильные сооружения (VII–IV вв. до н. э.)

Наименование памятника	Курган			Без сооружений	Закладка из камня				Общее число	
	земляной	щебенка	каменный		1–4 слоя		5–6 слоев	7 слоев		песчанн. плитки
					без ограды	кромлех				
Могильник у ст. Нестеровской	–	–	12 (п. 15, 19–25, 36–40)	15 (п. 1–5, 12, 13, 14, 16, 30, 33–35, 45, 46)	24 (п. 6–11, 17, 18, 26–29, 31, 32, 41–44, 47–50, 52)	2 (п. 51, 53)	–	–	–	53
Погребения у с. Бамут	–	–	1 (к. 5)	2	–	–	–	–	–	3
Погребения у с. Урус-Марган										
а) октябрь 1900 г.	–	2 (к. 1–2)	–	–	–	–	–	–	–	2
б) «Ани-Ирзо»	–	5 (к. 1–5)	–	–	–	–	–	–	–	5
в) «Гойси-ирзо»	1 (к. 7)	18 (к. 1–6, 8–11)	–	–	–	–	–	–	–	19

Таблица 2 (продолжение)

Наименование памятника	Курган			Без сооружений	Закладка из камня					Общее число
	земляной	щебенка	каменный		1—4 слоя		5—6 слоев	7 слоев	песчанн. плитки	
					без ограды	кромлех				
Могильник у с. Сержень-Юрт	—	—	—	2 (п. 48, 76)	—	—	—	—	—	2
Погребение у с. Ца-Ведено	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
Погребение в с. Шали (кирпичный завод)	—	—	—	2	—	—	—	—	—	2
Погребения у ст. Орджоникидзеvская (Слепцовская)	1 (2 впускных)	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Могильник в г. Грозном (Ханкала I)	—	—	—	5 (п. 6, 27, 32—33, 35)	—	—	—	—	—	5
Могильник у с. Исти-Су	—	—	—	19 (п. 1—19)	—	—	—	—	—	19
Могильник у с. Мужичи (Луговой)	—	—	1 (п. 143 с кромлехом)	6 (п. 24, 55, 56, 97, 136, 155)	132 (п. 1—21, 25, 26—28, 28а, 29—54, 57—71, 73, 75, 77—86, 88—93, 95—96, 98—99, 101—102, 104—109, 111, 116—120, 122—125, 127, 129, 131—135, 137, 139, 141, 143—147, 149—152, 154, 156—160)	13 (п. 72, 74, 76, 87, 94, 100, 112, 115, 121, 126, 130, 138, 142)	5 (п. 103, 110, 113 — с кромлехом, 140, 161)	2 (п. 114 — с кромлехом, 128 — с кромлехом)	1 (п. 153)	160
Погребение в г. Грозном (Ханкальское ущелье)	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
Погребение в г. Грозном (возвышенность Сюир-Корт)	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
Погребение в г. Грозном (бывш. Сталинский р-н, 1959)	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Могильник у с. Кескем и Пседахе	—	—	—	—	2 (п. 11, 12)	—	—	—	—	2
Погребение у ст. Троицкой (1913 г.)	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Могильник у с. Аллерой	—	—	—	38 (п. 1, 3, 11, 12, 13, 15, 17, 18, 19, 22, 23, 25—33, 37—42, 44—49, 52, 54—56, 58, 62)	12 (п. 6—8, 10, 16, 34—36, 57, 59—61)	—	—	—	—	50
Погребение у г. Гудермес (1956 г.)	—	—	—	2(?)	—	—	—	—	—	2(?)
Могильник у с. Старые Атаги (по данным 1958 г.)	5 (к. 5 — с кромлехом)	—	—	—	—	—	—	—	—	5
Погребение у кр. Воздвиженской (коллекция Муравьева-Карского)	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1

Таблица 2 (окончание)

Наименования памятника	Курган			Без сооружений	Закладка из камня					Общее число
	земляной	щебенка	каменный		1—4 слоя		5—6 слоев	7 слоев	песчанн. плитки	
					без ограды	кромлех				
Погребение у с. Шали (сев. берег Аргунского канала, 1958 г.)	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
Погребение у с. Гойты	1 (п. «рабыни» в к. 4)	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Погребение у с. Старая Сунжа	1 (впускное)	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Погребение у пос. Горгорский	—	—	—	3	—	—	—	—	—	3
Погребение у с. Мескер-Юрт	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Погребение в ст. Ассиновской	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
Погребение у с. Джалка	—	—	—	2	—	—	—	—	—	2
Погребения у с. Гендерген	—	—	—	2	—	—	—	—	—	2
Погребения у с. Эрсеной	—	—	—	2	—	—	—	—	—	2
Погребение у с. Алхазурово	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
Погребение у г. Малгобек	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
Погребение у с. Курчалой	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
Чир-Юрт	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
Ялхой-Мохк	—	—	—	1	—	—	—	—	—	1
Всего:	12	25	14	111	170	15	5	2	1	355
	51				193					

Таблица 3. Тип могил (X—VII вв. до н.э.)

Наименование памятника	I на горизонте	II грунтовая яма				III каменный ящик			Общее число могил
		1 простая	2 с обл. стенок булыжником	3 с кромлехом из булыжника	4 простая с покрытием плитой	прямоугольный	квадратный	трапециевидный	
Могильник у сел. Кескем и Пседахе	2 (п. 5, 6)	3 (п. 2, 3, 7)	—	—	—	—	—	—	5
Погребения у с. Бачи-Юрт	—	—	—	—	1	1	—	—	2
Могильник у с. Сержень-Юрт	—	78 (п. 1—2—1958; п. 1—2—1965; п. 1—47, 49—75)	—	—	—	—	—	—	78
Могильник у с. Алпатово	—	5	—	—	—	—	—	—	5
Погребения у с. Самашки	—	2	—	—	—	—	—	—	2
Могильник у с. Аллерой	—	11 (п. 2, 4, 9, 14, 20—21, 43, 50—51, 53)	—	1 (п. 5)	—	—	—	—	12

Таблица 3 (окончание)

Наименование памятника	I На горизонте	II грунтовая яма				III каменный ящик			Общее число могил
		1 простая	2 с обкл. стенок булыжником	3 с кромле- хом из булыж- ника	4 простая с покры- тием плитой	прямоуголь- ный	квад- рат- ный	трапе- циевид- ный	
Могильник у с. Зандак (Даг- баш)	1/0 *	18/6 (п. 17, 18, 19, 35, 36, 40)	7/3 (п. 30, 41, 60)	—	—	28/16 (п. 1, 10, 15, 23-24, 29, 37-38, 46-47, 49-51, 58-59), № 2 (1)	2/0	10/2 (п. 9, 25)	66/27
Погребение у с. Ахлово (Ниж. Курц)	—	1	—	—	—	—	—	—	1
Всего:	2	106	3	1	1	17	—	2	132

* См. объяснение в таблице 1.

Таблица 4. Типы могил (VII-IV вв. до н. э.)

Наименование памятника	I На горизонте	II грунтовая яма					III каменный ящик		IV склеп из камней с обкл. деревом	Общее число могил
		1 простая	2 с обкл. стенок булыж- ником	3 с кром- лехом из бу- лыжника	4 простая с покры- тием плитой	5 с обкл. стенок деревом	прямо- угольный	квад- рат- ный		
Могильник у ст. Несте- ровской	21 (п. 6, 7, 17, 19-20, 22, 25, 29, 31, 36-41, 44, 48-52)	24 (п. 1-5, 12-16, 21, 23-24, 30, 32-35, 42-43, 45-47, 53)	8 (п. 8-11, 18, 26-28)	—	—	—	—	—	—	53
Погребения у с. Бамут	1 (к. 4)	2	—	—	—	—	—	—	—	3
Погребение у с. Урус- Мартан	—	2 (к. 1-2)	—	—	—	—	—	—	—	2
а) октябрь 1900 г.	—	5 (к. 1-5)	—	—	—	—	—	—	—	5
б) «Ани-Ирзо»	—	14 (к. 1, 2, 3-4)	—	—	—	—	—	—	—	19
в) «Бойси-Ирзо»	—	2 (п. 48, 76)	—	—	—	—	—	—	—	2
Могильник у с. Сер- жень-Юрт	—	2 (п. 48, 76)	—	—	—	—	—	—	—	2
Погребение в с. Шали (кирпичный завод)	—	2	—	—	—	—	—	—	—	2
Погребение у с. Ца-Ве- дено	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
Погребение у ст. Орд- жоникдзевская (Слепцовская)	—	2	—	—	—	—	—	—	—	2
Могильник в г. Грозном (Ханкала I)	—	5 (п. 6, 27, 32-33, 35)	—	—	—	—	—	—	—	5
Могильник у с. Исти-Су	—	19 (п. 1-19)	—	—	—	—	—	—	—	19
Погребения в г. Грозном (Ханкальское ущелье)	—	2	—	—	—	—	—	—	—	2
Погребение в г. Грозном (возвышенность Сюир-Корт)	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1
Могильник у с. Кескем и Пседахе	—	2 (п. 11-12)	—	—	—	—	—	—	—	2
Погребение у ст. Тро- ицкой (1913 г.)	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1

Таблица 4 (окончание)

Наименование памятника	I На горизонте	II грунтовая яма					III каменный ящик		IV склеп из камней с обкл. деревом	Общее число могил
		1 простая	2 с обкл. стенок булыжником	3 с кром- лехом из бу- лыжника	4 простая с покры- тием плитой	5 с обкл. стенок деревом	прямо- угольный	квад- рат- ный		
Могильник у с. Мужичи (Луговой)	52 (п. 1-6, 15-21, 25, 28а, 31, 33, 36, 38, 40-41, 43-44, 47, 50, 53-54, 67-69, 77, 79, 80, 87, 91, 99, 104, 109, 119, 132, 136, 146-147, 149-150, 154-160)	96 (п. 7, 9, 10-14, 24, 26-30, 32, 34-35, 37, 39, 42, 45-46, 48-49, 51-52, 56-57, 59-66, 71, 73-76, 78, 81-86, 88-90, 92-93, 95-98, 101-103, 106-108, 110-112, 114, 116-118, 120-131, 133-135, 137, 139-145, 148, 151-152, 161)	1 (п. 8)	7 (п. 72, 94, 100, 105, 113, 115, 138)	1 (п. 153)	3 (п. 55, 58, 70)	-	-	-	160
Погребения у г. Гудермес (1956 г.)	-	2(?)	-	-	-	-	-	-	-	2(?)
Погребение у с. Гойты	-	1 (п. «рабыни»)	-	-	-	-	-	-	-	1
Могильник у с. Аллерой	5 (п. 44-45, 57, 59-60)	30 (п. 1, 3, 6-8, 11-13, 15-19, 22-23, 25, 27-28, 33-35, 37, 40-42, 46-47, 49, 54, 61)	6 (п. 30-31, 35, 38, 58, 62)	-	-	-	6 (п. 26, 29, 32, 39, 52, 55)	1 (п. 10)	2 (п. 48 - с деревом, п. 56)	50
Погребение у кр. Воздвиженской (коллекция Муравьева-Карского)	-	-	1	-	-	-	-	-	-	1
Могильник у с. Старые Атаги (по данным 1958 г.)	4 (к. 1, 3-5)	1 (к. 2)	-	-	-	-	-	-	-	5
Погребение у с. Шали (сев. берег Аргунского канала)	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1
Погребение у с. Старая Сунжа	-	1 (впускное)	-	-	-	-	-	-	-	1
Погребение у пос. Гаргорский	-	1	-	-	-	-	2	-	-	3
Погребение у с. Мескер-Юрт	1 (сруб.)	-	-	-	-	-	-	-	-	1
Погребение в ст. Ассиновской	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1
Погребение у с. Джалка	-	2	-	-	-	-	-	-	-	2
Погребение у с. Гендерген	-	-	-	-	-	-	2	-	-	2
Погребение у с. Эрсе-ной	-	-	-	-	-	-	2	-	-	2
Погребение у с. Алхазурово	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1
Погребение в г. Малгобек	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1
Погребение у с. Курчалой	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1
Чир-Юрт	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1
Ялхой-Мохк	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1
Всего:	90	224	16	7	1	3	12	1	2	356
				251						

Таблица 5*. Пова погребенных (X-VII вв. до н.э.)

Наименование памятника	Положение тела						Положение рук						Положение ног				
	неопределенное	скорченное	выгнутое	на боку		на спине	на живот	спя	перед корпусом	перед лицом	прихваты к груди	на поясе или у колен	выгнуты вдоль тела		скрещены	слабо согнуты	сильно скорчены
				левом	правом								правая	левая			
Могильник у с. Кескем и Пседахе	1 (п. 2)	4 (п. 3, 5, 6-7)	-	4 (п. 3, 5, 6-7)	-	-	-	-	1 (п. 5)	2 (п. 3, 6)	1 (п. 7)	-	-	-	-	-	4 (п. 3, 5, 6, 7)
Могильник у с. Бачи-Юрт	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Могильник у с. Алпатово	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Могильник у с. Самашки	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Погребение у с. Ахлюво	1	1	-	1	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	1
Могильник у с. Аллерой	7 (п. 2, 4-5, 14, 43, 51, 53)	5 (п. 9, 20-21, 24, 50)	-	-	2 (п. 24, 50)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	5 (п. 9, 20-21, 24, 50)
Могильник у с. Сержень-Юрт	20 (п. 1-2 (1958) 1-2 (1965 г.), 2, 4-5, 9, 15, 22-23, 25, 27, 29, 32, 40, 67-68, 71-72)	59 (п. 1, 3, 6-8, 10-14, 16-21, 24, 26, 28, 30-31, 33, 34-39, 41-47, 49-66, 69-70, 73(1), 74-75)	-	57 (п. 1, 3, 6-8, 10-14, 16-21, 24, 26, 31, 33, 34-39, 41-47, 49-66, 69-70, 73(1), 74-75)	-	2 (п. 9, 20) 2 (п. 28, 30)	-	-	2 (п. 63 (п), 75 (п))	5 (п. 56-57 73(1), 73(2), 75 (п))	46 (п. 1, 3, 6-8, 10-14 (п), 16-20 (п), 21, 24 (п), 26, 28, 30-31, 33-35, 37-39, 41-45 (п), 47, 49-51 (п), 52-55, 59, 61-62, 65-66, 70, 74)	5 (п. 46, 51 (п), 58, 64, 73(1))	3 (п. 14, 20, 24, 45)	1 (п. 63)	-	-	5 (п. 1, 3, 6-8, 10-14, 16-21, 24, 26, 28, 30-31, 33-39, 41-47, 49-66, 69-70, 73(1), 74-75)
Могильник у с. Зандак (Даг-баш)	19 ** (п. 1(2), 15, 17(1-2), 18, 19, 23, 24(2), 29(1-2), 30, 36-37, 40-41, 49(2), 58-60, № 2(3))	15 *** (п. 1(1), 9, 10, 24(1), 25, 35, 38(1), 38(2), 38(2), 46-47, 49(1), 51, № 2(1), № 2(2), № 2(3))	-	7 ** (п. 9, 10, 25, 35, 38(1), 46, 49(1))	-	7 ** (п. 1(1), 24(1), 38(2), 47, 50, № 2(2))	1 (п. 51)	1 № 2(1)	2 (п. 10, 24(1))	9 (п. 1(1), 9, 35, 46-47, 49(1)-50, № 2(2))	1 (п. 51)	-	-	-	-	15 ** (п. 1(1), 9-10, 24(1), 25, 35, 38(1), 38(2), 46-47, 49(1), 50, 51, № 2(1-3))	
Всего:	57	85	-	71	10	-	1	1	5	15	49	5	3	1	-	85	

* В таблицах 5-10 после номера погребения в скобках указаны порядковый номер скелета после номера погребения обозначены руны — левая или правая. Например: 26 (л.), 47 (п.). в коллективных или парных захоронениях. Например: 24(1), 36(1-2) и т. д. В таблицах 5-6 ** См. объяснение в таблице 1.

Таблица 6. Поза погребенных (VII-IV вв. до н.э.)

Наименование памятника	Положение тела										Положение рук			Положение ног			
	неопределенная	скорченное	выгнутое	на боку		на спине	на животе	сидя	перед корпусом	перед лицом	прижаты к груди	на поясе или у колен	вытянуты вдоль тела		скрещены	слабо согнуты	сильно скорчены
				левом	правом								правая	левая			
Могилиник у ст. Нестеровской	17 (п. 1-2, 4, 6, 14(2), 16(2), 18, 21(3), 25-28, 31, 36-38, 52)	49 (п. 3, 5, 7, 8(1), 8(2), 8(3), 8(4), 8(5), 8(6), 9-14(1, 3), 15-16(1), 17, 19(1-2), 20-21(1-2), 22, 24, 29-30(2), 32(1-3), 33-35, 39-49(1-2), 50)	2 (п. 51, 53)	9 (п. 7, 13, 14(3), 16(1), 20, 23, 30(1), 35, 40)	38 (п. 3, 5, 8(1-6), 9-11, 14(1)-15, 17, 19(1-2), 21(1-2), 22, 24, 29-30(2), 32(1-3), 34, 39, 42-48, 49(1-2), 50)	4 (п. 12, 33, 51, 53)	-	-	2 (п. 9(л), 11(л))	29 (п. 3, 5, 7, 8(1-6), 9(п), 10-11(л), 13(п), 16(1), 17, 20-21(1-2), 22, 29-30(1), 35, 40, 41, 42, 45, 47, 48, 49(1))	3 (п. 12(п), 13(л), 32(3))	-	1 (п. 12)	3 (п. 33, 51, 53)	1 (п. 53)	5 (п. 5, 12, 33, 45, 49(1))	45 (п. 3, 7, 8(1-6), 9-11, 13-14(1-3), 15-16(1), 17, 19(1-2), 20, 21(1-2), 22-24, 29-30(1-2), 32(1-3), 34-35, 39-44, 46-48, 49(2)-50)
Погребения у с. Бамут Могилиник	2	-	1 (к. 5)	-	-	1 (к. 5)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
у с. Урус-Мартан	-	2 (к. 1-2)	-	-	2 (к. 1-2)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2 (к. 1-2)
а) октябрь 1900 г.	3 (к. 2, 3, 5)	2 (к. 1, 4)	-	-	2 (к. 1, 4)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2 (к. 1, 4)
б) «Ави-Ирзо»	6 (1900 к. 2(1), 2(2), 2(3); 1901 к. 4, 8(1), 11)	17 (1900 к. 1, 3-8; 1901 к. 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8(2), 9, 10(1-3))	-	1 (1901 к. 10(2))	14 (1900 к. 1, 3, 4-8; 1901 к. 1, 2, 3, 7, 9, 10(1), 10(3))	-	-	-	4 (1901 к. 5, 6, 7, 9(л))	-	-	-	1 (1901 к. 10)	-	2 (к. 2, к. 6)	2 (к. 1, 4)	2 (к. 1, 4)
в) «Бойски-Ирзо»	1 (п. 48)	1 (п. 76)	-	-	1 (п. 76)	-	-	-	-	1 (п. 76)	-	-	-	-	-	1 (п. 76)	1 (п. 76)
Могилиник у с. Сержень-Юрт	-	2	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
Погребение у с. Шали (кирпичный завод)	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Погребение у с. Цаведено	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Погребение у ст. Орджоникидзевская (Слепцовскан)	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Таблица 6 (продолжение)

Наименование памятника	Положение тела						Положение рук						Положение ног				
	неопределенное	скорченное	вытянутое	на боку		на спине	на животе	сидя	перед корпусом	перед лицом	прижаты к груди	на поясе или у колен	вытянуты вдоль тела		скреплены	слабо согнуты	сильно согнуты
				левом	правом								правая	левая			
Могильник в г. Грозном (Хан-кала I)	-	2 (п. 27, 35)	3 (п. 6, 32, 33)	-	3 (п. 6, 27, 35)	2 (п. 32, 33)	-	-	-	-	1 (п. 27)	1 (п. 32)	-	-	-	-	2 (п. 27, 35)
Могильник у с. Исти-Су	3 (п. 5, 9, 11)	13 (п. 1-3, 6, 8, 10, 12-14, 16-19)	3 (п. 4, 7, 15)	3 (п. 3, 12, 19)	10 (п. 1, 2, 6, 8, 10, 13, 14, 16, 17, 18)	3 (п. 4, 7, 15)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	13 (п. 1, 2, 3, 6, 8, 10, 12, 13, 14, 16-19)
Погребения в г. Грозном (Хан-кальское ущелье)	-	2	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2
Погребение в г. Грозном (Сюир-Корг)	-	-	1	-	-	1	-	-	-	-	1 (п)	-	-	-	-	-	-
Могильник у с. Му-жичи (Луговой)	78 (п. 6, 7, 9-21, 24, 26-28, 28а, 31, 33, 36-39, 41, 47, 49(1-2), 54, 56, 57, 59, 61, 64, 67-69, 71, 74, 75, 77, 79, 81, 85, 87, 90, 91(2), 92, 93, 97, 103, 104, 108, 112, 114-116, 119, 120-122, 128, 130, 131, 133, 134, 139-144, 146, 148, 150, 155)	88 (п. 1-5, 8, 25, 29, 30, 32, 34(1-2), 35, 40, 42-46, 48, 50-53, 55, 58, 60, 62, 63, 65, 66, 70, 72, 73, 76(1-2), 78, 80, 82-84, 86, 88, 89, 91(1), 94-96, 98-102, 105(1-2), 107, 109-111, 113, 117, 118, 123-127, 129, 132, 135, 137(1-2), 138, 145, 147, 149, 151-154, 156-161)	-	12 (п. 30, 35, 62, 76(2), 100, 102, 109, 117, 118, 125, 126, 137(2))	75 (п. 1-5, 8, 25, 29, 32, 34(1-2), 40, 42-46, 48, 50-53, 55, 58, 60, 63, 65, 66, 70, 72, 73, 76(1), 78, 80, 82-84, 86, 88, 89, 91(1), 94-96, 98, 99, 101, 105(1-2), 106, 107, 110, 111, 113, 123, 124, 127, 129, 132, 135, 136, 137(1), 138, 145, 147, 149, 151-153, 154, 156, 161)	-	-	1 (п. 82)	20 (п. 1-5, 30, 43, 44, 46, 48, 58, 73, 80, 84, 86, 91(1), 117, 127, 151, 153)	-	1 (п. 154 л)	1 (п. 154)	-	-	8 (п. 42, 44, 66, 72, 80, 89, 109, 154)	80 (п. 1-5, 8, 25, 29, 30, 32, 34(1-2), 35, 40, 43, 45, 46, 48, 50-53, 55, 58, 60, 62, 63, 65, 70, 73, 76(1-2), 78, 82-84, 86, 88, 91(1), 94-96, 98-102, 105(1-2), 106, 107, 110, 111, 113, 117, 118, 123, 127, 129, 132, 135, 137(1-2), 138, 145, 147, 149, 151, 153, 156, 161)	
Могильник у с. Кескем и Пседахе	-	2 (п. 11, 12)	-	2 (п. 14, 12)	-	-	-	-	-	-	-	-	1 (п. 11)	-	-	-	2 (п. 11, 12)
Погребение у ст. Троицкой	-	-	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-

Таблица 6 (продолжение)

Наименование памятника	Положение тела						Положение рук						Положение ног				
	неопределенная	скорченность	вытянутость	на боку		на спине	на животе	сидя	перед корпусом	перед лицом	прижаты к груди	на поясе или у колен	вытянуты вдоль тела		скреплены	слабо согнуты	сильно скорчены
				левом	правом								правая	левая			
Могильник у с. Аллерой	44 (п. 3, 6(1-3), 16(2), 18(2-4), 22(2), 26, 29(1-3), 30(1-3), 31(2), 32(1-3), 33(1-3), 35, 36, 39, 41(2), 45(1-2), 46(1-2), 48(1), 52, 54(1-2), 55, 56(2-4), 57-61)	33 (п. 7(1-3), 8, 10(1), 11-13, 15, 17, 18(1), 19, 22(1), 23, 25, 27(1-2), 28, 31(1), 34, 37(1-2), 38, 40, 41(1), 42, 44, 47, 48(2), 49, 56(1), 62)	4 (п. 1(1-2), 10(2), 16(1))	1 (п. 44)	4 (п. 48(2), 49, 56(1), 62)	2 (п. 1(1-2))	-	-	2 (п. 47(п), 49(п))	3 (п. 44, 47(п), 49(п))	-	-	-	1 (п. 1)	-	1 (п. 48(2))	32 (п. 7(1-3), 8, 10(1), 11-13, 15, 17, 18(1), 19, 22(1), 23, 25, 27(1-2), 28, 31(1), 34, 37(1-3), 38, 40, 41(1), 42, 44, 47, 48(2), 49, 56(1), 62)
Погребения у г. Гедермес (1956 г.)	2(?)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Могильник у с. Старые Алаги (1958 г.)	5 (к. 1-5)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Погребение у крепости Вознесенской	-	-	1	-	-	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
Погребение у с. Шали (Аргунский канал, 1958 г.)	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Погребение у с. Гойты	-	-	1 (к. 4)	-	-	1 (к. 4) «раб.»	-	-	-	-	-	-	-	1 (к. 4)	-	-	-
Погребение у с. Старая Сунжа	-	-	1	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Погребение у пос. Горгогорский	1	-	2	-	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Погребение у с. Мескер-Юрт	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-

Таблица 6 (окончание)

Наименование памятника	Положение тела										Положение рук						Положение ног		
	неопределенное	скорченного	выгнутое	на боку		на спине	на животе	сидя	перед корпусом	перед лицом	прижаты к груди	на поясе или у колен	выгнуты вдоль тела		скрещены	слабо согнуты	сильно скорчены		
				левом	правом								правая левая	обе					
Погребение в ст. Ассиновской	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Погребение у с. Джалка	2	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	
Погребение у с. Гендерген	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Погребение у с. Эрсеной	-	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2	-	
Погребение у с. Алхазурово	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Погребение у г. Малгобек	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Погребение у с. Курчалой	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	
Чир-Юрт	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Ялхой-Мохк	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	-	
Всего:	175	219	20	32	150	19	1	1	5	58	6	3	1	7	1	16	203		

Таблица 7. Количество захоронений в могиле, пол и возраст (X-VII вв. до н. э.)

Памятник	число могил	Число покойников в могиле							Поло-возрастные группы			
		неопр.	первичное			вторичное			неопр.	муж.	жен.	дет.
			1 чел.	2 чел.	3 чел. и больше	1 чел.	2 чел.	3 чел. и больше				
Могильник у с. Кескем и Пседахе	5	—	5 (п. 2, 3, 5, 6, 7)	—	—	—	—	—	2 (п. 3, 6)	2 (п. 5, 7)	1 (п. 2)	—
Могильник у с. Бачи-Юрт	2	2	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—
Могильник у с. Сержень-Юрт	78	13 п. 1-2(1958), 2(1965), 2, 5, 23, 29, 32, 40, 67, 68, 71, 72	64 п. 1(1965), 1, 3, 4, 6-22, 24-28, 30-31, 33-39, 41-47, 49-66, 69, 70, 74, 75	1 (п. 73)	—	—	—	—	15 п. 1-2 (1958 г), 2 (1965 г), 5, 19, 23, 29, 31, 32, 40, 67, 68, 71, 72, 74	26 п. 6, 7, 16, 24, 26, 28, 30, 37-39, 42, 44, 46, 50, 51, 52, 53, 56, 57, 59, 63, 64, 65, 69, 70, 75	33 п. 1 (1965), 2, 3, 4, 8, 9, 10-14, 17, 18, 20, 21, 22, 25, 27, 33-36, 41-43, 45, 47, 49, 54, 55, 66, 73(1), 73(2)	5 п. 15, 58, 60-62
Могильник у с. Зандак (Дагбаш)	27*	7 (п. 15, 18, 19, 23, 30, 40, 59)	16 (п. 1(2), 9, 10, 24(2), 25, 35-37, 41, 46, 47, 49(2), 50, 51, 58, 60)	4 (п. 17, 29, 38, № 2 (1-2))	—	—	—	4 (п. 1(1), 24(1), 49(1), № 2, (3))	14 (п. 17(1-2), 18, 24(1), 25, 30, 36, 37, 40, 41, 50, 59, № 2(1-2))	13 (п. 1(1-2), 9, 10, 15, 19, 29(1-2), 38(1), 46, 49(1), 51, 60)	7 (п. 23, 24(2), 35, 38(2), 47, 49(2), 58)	—
Могильник у с. Аллерой	12	2 (п. 51, 53)	10 (п. 2, 4, 5, 9, 14, 20, 21, 24, 43, 50)	—	—	—	—	—	3 (п. 20, 51, 53)	3 (п. 14, 43, 50)	6 (п. 2, 4, 5, 9, 21, 24)	—
Могильник у с. Алпатово	5	5	—	—	—	—	—	—	5	—	—	—
Могильник у с. Самашки	2	2	—	—	—	—	—	—	2	—	—	—
Погребение у с. Ахलोво (Ниж. Курп)	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Всего:	132	31	96	6	—	4	—	—	44	44	46	6

* См. объяснение в таблице 1.

Таблица 8. Количество захоронений в могиле, пол и возраст (VII-IV вв. до н. э.)

Памятник	число могил	Число покойников в 1 могиле							Поло-возрастная группа			
		неопр.	первичное			вторичное			неопр.	муж.	жен.	дет.
			1 чел.	2 чел.	3 чел.	1 чел.	2 чел.	3 чел.				
Могильник у ст. Нестеровской	53	4 (п. 2, 6, 25, 28)	45 (п. 1, 3, 4, 5, 7, 9-13, 14(3), 15, 16(2), 17, 18, 20, 21(3), 22-24, 26, 27, 29-31, 32(2), 33-48, 50-53)	3 (п. 19, 30, 49)	1 (п. 8, (4-6))	1 (п. 16, (1))	3 (п. 14 (1-2), 21(1-2), 32(1-3))	1 (п. 8 (1-3))	21 (п. 2, 6, 7, 8(6), 13, 14(1-2), 15, 16(2), 18, 23, 25, 28, 31, 36-39, 43, 44, 47)	20 (п. 1, 3, 4, 8(3), 8(5), 10, 11, 12, 14(3), 20, 21(2), 30(2), 32(3), 33, 34, 40, 46, 50, 51, 53)	25 (п. 5, 8(1-2), 8(4), 9, 16(1), 17, 19(1-2), 21(1, 3), 22, 26, 27, 29, 30(1), 32(1), 32(2), 35, 41, 42, 45, 48, 49(1), 52)	2 (п. 24, 49(2))

Таблица 8 (продолжение)

Памятник	Число могил	Число покойников в 1 могиле							Поло-возрастная группа			
		неопр.	первичное			вторичное			неопр.	муж.	жен.	дет.
			1 чел.	2 чел.	3 чел.	1 чел.	2 чел.	3 чел.				
Погребения у с. Бамут	3	2	1 (к. 5)	-	-	-	-	-	-	1 (к. 5)	2	-
Могильник у с. Сержень-Юрт	2	-	2 (п. 48, 76)	-	-	-	-	-	1 (п. 48)	-	1 (п. 76)	-
Погребения у с. Шали (кирпичный завод)	2	-	2	-	-	-	-	-	2	-	-	-
Могильник у с. Урус-Мартан												
а) октябрь 1900 г.	2	-	2 (к. 1, 2)	-	-	-	-	-	-	2 (к. 1, 2)	-	-
б) «Ани-Ирзо»	5	1 (к. 5)	4 (к. 1-4)	-	-	-	-	-	1 (к. 5)	2 (к. 3, 4)	2 (к. 1, 2)	-
в) «Бойси-Ирзо»	8 (1900 11 1901)	1 (1901 к. 11)	16 (1900 к. 1, 3-8 1901 к. 1-7, 9, 10(3))	-	-	-	2 (1901 к. 8(1-2) 10 (1-2))	1 (1900 к. 2(1-3))	4 (1900 к. 2(1-3), 1901 к. 11)	15 (1900 к. 3-8, 1901 к. 1-7, 8(2), 10(3))	5 (1900 к. 1, 1901 к. 8(1), 9, 10(1-2))	-
Погребение у с. Ца-Ведено	1	-	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-
Погребение у ст. Орджоникидзевской (Слепцовская)	2	-	-	-	-	2	-	-	-	1	1	-
Погребение в г. Грозном (Ханкальское ущелье)	2	-	2	-	-	-	-	-	2	-	-	-
Погребение в г. Грозном (Своир-Корт)	1	-	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-
Могильник у с. Мужичи (Луговой)	160	17 (п. 7, 10, 11, 21, 28а, 31, 36, 38, 41, 47, 54, 67, 92, 97, 116, 119, 131)	137 (п. 1-6, 8, 9, 12- 20, 24-30, 32, 33, 35, 37, 39, 40, 42-46, 48, 50- 53, 55-66, 68-75, 77-89, 91(2), 93-96, 98-104, 106-115, 117, 118, 120-130, 132-136, 138-161)	5 (п. 34, 49, 76, 105, 137)	-	2 (п. 90, 91(1))	-	-	35 (п. 7, 18, 26-28, 28а, 36, 38, 41, 54, 56, 67, 68, 76(1), 76(2), 81, 92, 94, 97, 108, 112, 116, 119, 123, 130, 131, 133, 134, 137(1-2), 141, 142, 145, 148, 156)	69 (п. 1-3, 5, 6, 11-17, 19-21, 24, 31, 33, 34(1), 35, 39, 42, 44, 46, 47, 50, 51, 57, 60, 62, 63, 70, 72, 73, 75, 77, 78, 80, 82, 83, 84, 87-90, 93, 95, 96, 101, 102, 105(1), 107, 113, 114, 120, 124-128, 132, 136, 138, 139, 149, 152, 155, 157, 160)	55 (п. 4, 8-10, 25, 29, 30, 32, 34(2), 37, 43, 45, 48, 49(1), 52, 53, 55, 58, 59, 61, 65, 66, 69, 71, 74, 79, 85, 86, 91(1-2), 99, 100, 103, 105(2), 106, 109- 111, 115, 117, 118, 121, 122, 129, 135, 140, 146, 147, 150, 151, 153, 154, 158, 159, 161)	7 (п. 40, 49(2), 64, 98, 104, 143, 144)
Могильник у с. Кескем и Пседахе	2	-	2 (п. 11, 12)	-	-	-	-	-	-	2 (п. 11, 12)	-	-
Погребение у ст. Троицкой (1913 г.)	1	-	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-

Таблица 8 (продолжение)

Памятник	Число могил	Число покойников в 1 могиле							Поло-возрастная группа			
		неопр.	первичное			вторичное			неопр.	муж.	жен.	дет.
			1 чел.	2 чел.	3 чел.	1 чел.	2 чел.	3 чел.				
Могильник у с. Аллерой	50	3 (п. 55, 58, 60)	33 (п. 3, 8, 10(1), 11-13, 15, 16(2), 17, 19, 22(2), 23, 25, 26, 28, 31(2), 34-36, 35-40, 41(2), 42, 44, 47, 48(2), 49, 54(2), 57, 59, 61, 62)	5 (п. 1, 7, 27, 45, 46)	8 (п. 6, 18, (2-4), 29, 30, 32, 33, 37, 56(2-4))	11 (п. 7(3), 10(2), 16(1), 18(1), 22(1), 31(1), 41(1), 48(1), 52, 54(1), 56(1))	-	-	33 (п. 8, 11, 18(3-4), 22(2), 23, 25, 26, 31(2), 32(1-3), 33(1-3), 34, 36, 39, 41(1-2), 42, 45(1-2), 47, 48(2), 49, 52, 54(1-2), 55, 58, 60, 61)	31 (п. 1(1-2), 3, 6(1-3), 7(2-3), 10(1), 13, 15, 16(1-2), 18(1-2), 22(1), 27(2), 29(1-3), 30(1-3), 37(3), 46(1-2), 48(1), 56(2-4), 59)	13 (п. 7(1), 10(2), 12, 17, 27(1), 31(1), 35, 37(1), 38, 40, 44, 56(1), 62)	4 п. 19, 28, 37(2), 57)
Могильник у с. Исти-Су	19	-	19 (п. 1-19)	-	-	-	-	-	5 (п. 1, 6, 10, 14, 19)	6 (п. 4, 7, 8, 15, 17, 18)	6 (п. 5, 9, 11, 12, 13, 16)	2 (п. 2, 3)
Погребение у г. Гудермес	2(?)	2(?)	-	-	-	-	-	-	2(?)	-	-	-
Могильник в г. Грозном (Ханкала I)	7	-	5 (п. 6, 27, 32, 33, 35)	-	-	-	-	-	2 (п. 6, 35)	3 (п. 27, 32, 33)	-	-
Могильник у с. Старые Атаги (1958 г.)	5	-	5	-	-	-	-	-	5	-	-	-
Погребение у кр. Воздвиженской (коллекция Муравьева-Карского)	1	-	1	-	-	-	-	-	-	1	-	-
Погребение у с. Шали (Аргунский канал, 1958 г.)	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-
Погребение у с. Гойты	1	-	1 (к. 4 «раб»)	-	-	-	-	-	-	-	1 (к. 4 «раб»)	-
Погребение у с. Старая Сунжа	1	-	-	-	-	1	-	-	1	-	-	-
Погребение у пос. Горгогорский	3	-	3	-	-	-	-	-	3	-	-	-
Погребение у с. Мескер-Юрт	1	-	1	-	-	-	-	-	-	1	-	-
Погребение ст. Ассиновской	1	1	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-
Погребения у с. Джалка	2	2	2	-	-	-	-	-	3	1	-	-
Погребения у с. Гендерген	2	2	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-
Погребения у с. Эрсеной	2	-	2	-	-	-	-	-	-	2	-	-
Погребения у с. Алхаурово	1	-	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-
Погребение у с. Курчалой	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-

Таблица 8 (окончание)

Памятник	Число могил	Число покойников в 1 могиле							Поло-возрастная группа			
		неопр.	первичное			вторичное			неопр.	муж.	жен.	дет.
			1 чел.	2 чел.	3 чел.	1 чел.	2 чел.	3 чел.				
Погребение у г. Малгобек	1	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—
Чир-Юрт	1	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Ялхой-Мохк	1	—	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Всего:	358	36	293	13	9	17	5	2	128	159	113	15

Таблица 9. Ориентация погребенных (X—VII вв. до н. э.)

Памятник	Общее кол-во	Неопред.	С	ССВ	СВ	ССЗ	СЗ	Ю	ЮЮВ	ЮВ	ЮЮЗ	ЮЗ	В	З
Могильник у с. Кескем и Пседахе	5	1 (п. 2)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4 (п. 3, 5, 6, 7)	—
Могильник у с. Бачи-Юрт	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Могильник у с. Сержень-Юрт	79	11 (п. 1–2 (1958 г.), 2, 4, 22, 23, 40, 67, 68, 71, 72)	—	—	54 (п. 1–2 (1965 г.), 1, 3, 5–21, 25, 33, 35, 37–39, 41–47, 49, 52, 58, 60–66, 69, 70, 73(1), 73(2), 75)	—	—	—	—	5 (п. 24, 26, 27, 30, 36)	—	2 (п. 29, 31)	6 (п. 28, 32, 34, 50, 51, 59)	1 (п. 74)
Могильник у с. Алпатово	5	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Могильник у с. Самашки	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Могильник у с. Аллерой	12	5 (п. 4, 14, 43, 51, 53)	1 (п. 9)	—	—	—	—	6 (п. 2, 5, 20, 21, 24, 50)	—	—	—	—	—	—
Могильник у с. Зандак (Даг-баш)	34*	17 (п. 1(2), 17(1–2), 18, 19, 23, 24(2), 29(1–2), 30, 36, 37, 40, 41, 49(2), 59, 60)	—	—	—	—	—	9 (п. 1(1), 35, 46, 47, 49(1), 50, 51, № 2(1), № 2(2), № 1(3))	—	2 (п. 38(1), 38(2))	4 (п. 9, 10, 15, 25)	2 (п. 24(1), 58)	—	—
Погребение у с. Ахлово (Ниж. Курп)	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—
Всего:	140	43	1	—	54	—	—	16	—	7	4	5	6	1

* Погребения с преобладанием кобанских элементов в инвентаре. См объяснение в таблице 1.

Т а б л и ц а 10. Ориентация погребенных (VII—IV вв. до н. э.)

Памятник	Общее кол-во	Неопред.	С	ССВ	СВ	ССЗ	СЗ	Ю	ЮЮВ	ЮВ	ЮЮЗ	ЮЗ	В	ЮЗЗ или З
Могильник у ст. Нестеровской	68	9 (п. 2, 4, 7, 14(2), 21(3), 25, 28, 31, 52)	4 (п. 3, 11, 13, 18)	24 (п. 1, 5, 8(1-6), 15, 14(1, 3), 15, 16(1-2), 20, 21(1-2), 22, 32(1-3), 33, 36, 37, 53)	4 (п. 10, 17, 27, 47)	1 (п. 19(2))	3 (п. 29, 39, 48)	2 (п. 46, 49(1))	3 (п. 23, 40, 45)	2 (п. 6, 12)	3 (п. 9, 24, 26)	6 (п. 30(1-2), 38, 41, 42, 44)	4 (п. 19(1), 35, 43, 49(2))	3 (п. 34, 50, 51)
Погребение у с. Бамут	3	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1 (к. 5)
Могильник у с. Урус-Мартан	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
а) октябрь 1900 г.	5	2 (к. 3, 5)	1 (к. 2)	-	-	-	1 (к. 1)	-	-	-	2 (к. 1, 2)	-	-	-
а) «Ани-Ирзо»	24	6 (1900 г. 2(1-3), 1901 к. 8(1), 11, 8(2))	1 (1900 к. 1)	-	2 (1901 к. 9, 10(3))	-	3 (1901 к. 3, 4, 5)	-	-	1 (1901 к. 7)	6 (1900 к. 3-8)	5 (1901 к. 1, 2, 6, 10(1-2))	-	-
б) «Бойси-Ирзо»	2	-	-	-	-	-	-	1 (п. 48)	1 (п. 76)	-	-	-	-	-
Могильник у с. Сержень-Юрт	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Погребение у с. Шали (кирпичный завод)	2	-	-	-	1 (п. 1)	-	-	-	-	1 (п. 2)	-	-	-	-
Погребение у с. Ца-Ведено	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Погребения у ст. Орджоникидзевской (Слеповская)	2	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Погребения у ст. Грозном (Ханкала I)	5	-	-	-	-	-	1 (п. 27)	1 (п. 32)	-	-	-	2 (п. 6, 35)	-	1 (п. 33)
Могильник у с. Исти-Су	19	1 (п. 9)	-	-	-	-	2 (п. 3, 10)	-	-	3 (п. 12, 16, 18)	-	10 (п. 1, 2, 4, 5, 7, 11, 13, 14, 17, 19)	-	3 (п. 6, 8, 15)
Погребение в г. Грозном (Ханкальское ущелье)	2	-	-	-	-	-	-	2	-	-	-	-	-	-
Могильник у с. Аллерой	81	41 (п. 3, 6(1-3), 15, 16(2), 18(3-4), 22(2), 26, 29(1-3), 30(1-3), 31(2), 32(1-3), 33(1-3), 35, 39, 41(2), 45(1-2), 46(1-2), 48(1), 52, 54(2), 55, 56(2-4), 57, 58, 60, 61)	1 (п. 23)	-	-	-	3 (п. 1(1-2), 59)	22 (п. 7(1-3), 8, 10(1-2), 11, 16(1), 17, 18(1), 22(1), 25, 28, 31(1), 34, 37(1-3), 38, 40, 49, 62)	5 (п. 13, 19, 44, 47, 48(2))	4 (п. 27(1-2), 41(1), 42)	-	3 (п. 18(2), 54(1), 56(1))	2 (п. 12, 36)	-

Таблица 10 (продолжение)

Памятник	Общее кол-во	Неопред.	С	ССВ	СВ	ССЗ	СЗ	Ю	ЮЮВ	ЮВ	ЮЮЗ	ЮЗ	В	ЮЗЗ или З	
Погребение в г. Гроаном (возвышенность Сюир-Корт)	1	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-	-	
Могильник у с. Кескем и Пседахе	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	2 (п. 11, 12)	-	
Погребение у ст. Троицкой (1913 г.)	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	
Могильник у с. Мужичи (Луговой)	166	37 (п. 24, 28а, 31, 36-38, 41, 64, 67, 74, 81, 85, 90, 91(2), 92, 97, 104, 108, 112, 115, 116, 119, 122, 130, 131, 133, 134, 139-144, 146, 148, 150, 155)	-	-	-	-	1 (п. 28)	2 (п. 25, 69)	-	-	5 (п. 1, 5, 10, 33, 129)	88 (п. 2, 7, 12-15, 17-20, 26, 27, 29, 34(1-2), 39, 42-49(1-2), 50-63, 65, 40, 66, 68, 70, 71, 73, 75, 76(1-2), 77, 79, 80, 83, 86, 87, 89, 91(1), 94, 95, 102, 103, 105(1-2), 106, 107, 109, 110, 113, 114, 118, 120, 123, 125-128, 136, 145, 147, 149, 151, 153, 154, 156, 158-161)	-	-	33 (п. 3, 4, 6, 8, 9, 11, 16, 21, 30, 32, 35, 72, 78, 82, 84, 88, 93, 96, 98-101, 117, 121, 124, 132, 135, 137(1-2), 138, 152, 157)
Погребение у г. Гудермес (1956 г.)	2(?)	2(?)	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Могильник у с. Старые Атаги (по данным 1958 г.)	5	5	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Погребение у кр. Воздвиженской (коллекция Муравьева-Карского)	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	
Погребение у с. Шали (Аргунский канал, 1958 г.)	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	
Погребение у с. Гойты	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1 (к. 4 «раб»)	
Погребение у с. Старая Сунжа	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	1	

Таблица 10 (окончание)

Памятник	Общее кол-во	Неопред.	С	ССВ	СВ	ССЗ	СЗ	Ю	ЮЮВ	ЮВ	ЮЮЗ	ЮЗ	В	ЮЗЗ или З
Погребения у пос. Горьковский	3	1	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1	-	-
Погребение у с. Мескер-Юрт	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Погребение в ст. Ассиновской	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Погребение у с. Джалка	4	1	-	-	-	-	-	-	-	1	-	1	1	-
Погребения у с. Гендерген	2	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Погребение у с. Эрсеной	2	2	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Погребение у с. Алхазурово	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Погребение у г. Малгобек	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Погребение у с. Курчалой	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Чир-Юрт	1	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Ялхой-Мохк	1	-	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	-	-
Всего:	417	121	7	24	7	1	16	31	9	12	17	116	9	45

Таблица 11. Детали погребального обряда (X–VII вв. до н. э.)

Памятник	Общее кол-во могил	Подстилки на дне могилы		Угли в засыпи и у скелета	Мелкие камешки	Реальгар или охра	Мел	Каменные плитки у скелета	Кости животных (корова, овца, свинья, собака)	Захоронение коня		
		органическая (трава, дерево)	галечная							целый остов	отдельные кости в могиле	только снаружи
Могильник у с. Сержень-Юрт	78	43 (п. 3, 9–18, 20–25, 30, 31, 35, 37–39, 41, 42, 45, 46, 49, 50, 52, 53, 55, 58, 59–62, 64, 67, 68, 70, 73, 75)	—	20 (п. 6, 14, 16, 20, 21, 30, 31, 37–39, 41–43, 45, 46, 50, 52, 53, 56, 70)	—	3 (п. 21, 30, 56)	—	10 (п. 14, 29, 41, 45, 49, 54, 56, 60, 64, 73)	9 (п. 37, 39, 42, 46, 49, 52, 57, 69, 75)	8 (п. 37–39, 42, 53, 56, 70, 73)	1 (п. 6)	—
Могильник у с. Аллерой	12	—	—	1 (п. 2)	—	—	—	1 (п. 24)	2 (п. 9, 53)	—	—	—
Могильник у с. Зандак (Даг-баш)	27*	—	—	4 (п. 38, 46, 50, 58)	—	1 (п. 38)	—	—	19 (п. 1, 10, 15, 17–19, 23, 24, 29, 30, 36–38, 40, 46, 47, 49, 51, 60)	1 (п. 60)	3 (п. 37, 38, 46)	3 (п. 15, 60, № 2)
Всего:	117	43	—	25	—	4	—	11	30	9	4	3
											16	

* С преобладанием кобанских элементов. См. объяснение в таблице 1.

Таблица 12. Детали погребального обряда (VII–IV вв. до н. э.)

Памятник	Общее кол-во могил	Подстилка на дне могилы		Угли	Мелкие камешки в сосудах и у скелета	Реальгар или охра	Мел	Каменные плитки у скелета	Кости животных (корова, овца, свинья, собака)	Захоронение коня		
		органическая (трава, дерево, кожа)	галечная							целый остов	отдельные кости	только снаружи
Могильник у ст. Нестеровской	53	—	4 (п. 6, 14, 47, 50)	2 (п. 19, 30)	—	—	1 (п. 49)	1 (п. 5)	7 (п. 6, 25, 47, 48, 49, 51, 52)	—	—	—
Могильник у с. Сержень-Юрт	2	1 (п. 76)	—	—	—	—	—	—	1 (п. 76)	—	—	—
Могильник у с. Урус-Марган	26	—	—	1 (к. 1)	—	—	—	—	2 (к. 1, 2)	—	—	—
а) октябрь 1900 г.		—	—	1 (к. 1)	—	—	—	—	3 (к. 1–3)	—	—	—
б) «Ани-Ирзо»		—	—	1 (к. 1)	1 (к. 2)	2 (к. 1, 2)	1 (к. 2)	1 (к. 3)	6 (к. 1–3)	—	—	—
в) «Бойси-Ирзо»		—	2 (1901 к. 2–3)	3 (1901 к. 2, 7, 8)	1 (1901 к. 7)	—	1 (1901 к. 7)	—	9 (1901 к. 2–5, 7, 8)	—	1 (1901 к. 8)	—
Могильник у с. Исти-Су	19	—	—	2 (п. 5, 6)	—	2 (п. 5, 11)	—	—	9 (п. 4, 7–9, 11, 12, 14, 17, 18)	—	—	—
Погребение у с. Мескер-Юрт	1	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—
Погребение у ст. Тропцкой (1913 г.)	1	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—
Могильник у с. Старые Атаги (1958 г.)	5	—	—	—	—	—	—	—	2 (к. 1, 5)	—	—	—
Могильник у с. Мужичи (Луговой)	160	—	1 (п. 43)	28 (п. 1, 3, 8, 26, 29, 30, 32, 36, 45, 46, 55, 59, 70, 72, 73, 75–76, 103, 104, 109, 112, 116, 120, 121, 128, 137, 150, 151)	—	2 (п. 5, 29)	—	—	22 (п. 2, 5, 15, 32, 92, 96, 113, 114, 115–116, 118, 120, 125–129, 139, 140, 151, 152, 159)	—	—	5 (п. 75, 112, 114, 120, 128, 131)
Могильник у с. Аллерой	50	—	—	9 (п. 1, 8, 10, 16, 29, 30, 31, 41, 42)	2 (п. 10, 13)	2 (п. 18, 31)	1 (п. 10)	1 (п. 45)	9 (п. 8, 16, 23, 26, 32, 37, 39, 44, 55)	—	3 (п. 34, 38, 42)	1 (п. 6)
Всего:	317	1	7	46	4	9	4	4	61	—	5	7

Таблица 13. Погребения в слое X–VII вв. до н.э. поселения Сержень-Юрт

Место захоронения	Кол-во погребенных	Половозрастной признак	Поза погребенных				Положение рук	Ориентация	Детали погребального обряда	Инвентарь
			на боку		сильно скорченные	слабо скорченные				
			лев.	пр.						
Слой около помещ. X (р. 1960, кв. А-12)	1	жен.	–	+	+	–	у груди	СЗ	–	Глиняное ядро
Слой на краю холма (р. 1961, кв. И-5)	1	дет.	+	–	+	–	перед лицом	В	костер	Каменное ядро и костяная проколка
Слой на мостовой № 3 (р. V, 1964, кв. Г-6-7)	1	дет.	+	–	+	–	перед лицом	СЗ	–	–
Хоз. яма вблизи помещ. X (р. V, 1966, кв. Е-11)	2	жен.	+	–	+	–	перед корп.	СВ	угли	2 глиняные кружки
		дет.	–	+	+	–	у груди	СВ		
Хоз. яма вблизи помещ. X (р. V, 1966, кв. ж-12, 13)	3	муж.	–	+	–	+	перед корп.	СВ	угли	В засыпи бронзовый наконечник стрелы скифского типа
		жен.	+	–	–	+	перед корп.	СВ		
		дет.	+	–	+	–	у груди	СВ		

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рубеж II—I тысячелетий до н. э. знаменуется на Центральном Кавказе расцветом всех отраслей хозяйства племен — носителей кобанской археологической культуры. Именно этим временем фиксируются выработка и окончательное оформление основных типов металлических украшений и оружия, а также некоторых культурных признаков в быту и погребальном обряде, называемых классическими кобанскими. Подъем экономики и связанные с этим демографические изменения в обществе явились причиной постепенного расширения ареала кобанской культуры к западу и востоку. Возможно также, что следствием этих же причин была миграция некоторых групп на северо-запад в Подонье (кобяковская культура)⁶⁶.

В определенной мере способствовал проникновению кобанских элементов в Предкавказье и процесс взаимодействия кобанцев с племенами закавказских культур, видимо, оказывавшие военное давление на своих северных соседей. Известную роль в расширении первоначального ареала кобанской культуры и направлении движения племенных групп сыграли процессы, происходившие в это время в степной части Западного Предкавказья и Северного Причерноморья, объясняемые консолидацией и началом интенсивных военных действий киммерийского союза племен.

Кобанцы, двинувшиеся на восток, на пути своего постепенного продвижения частично потеснили и ассимилировали местное население, скорее всего потомков племен северокавказской культуры, оставивших памятники типа Гатын-Кале и Первомайского могильника. Широко расселившись по предгорьям и ущельям рек, пришельцы в бассейне р. Аксай вступили в контакт с племенами каякентско-хорочоевской культуры, что отразилось в появлении здесь ряда памятников смешанного типа и в проникновении в глубинные районы обеих культур незначительного количества чужеродных предметов (украшения, керамика). К этим памятникам, как уже отмечалось выше, относится Курчалоевское поселение (с зольником) и вся свита синхронных памятников близ этого селения, а также Зандакский могильник начала I тысячелетия до н. э. Они наиболее выразительно отражают динамику событий в этом районе и, как нам представляется, документируют аннексию кобанцами восточных земель. Более трети погребений Зандакского могильника имеют преобладание кобанских черт в инвентаре и показывают, каким конкретно был один из путей распространения кобанской куль-

туры: прямой захват, а затем постепенная ассимиляция. Именно об этом свидетельствуют, в частности, каменные ящики, где прослежены остатки разрушенных первичных захоронений, поверх которых были вторично захоронены покойники с новыми элементами в погребальном ритуале и новым вещевым комплексом. Особенно наглядны в этом отношении парные захоронения (38, 51 и т. д.), где мужчина-воин погребен по обычаю и в костюме, близкими до мелочей погребенным в Сержень-Юртовском могильнике (восточный вариант кобанской культуры), а в женском костюме очевидно сочетание восточнокобанских и хорочоевских элементов. Даже керамика в подобных погребениях распадается на две четко выраженные группы: на гладкостенные сосуды с геометрическим орнаментом, чрезвычайно близкие сосудам из Бамутского и Змейского поселений и Каменно-мостского могильника (кобанская культура), и на сосуды с грубой обмазкой (хорочоевская традиция). Показательны данные по керамике для могильника в целом. Сосуды обнаружены в 44 погребениях из 62. В этих 44 погребениях керамика с обмазкой присутствует в 22, а в остальных 20 погребениях сосуды только гладкостенные, чернолощенные, с геометрическим нарезным орнаментом. В то же время даже в погребениях, где были сосуды с обмазкой, в 17 комплексах они встречены в сочетании с гладкостенными. И лишь 5 погребений из 22 содержали только обломки посуды с обмазкой.

Одновременно с упрочением территориальных позиций шел процесс творческого усвоения кобанцами местных форм культуры, в результате чего уже к X—IX вв. до н. э. отчетливо выкристаллизовался сплав элементов, позволивших говорить об особом, восточном варианте кобанской культуры. Очевидное преобладание в этом сплаве кобанских черт при существовании наряду с ними местных, глубоко традиционных (особенно в гончарстве) и определило этнокультурную принадлежность восточной группы памятников.

С IX—VIII вв. до н. э. выявилось относительно устойчивое постоянство границ восточного варианта⁶⁷, сохранявшееся, судя по материалам, без коренных изменений до второй половины I тысячелетия до н. э. На юге граница восточного варианта проходила в районе верховий р. Шаро-Аргуна, Чанты-Аргуна и Хиндойской котловины (северные отроги Пастбищного и Андийского хребтов). На севере она очерчивается в основном по правобережью Терека.

⁶⁶ Шарфутдинова Э. С., 1967, с. 78—80.

⁶⁷ При определении границ учитывались преимущественно поселения и могильники, а не случайные находки.

Лишь отдельные памятники кобанской культуры, причем не типично восточнокобанские, а с западными чертами в керамике, отмечены на левом берегу Терека у селения Алпатово. Западная граница довольно расплывчато прослеживается в междуречье Ассы и Терека, а восточная — по бассейну р. Аксая, захватывая частично правый берег.

Хронологически материалы восточной группы кобанской культуры относятся к первой половине I тысячелетия до н. э., к двум этапам (доскифскому и скифскому), обоснование которых имеется в ряде работ Е. И. Крупнова⁶⁸ и А. А. Иессена⁶⁹ и принято большинством исследователей. Дата первого этапа определяется X—VII вв. до н. э., дата второго — VII—IV вв. до н. э.

Изучение материалов восточной группы кобанской культуры показывает прочно оседлый быт населения. В настоящее время лучше и полнее исследованы предгорные памятники, однако отрывочные данные горных районов (Ведено, Шарой, Хиндой) показывают, что близкородственное население частично занимало и горную часть Северо-Восточного Кавказа.

Носители восточного варианта кобанской культуры обитали в небольших поселениях, не имевших строгой планировки. В некоторых из поселений (Сержень-Юрт) были естественно укрепленные убежища на случай опасности. В настоящее время известно не менее 50 поселений, но степень изученности их различна и в целом недостаточна. Лучше всего обследованы Сержень-Юртовское, Бамутское, Алхастинское и Нестеровское поселения. По характеру культурных слоев они обнаруживают большое сходство с поселениями центрального варианта кобанской культуры (Змейское, Моздокское).

Для поселений восточного варианта характерны наземные, турлучного типа дома со стенами, возведенными из плетня и обмазанными глиной. Нижняя часть зданий укреплялась глиняными блоками (Сержень-Юрт) или булыжником (Сержень-Юрт, Бамут). Планировку поселка, вернее, ее элементы удалось зафиксировать лишь на Сержень-Юртовском поселении. Основу поселка составляли кварталы, объединявшие жилые, производственные и культовые здания. Кварталы отделялись друг от друга узкими, вымощенными булыжником улицами. Каждое помещение имело жилую и производственную часть (керамические и бронзолитейные мастерские). Квартальное деление поселка свидетельствует о преобладании у восточных кобанцев в начале I тысячелетия до н. э. большой патриархальной семьи.

Отправление религиозных церемоний совершалось в определенных помещениях с глинобитными жертвенниками. Следы огня, кости строго определенных животных (свинья, корова, овца), ритуальные предметы (зооморфные и антропоморфные статуэтки, модели предметов), найденные вблизи жертвенников, свидетельствуют о примитивном уровне религиозных воззрений, в основе которых лежал культ плодородия, тесно переплетенный с культом предков и духов-покровителей рода и семьи.

Отрывочные данные, полученные в результате изучения слоев поселений второго периода (Нестеровское, Ханкальское), свидетельствуют о сходстве

быта населения середины I тысячелетия до н. э. с бытом населения первого периода.

Могильники восточного варианта располагались вблизи поселений. Для погребального обряда характерны скорченные погребения на боку. Отличительную особенность обряда на протяжении всей первой половины I тысячелетия до н. э. составляли простые грунтовые ямы.

На первом этапе количественно преобладали грунтовые ямы без надмогильных сооружений. Лишь на границе с каякентско-хорочоевской культурой встречены каменные ящики с каменными стелами на поверхности (Зандак). В смешанной зоне (Бачи-Юрт) контакты двух разных культур породили своеобразные могильные сооружения в виде грунтовой ямы, перекрытой каменной плитой. Могилы располагались на площади могильника правильными рядами. Подкурганые захоронения на первом этапе практически не зафиксированы, если не считать курган рубежа II—I тысячелетий до н. э. у селения Знаменское. В ранней группе преобладали одиночные захоронения с определенной ориентацией покойников в пределах одного могильника. То же самое можно сказать и о признаке укладывания покойника на тот или иной бок в зависимости от пола погребенного. Постоянным признаком раннего обряда погребения были следы огня в могиле (обожженные стенки, угли, плоские уголки). Характерна для могил ранней группы напутственная пища. Особенностью некоторых могильников ранней группы являлись захоронения всадников с верховой лошастью.

В погребальном ритуале VII—IV вв. до н. э. отмечено много традиционного, свидетельствующего о генетической связи в культуре двух этапов (преобладание грунтовых могил с одиночными захоронениями, рядность могил, скорченность позы на боку, сохранение определенной ориентации в пределах одного могильника, положение напутственной пищи, следы ритуального огня).

В то же время выступают и новые черты, не свойственные погребальному обряду раннего периода. К таковым относятся каменные надмогильные закладки (Луговой), курганные насыпи, кромлежи вокруг могил, могилы с обкладкой стенок деревом и булыжником, преобладание в целом южной ориентации погребенных, засыпка дна могил галькой или мелом, появление захоронений в полусогнутой позе на боку или вытянутой на спине головой на запад, увеличение числа коллективных захоронений, обычай помещать в могилу кучку мелких камней.

Следует, однако, подчеркнуть, что многие из этих черт появились в погребальном обряде и других вариантах кобанской культуры VII—IV вв. до н. э. Некоторые из них, такие, как появление большего числа курганных насыпей, вытянутые захоронения с западной ориентировкой, применение для подсыпки мела, единодушно связываются исследователями с проникновением в арсенал восточного варианта и всей культуры в целом элементов степных культур скифо-сарматского круга.

На востоке, в зоне смешанных позднехорочоевских и позднекобанских памятников, наряду с традиционными каменными ящиками зафиксированы большие гробницы, стенки которых были выложены крупным булыжником (Аллерой).

Антропологические данные малочисленны, однако и они дают представление об особом антропологиче-

⁶⁸ Крупнов Е. И., 1960. Хронологическая таблица; *он же*, 1969а, с. 13—18.

⁶⁹ Иессен А. А., 1941, с. 16, табл. 1; *он же*, 1951, с. 119.

ском типе носителей восточного варианта кобанской культуры второго этапа. Исследование черепов из Нестеровского и Лугового могильников М. М. Герасимовым, Г. Ф. Дебецем и В. П. Чтецовым показали, что некоторые из них содержали признаки степного типа, обнаруживая известную массивность и широту костей лица, не свойственные горнокавказской группе населения⁷⁰.

Памятники восточного варианта кобанской культуры отличает исключительное многообразие бытовых предметов и погребального инвентаря. Среди обычных для ранней группы бронзовых и глиняных предметов еще заметное место занимали архаические формы каменных и костяных орудий труда и оружия, а также украшения из раковин морских моллюсков. Железные изделия встречались лишь эпизодически (ножи, серпы, биметаллические кинжалы, заклепки рукоятей бронзовых кинжалов, немногочисленные наконечники копий).

Орудия труда и оружие не имели местной специфики и близки центральнокавказским кобанским или закавказским формам. Конское снаряжение, за исключением единичных типов (роговые колесовидные псалии, отдельные бляхи и ворворки из бронзы), близко общеевропейскому и находит много параллелей не только в степных культурах начала I тысячелетия до н. э., но даже в Подунавье.

Специфические местные восточнокобанские черты проявляются полнее всего в бронзовых украшениях и керамике. Многие типы бронзовых височных колец, браслетов, привесок, блях не находят прямых аналогов на соседних территориях, составляя тем самым отличительную особенность изучаемого ареала. В отдельных памятниках встречены формы горшков и мисок, не имеющих параллелей в синхронных материалах других вариантов кобанской культуры и в соседней каякентско-хорочоевской культуре. Основную отличительную особенность восточнокобанской керамики представляет налепной орнамент, широко известный почти на всех категориях посуды. Нарезной и штампованный узоры, характерные для памятников центрального и западного вариантов, встречены на востоке лишь эпизодически и большей частью в сочетании с налепным. Столь же нехарактерны для ранней посуды изучаемого района и типично каякентско-хорочоевские сосуды с обмазкой. По сути дела, заметное место они занимают лишь в памятниках смешанной зоны бассейна р. Аксай.

Памятники второго этапа восточного варианта кобанской культуры отличаются от ранней группы массовым характером железных предметов, в основном оружия и конского снаряжения, типологически близкого таким же предметам из памятников скифо-сарматского круга. В то же время некоторые категории оружия, например, наконечники копий, отчетливо обнаруживают генетическую связь с более ранними местными формами наконечников из бронзы. Технология и морфологические особенности железных изделий свидетельствуют об их местном производстве.

В погребальном инвентаре заметное место принадлежит чуждым культурам Кавказа предметам, таким, как топоры-клевцы, трехгранные втульчатые бронзовые наконечники стрел, стеклянные глазчатые

многоцветные бусы, украшения, выполненные в скифском, зверином стиле.

По-прежнему локальное своеобразие сохраняется в украшениях — браслетах, привесках, поясных бронзовых и железных пряжках, бляхах.

Керамика второго этапа, сохраняя много традиционного в формах и технологии сосудов, в целом мало отличима от более ранней. Можно отметить лишь некоторые черты, не свойственные сосудам раннего периода. К ним относятся: изменение состава примесей в глиняной массе, грубость лепки и отделки поверхности хорошо известных ранее форм, появление в памятниках типов сосудов, генетически не связанных с местными, более ранними типами и находящих отдельные аналогии в синхронных памятниках северных степных культур.

Особенность культуры восточного варианта, как раннего, так и позднего этапов, заключается также в том, что каждый отдельно взятый памятник его отличается при общем культурном сходстве некоторыми специфическими чертами. Конкретно это проявляется в наличии локальных украшений, локальных типов орудий труда (пряслиц, пинтадер) и оружия, а также форм сосудов и элементов декора на них. Сравнение вещевого комплекса всех известных памятников изучаемой группы показало, что зачастую самую большую близость, особенно в керамике, обнаруживают памятники не одной географической зоны региона (гор, предгорий или равнины), а два или группа памятников, находящихся территориально или в бассейне одной и той же реки или речки, или в междуречье двух ближайших водных артерий. Таковы группы горных или предгорных памятников Ассинского ущелья, где левобережные памятники тяготеют к центральнокобанским, а правобережные — к памятникам бассейна Аргуна. Памятники междуречья Ассы и Аргуна (Бамутское поселение X—VIII вв. до н. э. и погребения VI—V вв. до н. э. — Урус-Мартановский могильник, погребения у селений Алхазурово, Старые Атаги, Лермонтов-Юрт и т. д.) близки по деталям культуре Лугового и Нестеровского могильников, с одной стороны, а с другой — хорошо сопоставимы с находками из Шароя и Воздвиженской.

Памятники бассейна р. Хулхулау (у селений Шали, Ца-Ведено, Ведено, Хорочой) имеют некоторые черты сходства в инвентаре с памятниками Аргунского ущелья, но вместе с тем тяготеют к памятникам бассейна р. Аксай. Например, Сержень-Юртовский могильник содержит ряд палеоэтнографических данных, находящихся аналогии в Зандакском могильнике.

Чрезвычайно близки локальные украшения из памятников в междуречье Хулхулау-Аксай, близ селений Куренбеной, Цонторой, Аллерой, Майр-Туп, Курчалой, Бачи-Юрт, Ахкинчу-Борзой. Керамический комплекс из могильника у селения Исти-Су находит ближайшие параллели и среди посуды Сержень-Юртовского поселения, и в керамике Аллероевского могильника.

Таким образом, в свете имеющихся данных система «горы — плоскость» предстает в этнокультурном отношении как постоянно и единовременно функционирующий и взаимодействующий организм, где памятники горной и предгорной зоны теснейшим образом связаны друг с другом.

Основу хозяйства племен восточного варианта первой половины I тысячелетия до н. э. составляли скотоводство и земледелие. Население горной зоны

⁷⁰ Крупнов Е. И., 1957б, с. 148.

специализировалось на разведении мелкого рогатого скота, в основном овец. В предгорных районах скотоводство носило придомный характер, с преобладанием в стаде свиней. Крупный и мелкий рогатый скот на летний период отгонялся на горные пастбища, а зимой содержался на заготовленных кормах. Заметное место в скотоводстве занимало коневодство.

Земледелием занимались не только в предгорьях, но и на удобных плоских участках в боковых долинах горных ущелий. Сеяли твердую и мягкую пшеницу, рожь, ячмень, особый вид проса — магару. Наряду с культурными растениями в пищу употребляли и плоды дикорастущих деревьев и кустарников (дуба, кизила, дикого винограда). Земледельческие орудия восточных кобанцев были довольно примитивными (горная соха, бронзовые, железные и, видимо, деревянные с кремневыми зубьями серпы). Обмолот производился при помощи молотильной доски с кремневыми стержнями, а приготовление муки — при помощи каменных плоских зернотерок.

Население изучаемого района занималось охотой и в меньшей степени — рыболовством.

Значительную роль в хозяйстве кобанского населения рассматриваемого варианта играли домашние ремесла, в первую очередь гончарство, металлообработка и обработка кости и камня. По своему уровню первые два уже в начале I тысячелетия до н. э. стояли на грани выделения в самостоятельные ремесла. Однако, несмотря на существование отдельных помещений, специальных орудий труда и некоторой технологической специализации, в изучаемый период они не вышли из рамок натурального хозяйства. Отсутствие гончарного круга, малый объем продукции, отсутствие стандартизации в производстве — все это признаки, свидетельствующие, что производство поселений было рассчитано в основном на собственное потребление. Некоторое исключение составляли, пожалуй, статуэтки на Сержень-Юртовском поселении. Их изготовляли, как нам представляется, значительно больше, чем было необходимо для одного поселка. Не исключено, что часть предметов культа, и в первую очередь статуэток, составляли предмет натурального обмена с соседними селениями.

В отличие от металлообработки и гончарства, косторезное дело и обработка камня составляли предмет кустарничества отдельных лиц. Развитие на поселениях Северо-Восточного Кавказа косторезного и камнеобрабатывающего дела предполагает также развитие строительного и деревообделочного ремесел. Доказательства существования их можно видеть в остатках жилищ, где на обожженной обмазке можно увидеть отпечатки обработанного дерева. Изготовление рукоятей документируют остатки дерева (груша) в проухе бронзового топора в погребении в Сержень-Юртовского могильника.

Обработка шкур животных требовала соответствующих орудий из металла, кости и камня (тесловидный топор, песты, терочки и т. д.). Для прядения, плетения, швейного и ткацкого дела местные кузнецы, косторезы и гончары изготовляли хотя и простые, но вполне оправдавшие себя орудия труда (пряслица, роговые инструменты для ткачества, бронзовые и костяные иглы, костяные стержни для плетения шнурков и т. д.).

Домашние ремесла носителей восточного варианта кобанской культуры глубоко традиционны в ряде элементов. В гончарстве они сказывались в дожива-

нии, вплоть до эпохи раннего железа, орнаментов и форм сосудов, а также технологии эпохи бронзы. В металлообработке такие методы, как ковка, литье в односторчатых формах, литье по восковой модели, чеканка пунсонного орнамента, уходят своими корнями во II тысячелетие до н. э.⁷¹, а может быть, и в более раннее время. В равной степени это относится и к некоторым формам металлических изделий (булавки с волютообразными навершиями, многовитковые браслеты, круглые височные кольца, очковидные привески и т. д.).

Глубоко традиционна технология камнерезного дела и обработки кости и рога.

Сравнение готовой продукции двух этапов развития восточного варианта указывает на определенный прогресс в домашних ремеслах. На втором этапе исчезают каменные предметы вооружения и некоторые орудия труда, пышно расцветает бронзолитейное дело. Наряду с местными по происхождению формами бронзовых украшений (фибулами, браслетами, подвесками и т. д.), которые становятся более массивными и вычурными, появляются новые формы предметов (поясные пряжки с зооморфными изображениями, конусовидные орнаментированные бляхи, бляшки с изображением кошачьих и т. д.), истоки которых еще полностью не выяснены. В большом количестве представлены железные предметы, особенно оружие местного и скифского типа. Некоторая активизация металлообработки, зафиксированная на территории не только Чечено-Ингушетии, но и всего Северного Кавказа в середине I тысячелетия до н. э., возможно, отражала какие-то социальные явления в местной среде. Расцвет бронзолитейного дела, активное внедрение железа могли быть вызваны внутренней мобилизацией сил местных народов в связи с начавшимися активными передвижениями северных племен, отчаянной попыткой сохранить веками сложившийся старый порядок бытия.

Массовые находки моделей глиняных колес на поселениях восточного варианта свидетельствуют о большом значении колесного транспорта в хозяйстве предгорий. Скорее всего, это была двухколесная арба, запряженная волами, — исконное средство перевозки грузов у горских народов. Но существование колесного транспорта не исключало и лошадь, как более мобильное средство для переездов и перевозки вьючных грузов на дальние расстояния, что способствовало развитию торгового обмена.

Наиболее активно обмен осуществлялся между поселениями одного культурного ареала. Обменивались сельскохозяйственной продукцией и сырьем, необходимым для домашних ремесел, в первую очередь бронзовыми слитками. Обменивались металлическим оружием, украшениями и редкостными поделками. Например, среди материалов сержень-юртовского комплекса можно видеть бронзовые гладкие бляхи с петлей, больше известные в западном ареале кобанской культуры, оружие, бронзовые украшения, каменные и агатовые бусы, характерные для населения центрального варианта. И в то же время среди предметов, например, Тлийского могильника (центральный вариант) вдруг попадались бляшки, форма которых имела параллели только с негативами литейных форм Бамутского поселения.

Влияние соседней каякентско-хорочоевской куль-

⁷¹ Марковин В. И., 1960, с. 135—136.

туры не распространялось в глубь территории восточного варианта кобанской культуры, а ограничивалось ее восточными окраинами. В то же время кобанские вещи проникали глубоко на территорию каякентско-хорочоевской культуры как в ранний (X — VII вв. до н. э.), так и в поздний периоды (VII — V вв. до н. э.). Достаточно вспомнить предметы из Аркасского поселения (булавки, подвески), из Мугерганского и Шаракунского могильников (бляхи), случайные находки из Хасавюртовского, Тляротинского, Цундинского районов Дагестана — в древности территории, занятой племенами хорочоевской локальной группы.

Малоощутимы торговые связи с Закавказьем в начале I тысячелетия до н. э. Предметами обмена в это время могли быть сырье бронзолитейного производства, а также железное оружие. К середине I тысячелетия до н. э. материалы восточного варианта фиксируют расширение связей с Закавказьем и даже со странами Ближнего Востока. Об этом, например, свидетельствуют массовые находки в Луговом, Нестеровском и Исти-Суйском могильниках многоцветных стеклянных бус. По мнению Е. И. Крупнова, подобная продукция настоящего ремесленного производства могла попасть сюда в результате военных передвижений и походов на юг скифских войск, увлекавших за собой, возможно, отдельные местные военные отряды ⁷².

Не ясен характер появления в ареале кобанской культуры, в том числе и на территории восточного варианта, предметов вооружения, конской сбруи и украшений, известных в конце II — начале I тысячелетия до н. э. в памятниках Средней и Юго-Восточной Европы. Можно лишь предполагать взаимные контакты северокавказцев с населением степных районов,

а благодаря им — и с более западными территориями.

Характер материальной культуры восточнокобанского населения свидетельствует о том, что в первой половине I тысячелетия до н. э. в социальном отношении они находились на стадии разложения патриархально-родового строя. Основной хозяйственной единицей являлась большая патриархальная семья, тесно связанная родовыми узами.

Существование богатых и бедных захоронений в могильниках, обнаружение кладов в слое поселений свидетельствует о достаточно заметной имущественной дифференциации внутри родовой общины.

Предметы вооружения в погребениях могильников и в слоях поселений повествуют о далеко не мирной жизни древних людей и предполагают существование категорий вождей-военачальников. Погребения такой военной верхушки, вооруженных всадников, обнаружены в Сержень-Юртовском и Зандакском могильниках начала I тысячелетия до н. э.

Старейшины родов, семей и военачальники, видимо, и составляли круг людей, руководивших жизнью общины. Многочисленные культовые памятники (святилища, жертвенники, предметы отправления культа) показывают, что не последнее место в этом руководстве принадлежало и жрецам.

Таким образом, свод археологических источников восточного варианта кобанской культуры первой половины I тысячелетия до н. э. способствует дальнейшему, более обстоятельному выяснению вопросов происхождения и эволюции культуры в целом. Систематизация памятников и отдельных категорий предметов позволит выявить конкретные пути и время образования больших и малых локальных групп внутри широкой общности этнически родственного населения Северного Кавказа, носителей кобанской культуры.

⁷² Крупнов Е. И., 1960, с. 349—350, 354.

УКАЗАТЕЛЬ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(восточный вариант)

на территории Чечено-Ингушской АССР
(поселения, погребения, отдельные находки) ⁷³

1. **Нестеровская**, станица, Сунжинский р-н. Поселение к юго-западу от станицы, на берегу Ассы (VI—IV вв. до н. э.). Раскопки Е. И. Крупнова 1940 г. *Крупнов Е. И.*, 1960, с. 160.
2. **Нестеровская**, станица. Могильник к юго-западу от станицы, рядом с поселением. Погребения под курганами, грунтовые и обложенные булыжником (VII—IV вв. до н. э.). Исследовано 53 погребения. Раскопки Е. И. Крупнова 1938—1940 и 1946 гг. Хранение ГИМ. *Крупнов Е. И.*, 1960, с. 401—420.
3. **Луговое [Мужичи]**, селение, Сунжинский р-н. Могильник к северу от селения. Погребения грунтовые под каменными выкладками иногда с кромлехами (8, 30, 48, 50). Исследовано 167 погребений (4—в 1950 г. Е. Г. Дозоровым и Н. И. Штанько, 29—в 1952 г. и 37—в 1955 г. Е. И. Крупновым, 50—в 1956 г. и 47—в 1957 г. Р. М. Мунчаевым). Датировка могильника — VI—V вв. до н. э. Отсюда же происходят случайные находки из сборов Е. Г. Дозорова и Н. И. Штанько в 1954 г. Железные наконечники копий, железная секира, железный нож, оселок, железные пластики, бронзовая гривна, бронзовая умбовидная бляха, бронзовые очковидные привески, бронзовые витые перстни, бронзовые двувальные бляшки (фонды Чечено-Ингушского республиканского музея в г. Грозном, № 1473—1474, 1479—1480). Случайная находка железного наконечника копыя в 1953 г. (ГМ, инв. № НВ-270), а также находка бронзовой фибулы с насечками на лицевой стороне в 1958 г. (ГМ, инв. № ОС-2759). Хранение — ГИМ и ГМ. *Крупнов Е. И.*, 1957, с. 155—162; *Мунчаев Р. М.*, 1963, с. 139—211.
4. **Луговое [Мужичи]**, селение. Поселение 2 севернее селения, на левом берегу р. Ассы. Сборы керамики в 1946 г. Н. И. Штанько. Разведочные раскопки Е. И. Крупнова в 1948 г., В. И. Марковина и М. П. Севостьянова — в 1955 г. Датировка VI—V вв. до н. э. *Крупнов Е. И.*, 1950, с. 94; *он же*, 1957, с. 163; *он же*, 1960, с. 154—155.
5. **Алхасте [Краснооктябрьское]**, селение, Сунжинский р-н. Поселение северо-восточнее селения, на левобережной террасе р. Ассы. Раскопки Е. И. Крупнова в 1937—1939 гг. Верхний слой датируется первой половиной I тысячелетия до н. э. Хранение — ГИМ. *Крупнов Е. И.*, 1960, с. 156—160.
6. **Бамут**, селение, Ачхой-Мартановский р-н. Одиночное грунтовое погребение в хуторе Веселом (в 4—5 км северо-восточнее селения Бамут). Случайная находка жителя Бакажева в 1965 г. На глубине 1 м были обнаружены остатки двух скелетов плохой сохранности. О положении и ориентировке сведений нет. Погребальный инвентарь: глиняная чашечка, глиняное пряслице, три бронзовых браслета и два обломка от четвертого, две двувальные бронзовые бляшки, три круглые выпуклые бронзовые бляшки, обломки двух бронзовых пластинчатых украшений с орнаментом на расплюснутых концах, бронзовые очковидные привески (2), обломки бронзовой цепочки, четыре бронзовые спиральки, более 150 бронзовых бус. Датировка — VI—V вв. до н. э. Хранение — ГМ. *Мунчаев Р. М.*, 1968, с. 148—149.
7. **Бамут**, селение. Курган 5 у северо-восточного края хутора Веселый. Раскопки Р. М. Мунчаева в 1965 г. Датировка — около середины I тысячелетия до н. э. Хранение — ГМ. *Мунчаев Р. М.*, 1968, с. 140—143.
8. **Бамут**, селение. Поселение в окрестностях селения, на левом берегу р. Фортанга, вблизи хутора Веселый (Новые Аршти). Раскопки Р. М. Мунчаева в 1966—1967 гг. Датировка — начало I тысячелетия до н. э. Хранение — ГМ. *Крупнов Е. И., Марковин В. И., Козенкова В. И., Мунчаев Р. М., Виноградов В. Б.*, АО 1966 г. М., 1967, с. 61—62; *Виноградов В. Б., Козенкова В. И., Крупнов Е. И., Марковин В. И., Мунчаев Р. М.*, АО 1967 г. М., 1968, с. 67.
9. **Шуаны**, селение, Ножай-Юртовский р-н. Случайные предметы, переданные в музей г. Грозного в 1961 г. Бронзовая умбовидная бляха с петлей на обороте, украшенная волютами, два бронзовых браслета с насечками по поверхности, каменный оселок, пряслице из известняка, три бусины пастовые, глазчатые. Датировка — VI—V вв. до н. э. Хранение — ГМ, инв. № НВ-1809.
10. **Урус-Мартан**, селение. Случайные предметы первой половины I тысячелетия до н. э., приобретенные гр. А. А. Бобринским у жителей селения в 1888 г.: бронзовый столбик для перекрестия ремней в виде головы орла, VII—V вв. до н. э., оселок, бронзовая статуэтка оленя с шейником и привеской, бронзовая фибула с насечками на поверхности, бронзовая привеска в виде паука или черепахи, бронзовое колечко или две мелкие бронзовые кнопки. Хранение — ГИМ, инв. № 25182. *Виноградов В. Б.*, 1963, с. 20—21, рис. 6. Архив ЛОИА, ф. 1, АК-1888/64, с. 183.
11. **Урус-Мартан**, селение. Поселение в 3 км на юго-запад от селения. В срезе берега р. Мартанки Г. А. Вертепов в 1900 г. обнаружил культурный слой, принятый им за слой могильника. Находки в слое каменных орудий, железных плаков, отдельных черепков посуды позволяют предположительно отнести поселение к первой половине I тысячелетия до н. э. Архив ЛОИА АН СССР, ф. 1, АК 1900/54, с. 15—16.
12. **Урус-Мартан**, селение. Курганный могильник в 3—3,5 км на юго-запад от селения, в местности «Ани-Ирзо». Раскопки Г. А. Вертепова в 1900—1901 гг. Исследовано шесть курганов. Датировка — VI—V вв. до н. э. Хранение — ГИМ. *Артамонова-Полтавцева О. А.*, 1950 г., с. 54, рис. 24. 6—11; ИАК, вып. 4, 1902, с. 132—135; ОАК за 1900 г., с. 54—60; ОАК за 1901 г., с. 89—92; Архив ЛОИА, ф. 1, АК 1900/54, с. 1—17.
13. **Урус-Мартан**, селение. Курганный могильник в 3 км к югу от селения, на правом берегу р. Мартанки, в местности «Бойси-Ирзо». Раскопки Г. А. Вертепова в 1900—1901 гг. Исследовано 19 курганов. Датировка — VI—V вв. до н. э. Хранение — ГИМ и ГМ, инв. № ОС-2744. *Артамонова-Полтавцева О. А.*, 1950, с. 53, рис. 23; ИАК, вып. 4, 1902, с. 132—135; ОАК за 1900 г., с. 54—60; ОАК за 1901 г., с. 89—92; Архив ЛОИА, ф. 1, АК 1900/54, с. 1—17, 1901/137, с. 13—15.
14. **Шали**, селение. Отдельные находки из разрушенных грунтовых могил на южной окраине селения (кирпичный завод). Сборы Е. И. Крупнова и В. Б. Виноградова за 1961 г. (две лепные миски, два железных листовидных наконечника копий). Сборы В. Б. Виноградова в 1967 г. (два глиняных горшка, глиняная плошка, бронзовый браслет, бронзовая массивная фибула, бронзовая орнаментированная птицеобразная бляха, 30 стеклянных

⁷³ Номера Указателя соответствуют номерам на карте (рис. 1).

- синих бусин, 15 плоских сурьмяных бусин, две черные пастовые с желтыми глазками бусины, железный меч с брусковидным навершием и почковидным перекрестием, железная секира, железный наконечник копья, железный дротик, обломок железного ножа). Датировка — VI—V вв. до н. э. Хранение — ГМ.
Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 90, № 485; Виноградов В. Б., 1970, с. 204—208.
15. **Шали**, селение. Грунтовое погребение на территории кирпичного завода. Раскопки В. Б. Виноградова в 1969 г. Датировка — VI—V вв. до н. э. Хранение — ГМ.
Виноградов В. Б., 1972, с. 351—352.
 16. **Шали**, селение. Отдельные находки кобанского типа из коллекции 1913 г. Ш. Борщагова: бронзовая круглая височная подвеска с раскованными, заходящими друг за друга лопастями, бронзовый пластинчатый браслет с ребристой поверхностью, бронзовый пластинчатый браслет, украшенный тремя поясами из шишечек и острыми зооморфными концами, бронзовый браслет из гладкого прута, выпукло-уплощенного в сечении. Хранение — ГЭ, инв. № 451, 5—8.
Марковин В. И., 1966, с. 124, рис. 3, 1; Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 93 (№ 497), с. 155, рис. 3, 1—2.
 17. **Шали**, селение. 1) Случайная находка бронзовой скульптуры — двое обнаженных обнявшихся мужчин. Сборы В. Б. Виноградова в 1969 г. Хранение — ГМ.
Виноградов В. Б., 1972, с. 353, рис. 37.
2) Грунтовое погребение, случайно раскопанное в 1958 г. на левой стороне (северной) Аргунского канала. В погребении обнаружены бусы, два бронзовых массивных браслета, бронзовый массивный завиток-спираль, обломки сосуда. Датировка — VI—V вв. до н. э. Хранение — ГМ, инв. № ОС-2685.
 18. **Сержень-Юрт**, селение, Шалинский р-н. Поселение на юго-западной окраине селения, на левобережной террасе р. Хулхулау. Состоит из открытой части и двух естественно укрепленных холмов-убежищ. Открыто в 1954 г. М. П. Севостьяновым. Разведки В. И. Марковина в 1957 г. Раскопки в 1958—1959 гг. — Р. М. Мунчаева; в 1960 г. — Н. Я. Мерперта; в 1961—1962 гг. — Е. И. Крупнова и В. И. Козенковой; в 1963—1966 гг. — В. И. Козенковой. Датировка — X—V вв. до н. э. Хранение — ГМ.
Крупнов Е. И., 1961, с. 27—29; В. И. Козенкова, 1969; Архив ИА, Р-2, № 2035.
 19. **Сержень-Юрт**, селение. Грунтовой могильник в 800 м юго-западнее селения, рядом с поселением X—V вв. до н. э. (см. № 18). Раскопки Р. М. Мунчаева в 1958 г. — два погребения; В. И. Козенковой в 1965—1971 гг. — 78 погребений. Датировка — X—VI вв. до н. э. Хранение — ГМ.
Мунчаев Р. М., 1961, с. 59—60; Козенкова В. И., 1969, с. 171—183; Козенкова В. И., АО 1971 г. М., 1972, с. 127.
 20. **Ца-Ведено**, селение. Веденский р-н. Предметы из грунтового погребения, найденные в 1965 г. в усадьбе Б. Пашаева. Место обследовано в 1966 г. В. И. Козенковой. В комплекс входили следующие предметы: бронзовая орнаментированная бляха птицеобразной формы, обломок бронзовой бляхи, обломок поясной пряжки позднекобанского типа, обломок бронзовой гривны из гладкого прута, две бронзовые фибулы с насечками на лицевой стороне, два бронзовых браслета, три бронзовые ажурные бусины, 23 стеклянные бусины глухого синего стекла с темными глазками, заклоченными в белое колечко. Датировка — VI—V вв. до н. э. Хранение — ГМ.
Крупнов Е. И., АО 1965 г. М., 1966, с. 35; Козенкова В. И., 1973, с. 149—158.
 21. **Исти-Су**, селение, Гудермесский р-н. Грунтовой могильник в 4 км к западу от селения, на северном склоне Кочалыковского хребта. Раскопки 1937—1938 гг. М. И. Артамонова и А. В. Мачинского. Раскопано 23 погребения (из них 19 — экспедицией М. И. Артамонова). Датировка — VI—V вв. до н. э. Хранение — ГЭ, инв. № 1749.
Артамонова-Полтавцева О. А., 1950, с. 20—101.
 22. **Братское**, селение (быв. Ногай-Мирза-Орт). Надтеречный р-н. Городище к западу от селения, на четвертой правобережной террасе р. Терек. Открыто в 1936 г. А. П. Кругловым. В 1949 г. сбор подъемных материалов М. П. Севостьяновым. В слое — отдельные фрагменты серолощенной керамики с налепным орнаментом, характерным для восточного варианта кобанской культуры. Хранение — ГМ, инв. № 6203.
Круглов А. П., 1938; Крупнов Е. И., 1960, с. 152; Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 123 (№ 680).
 23. **Верхний Наур**, селение, Надтеречный р-н. Городище к востоку от селения, на правом берегу р. Терек. Состоит из трех взаимосвязанных групп укреплений. Открыто и обследовано в 1936 г. А. П. Кругловым. Среди подъемного материала встречены отдельные фрагменты сосудов с серолощенной поверхностью и налепным орнаментом, характерным для керамики восточного варианта кобанской культуры. Хранение — ГМ, инв. № 6203.
Круглов А. П., 1938; Крупнов Е. И., 1960, с. 152; табл. XIX, 1—2; Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 125 (№ 688—690); Архив ЛОИА, ф. 45/40, л. 22.
 24. **Шеды-Юрт**, селение, Грозненский р-н. Городище в 0,5 м к востоку от селения, на правом берегу р. Терек. Открыто в 1949 г. М. П. Севостьяновым. В слое средневекового времени отдельные фрагменты серолощенной керамики, с налепным орнаментом, характерным для восточного варианта кобанской культуры. Хранение — ГМ, инв. № 6199.
Крупнов Е. И., 1960, с. 152; Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 120, № 662.
 25. **Правобережное**, селение, Грозненский р-н (бывш. селение Аду-Юрт). Поселение в 2 км к юго-западу от селения на третьей левобережной террасе р. Терек. Открыто А. П. Кругловым в 1936 г. В слое — отдельные фрагменты чернолощенной и серолощенной керамики первой половины I тысячелетия до н. э. (обломок сосуда, орнаментированного прочерченными ромбами и треугольниками). Хранение — ГЭ.
Круглов А. П., 1938, с. 9; Крупнов Е. И., 1960, с. 152 (№ 36); Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 120, № 663.
 26. **Гвардейское**, селение (быв. Али-Юрт), Надтеречный р-н. Городище к югу от селения, на правом берегу р. Терек. Открыто в 1936 г. А. П. Кругловым. В 1959 г. обследовалось Н. Я. Мерпертом. Среди подъемного материала, собранного А. П. Кругловым, несколько фрагментов серолощенной и чернолощенной керамики с прочерченным геометрическим орнаментом, а также с налепным орнаментом в виде шишечек, валиков с защипами, короткими налепами, характерными для керамики восточного варианта кобанской культуры. Хранение — ГЭ, инв. № 1724—22, 23, 25, 31, 34 и т. д.
Круглов А. П., 1938; Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 124, № 684—685; Архив ЛОИА, ф. 45, д. № 40, л. 26, 32.
 27. **Троицкая станица**, Сунжинский р-н. Городище в 1 км севернее станицы, на левом берегу р. Сунжи. Разведки Г. В. Подгаецкого в 1938 г., Т. М. Минаевой и Н. И. Штанько в 1945 г. Среди собранного керамического материала отдельные фрагменты лощеных сосудов с налепным орнаментом, характерных для середины I тысячелетия до н. э. Хранение — ГМ.
Крупнов Е. И., 1960, с. 160 (№ 41); Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 55 (№ 238); Отчет М. И. Артамонова и А. П. Круглова. — Архив ЛОИА, ф. 35, 1938/116.
 28. **Орджоникидзевская**, станица (быв. станица Слепцовская), Сунжинский р-н. Городище в 1 км восточнее станицы, на левом берегу р. Сунжи. Разведки Т. М. Минаевой и Н. И. Штанько в 1945 г. Среди собранного керамического материала — отдельные фрагменты темнолощенных сосудов с налепным шипковым орнаментом, а также ручки от сосудов, характерных для восточного варианта кобанской культуры середины I тысячелетия до н. э. (так называемого скифского типа). Хранение — ГМ.
Крупнов Е. И., 1960, с. 161 (№ 42); Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 55—56 (№ 241).
 29. **Орджоникидзевская**, станица (быв. станица Слепцовская). Курган в окрестности станицы. Разрушен при строительных работах в 1966 г. Доследование М. Х. Ошаева. Два впускных погребения V—IV вв. до н. э. Хранение — ГМ.
Виноградов В. Б., Рунин А. П., 1969, с. 101, рис. 7, 3—11.
 30. **Серноводское (Михайловское)**, селение, Сунжинский р-н. Городище в 1,5 км северо-западнее селения. Разведки Г. В. Подгаецкого в 1938 г., Т. М. Минаевой и Н. И. Штанько в 1945 г., М. П. Севостьянова в 50-е годы. Среди подъемного материала — отдельные находки фрагментов серолощенных мисок и корчаг середины I тысячелетия до н. э. Хранение — ГЭ и ГМ, инв. № 6207.
Крупнов Е. И., 1960, с. 161 (№ 43); Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 56 (№ 243); Отчет М. И. Артамонова и А. П. Круглова. — Архив ЛОИА, ф. 35, 1938/118.
 31. **Закап-Юрт (Пригородное)**, селение, Ачхой-Мартановский р-н. Поселение 2, западнее селения. Разведки

- Т. М. Минаевой и Н. И. Штанько в 1945 г., М. П. Севостьянова — в 50-е годы. В слое — отдельные фрагменты керамики темно-серого цвета со следами лощения. Орнамент — налепные валики, характерные для посуды восточного варианта кобанской культуры середины I тысячелетия до н. э. Хранение — ГМ.
Минаева Т. М., 1958, с. 419 (№ 3); *Крупнов Е. И.*, 1960, с. 161 (№ 44); *Виноградов В. Б.*, *Марковин В. И.*, 1966, с. 57 (№ 251).
32. **Гехи**, селение, Урус-Мартановский р-н. Поселение 1 в 1,5 км севернее селения, на правом берегу р. Гехи. Открыто в 1949 г. Н. И. Штанько. Среди собранной керамики — фрагменты темно лощеных сосудов с налепным орнаментом, характерным для восточного варианта кобанской культуры. Хранение — ГМ.
Крупнов Е. И., 1960, с. 161 (№ 45); *Виноградов В. Б.*, *Марковин В. И.*, 1966, с. 65 (№ 316).
33. **Ермоловская**, станица, Грозненский р-н. Городище вблизи станицы, на левом берегу р. Сунжи. Разведки А. А. Бобринского в 1886—1888 гг., Г. В. Подгаецкого — в 1938 г., Т. М. Минаевой и Н. И. Штанько — в 1945 г. В слое — отдельные фрагменты чернолощеной керамики середины I тысячелетия до н. э.
Крупнов Е. И., 1960, с. 162 (№ 47).
34. **Алды**, селение, Грозненский р-н. Городище 1 при слиянии р. Сунжи и Черной речки, восточнее селения. Открыто М. П. Севостьяновым и Е. Г. Дозоровым в 1948—1949 гг. Среди подъемного материала — обломки керамики первой половины I тысячелетия до н. э. Хранение — ГМ, инв. № 1464.
Крупнов Е. И., 1960, с. 162 (№ 49); *Виноградов В. Б.*, *Марковин В. И.*, 1966, с. 114 (№ 626).
35. **Алды**, селение. Городище 2 на Черной речке, западнее селения. Открыто Т. М. Минаевой в 1945 г. Посещалось М. П. Севостьяновым в 1950 г. В слое — отдельные фрагменты керамики первой половины I тысячелетия до н. э. Хранение — ГМ, инв. № 1738.
Минаева Т. М., 1958, с. 427 (№ 15); *Крупнов Е. И.*, 1960, с. 162 (№ 50); *Виноградов В. Б.*, *Марковин В. И.*, 1966, с. 114 (№ 627).
36. **Алды**, селение. Курганный могильник вблизи селения. Отдельные находки вблизи курганов скифского времени (два кувшина из сборов А. А. Бобринского хранятся в ГИМ).
Виноградов В. Б., *Марковин В. И.*, 1966, с. 114 (№ 629); Дела Археологической комиссии. — Архив ЛОИА, ф. 1, АК 1888/64, с. 67.
37. **Городок им. Иванова**, раб. поселок, Грозненский р-н. Поселение в 1 км западнее раб. поселка, в междуречье Сунжи и Терека. Открыто Г. С. Симоновым в 1960 г. На распаханном поле встречены отдельные фрагменты керамики середины I тысячелетия до н. э. Хранение — ГМ.
Виноградов В. Б., *Марковин В. И.*, 1966, с. 115 (№ 631).
38. **Грозный**, город. Городище 1 в Ханкальском ущелье на территории города. Открыто М. П. Севостьяновым в 1949 г. Раскопки В. Б. Виноградова в 1962 г. В слое имелись обломки сосудов с налепным орнаментом, середина I тысячелетия до н. э. Хранение — ГМ.
Крупнов Е. И., 1960, с. 163 (№ 51); *Виноградов В. Б.*, *Марковин В. И.*, 1966, с. 118 (№ 654).
39. **Грозный**, город. Городище 2 в Ханкальском ущелье, в 400 м юго-восточнее городища 1. Открыто М. П. Севостьяновым в 1949 г. Разведки В. Б. Виноградова в 1965 г. Раскопки В. Б. Виноградова в 1968 и в 1970 гг. Значительное количество материалов V—IV вв. до н. э. (горшки, кружки, кувшины, обломок статуэтки животного), но только отдельные фрагменты керамики можно отнести к восточному варианту кобанской культуры середины I тысячелетия до н. э. Хранение — ГМ.
Виноградов В. Б., *Марковин В. И.*, 1966, с. 119 (№ 655); *Багаев М. Х.*, *Виноградов В. Б.*, *Умаров С. Ц.*, АО 1968 г. М., 1969, с. 86; *Виноградов В. Б.*, *Петренко В. А.*, АО, 1970 г. М., 1971, с. 113—115.
40. **Грозный**, город. Городище-3 в Ханкальском ущелье, в 500 м севернее городища-2. Открыто Г. С. Симоновым в 1960 г. Разведки В. Б. Виноградова в 1968 г. Отдельные фрагменты керамики середины I тысячелетия до н. э. Хранение — ГМ.
Виноградов В. Б., *Марковин В. И.*, 1966, с. 119 (№ 656); *Багаев М. Х.*, *Виноградов В. Б.*, *Умаров С. Ц.*, АО 1968 г. М., 1969, с. 86.
41. **Грозный**, город. Грунтовый могильник-1 в Ханкальском ущелье вблизи городища-2. Раскопки 1967—1968 гг.
- В. Б. Виноградова. Исследовано 52 погребения, из них к V—IV вв. до н. э. относятся семь погребений (№ 6, 25, 27, 32, 33, 34, 35). Хранение — ГМ.
Багаев М. Х., *Виноградов В. Б.*, *Умаров С. Ц.*, АО 1968 г. М., 1969, с. 86; *Байбик В. Д.*, *Виноградов В. Б.*, *Гантимурова Т. М.*, *Магомедова И. Д.*, 1969, с. 83. Отчет В. Б. Виноградова за 1968 г. — Архив ИА, Р-1, № 3757, с. 1—13.
42. **Грозный**, город. Два кургана, разрушенные в 1968 и 1969 гг. в Ханкальском ущелье. Доследование В. Б. Виноградова. Датировка — VI—V вв. до н. э.
Отчеты В. Б. Виноградова за 1968 и 1969 гг. — Архив ИА, Р-1, № 3757 и Р-1, № 4668.
43. **Грозный**, город. Отдельные предметы середины I тыс. до н. э. из коллекции А. А. Бобринского (1888 г.), в частности бронзовая головка рогаго животного (коза, лань?). Хранение — ГЭ, № 1363/2.
Марковин В. И., 1966, с. 130, рис. 4, 6; *Виноградов В. Б.*, *Марковин В. И.*, 1966, с. 117 (№ 645).
44. **Грозный**, город. 1) Случайная находка бронзовой фибулы в Заводском р-не (между селением Алды и прудом) в 1950 г. В. Сабатовым. Датировка — VI—V вв. до н. э. Хранение — ГМ, инв. № ОС 1824; 2) Случайная находка бронзовой витой булавки с закрученной в петлю головкой. Найдена т. Костенко в 1957 г. во дворе собственного дома. Датировка — первая половина I тысячелетия до н. э. Хранение — ГМ, инв. № ОС 24403.
45. **Грозный**, город. Поселение 1 на юго-восточной окраине города, на юго-западном склоне возвышенности Сюир-Корт. Открыто и обследовано Г. С. Симоновым и В. Б. Виноградовым в 1962 г. Среди подъемного материала — отдельные фрагменты керамики, характерной для раннего железного века. Хранение — ГМ.
Виноградов В. Б., *Марковин В. И.*, 1966, с. 117—118 (№ 649).
46. **Грозный**, город. Поселение 2 на юго-восточном склоне возвышенности Сюир-Корт. Открыто Г. С. Симоновым в 1958 г. Обследовано В. Б. Виноградовым. Среди подъемного материала — обломки керамики середины I тысячелетия до н. э. Хранение — ГМ.
Виноградов В. Б., *Марковин В. И.*, 1966, с. 118 (№ 651).
47. **Грозный**, город. Грунтовое погребение, разрушенное бульдозером на возвышенности Сюир-Корт в 1969 г. Доследовано М. Х. Ошаевым и В. Б. Виноградовым. Среди обнаруженных предметов — каменное пряслице, два оселка и фрагменты керамики с налепными валиками с защипами, характерные для восточного варианта кобанской культуры середины I тысячелетия до н. э. Хранение — ГМ.
48. **Чишки**, селение, Грозненский р-н. Поселение 2 на левом берегу р. Аргун, в месте слияния ее с р. Шаро-Аргун. Открыто и обследовано А. П. Кругловым в 1936 г. Разведки В. И. Марковина в 1956 г. Среди подъемного материала — обломки керамики с черной и серой лощеной поверхностью (миски, горшки), обломки баночных сосудов, орнаментированных налепными волнистыми валиками с защипами. Посуда характерна для середины I тысячелетия до н. э. Датировка — скифское время.
Круглов А. П., 1938 г., с. 13; *Крупнов Е. И.*, 1960, с. 163—164 (№ 57); *Виноградов В. Б.*, *Марковин В. И.*, 1966, с. 109—110 (№ 604).
49. **Дуба-Юрт**, селение, Грозненский р-н. Поселение к юго-западу от селения, на правом берегу р. Аргун. Открыто и обследовано А. П. Кругловым в 1936 г. Разведки Н. И. Штанько и М. П. Севостьянова в 1948 г. Среди подъемного материала — обломки чернолощеной и серо-лощеной керамики с налепным орнаментом, типичным для восточного варианта кобанской культуры. Хранение — ГМ.
Крупнов Е. И., 1960, с. 164 (№ 58); *Виноградов В. Б.*, *Марковин В. И.*, 1966, с. 110 (№ 606); *Круглов А. П.*, Архив ЛОИА, ф. 45, д. 40, 104.
50. **Герменчук**, селение, Шалинский р-н. Городище на правом берегу р. Джалки. Разведки Н. И. Штанько и М. П. Севостьянова в 1948 г., В. Б. Виноградова — в 1963 г., М. Х. Багаева — в 1966 г. В нижнем слое среди поздних материалов отмечены отдельные обломки керамики, орнаментированной налепными валиками с защипами, характерными для середины I тысячелетия до н. э. Хранение — ГМ.
Крупнов Е. И., 1960, с. 164 (№ 59); *Виноградов В. Б.*, *Марковин В. И.*, 1966, с. 91 (488); *Багаев М. Х.*, 1968, с. 64, сноска 1.
51. **Кескем и Пседахе**, селения, Малгобекский р-н. Грунтовой могильник в окрестностях селений. Раскопки

- В. И. Долбежева в 1898 г. Хранение — ГИМ, пив. № 40753. Датировка — первая половина — середина I тысячелетия до н. э.
ОАК за 1898 г., с. 157—162; *Крупнов Е. И.*, 1948, с. 29—30; *Виноградов В. Б., Марковин В. И.*, 1966, с. 26 (№ 6).
52. **Малгобек**, город. Отдельное грунтовое погребение, раскопанное северо-западнее города в 1937 г. Из погребения пропсходит костяная обкладка ножа или ногайки VI—V вв. до н. э., выполненная в зверином стиле. Хранение — ГЭ.
Лессен А. А., Пиотровский Б. Б., 1940; *Крупнов Е. И.*, 1960, с. 242, табл. XI, 4; *Виноградов В. Б., Марковин В. И.*, 1966, с. 25, (№ 4).
53. **Джегах**, селение, Назрановский р-н. Бронзовая статуэтка оленя IX—VII вв. до н. э. Обнаружена в святилище на горе вблизи селения, расположенного в ущелье р. Армхи. Разведки Л. П. Семенова в 1925—1927 гг. Хранение — ГМ. *Семенов Л. П.*, 1928, с. 194; *Крупнов Е. И.*, 1948, с. 31; *Виноградов В. Б., Марковин В. И.*, 1966, с. 26—27 (№ 12).
54. **Хамхи**, селение, Назрановский р-н. Около селения в ущелье р. Ассы обнаружены остатки циклопических построек, в настоящее время не изученных. Е. И. Крупнов датировал их IX—VI вв. до н. э.
Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 41 (№ 133).
55. **Эгикал**, селение, Назрановский р-н. Около селения в ущелье р. Ассы обнаружены остатки циклопических построек, изученные лишь визуально. Е. И. Крупнов был склонен датировать этот памятник IX—VI вв. до н. э.
Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 42 (№ 137).
56. **Дошхакле**, селение, Назрановский р-н. Около селения в ущелье р. Ассы обнаружены остатки циклопических построек, лишь предположительно относящиеся к восточному варианту. Е. И. Крупнов предварительно датировал их IX—VI вв. до н. э.
Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 42—43 (№ 143).
57. **Троицкая**, станица, Сунжинский р-н. 1) Одиночный курган в 15—18 км от станицы, на равнине, возле пересохшего ручья Ачалук. Раскопки Ф. С. Панкратова в 1913 г. Подкурганное захоронение, вытянутое на спине, руки протянуты вдоль туловища. Ориентация — головой на запад. Под головой камень. На руке — бронзовый браслет из круглого в сечении прута, у правой ноги — бронзовый наконечник стрелы, между ног — кусок железа, напоминающий нож, около ступней ног — черноглиняный кувшин в фрагментах.
Панкратов Ф. С. Рукописный отчет о раскопках курганов в Алхан-Чуртовской долине около станицы Карабулак. — Архив ЛОИА, АК 1913/236, с. 35.
2) Курганный могильник скифо-сарматского времени. Разведки В. Б. Виноградова, 1969 г.
Виноградов В. Б., АО, 1969. М., 1970, с. 97.
58. **Рошни-Чу**, селение, Урус-Мартановский р-н. Случайная находка бронзового наконечника копья конца II — начала I тысячелетия до н. э. Найден в 1958 г. недалеко от селения, в карьере. Хранение — ГМ.
Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 65 (№ 318); О работах Р. М. Мунчаева см. в отчете СКАЭ за 1958 г. — Архив ИА, Р-1, № 1818.
59. **Алхан-Юрт (Айзавское)**, селение, Урус-Мартановский р-н. Поселение-1 в 4 км севернее селения, на левом берегу р. Сунжи. Открыто в 1948 г. М. П. Севостьяновым. Разведочные раскопки Е. И. Крупнова в 1948 г. В слое встречены обломки серолощеной и чернолощеной керамики с налепным и нарезным геометрическим орнаментом, характерным для восточного варианта кобанской культуры.
Крупнов Е. И., 1950, с. 94; *Крупнов Е. И.*, 1960, с. 162.
60. **Алхан-Юрт**, селение. Поселение 2 в 1 км северо-восточнее селения и в 500—600 м от всячего моста через р. Сунжу и плотины водоразборного канала, на правобережной надпойменной террасе р. Сунжи. Открыто Г. С. Симоновым в 1957 г. В слое средневекового времени попадались отдельные фрагменты керамики раннего железного века. Хранение — ГМ.
Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 66 (№ 324).
61. **Гойты**, селение Урус-Мартановский р-н. Курганный могильник западнее селения. Раскопки В. И. Марковина в 1962 г. Датировка — V в. до н. э. Отдельные элементы восточного варианта кобанской культуры (горшок — курган 5; захоронение «рабыни» с железными и бронзовыми браслетами — в кургане 4. Ориентация покойной на запад — юго-запад).
Марковин В. И., 1965, с. 163—164; *Виноградов В. Б., Марковин В. И.*, 1966, с. 67 (№ 327).
62. **Алхазурово**, селение, Урус-Мартановский р-н. Отдельное грунтовое погребение, открытое при строительных работах на центральной улице селения в 1963 г. Сохранность костей плохая. В могиле обнаружены пастовые бусы и бронзовый браслет VI—IV вв. до н. э. Хранение — ГМ.
Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 67, (№ 330).
63. **Шарой**, селение, Советский р-н. Случайные находки бронзовых статуэток людей и животных в верховьях р. Шаро-Аргун. Покупка А. П. Ипполитова в 1868 г. в с. Шарой фигурок обнаженных людей с племем на голове и с дротиком в руке, статуэток баранов, оленей и козлов.
Ипполитов А. П., 1868 г. с. 50.
64. **Шарой**, селение. Бронзовые статуэтки обнаженных людей, найденные в могилах. Разведки Д. Н. Анучина в 1882 г.
Анучин Д. Н., 1884, с. 380.
65. **Шарой**, селение. Коллекция В. И. Долбежева 1882 г. кобанских предметов, обозначенных в коллекционной описи как происходящих из могильника. Коллекция включает пять бронзовых фибул с узким приемником, два бронзовых пластинчатых ребристых браслета с завитками на концах, три бронзовых пуговицы-пластинки, две бронзовые прямоугольные пряжки и одну полукруглую, два бронзовых гладких браслета, один бронзовый пластинчатый браслет с гравированным орнаментом, бронзовую иглу, две бронзовые спирали, бронзовую массивную булавку с лопатообразной головкой, бронзовый кинжал подтреугольно-вытянутой формы. Датировка — конец II — начало I тысячелетий до н. э. Хранение — ГЭ, инв. № 144. Предметы частично изданы.
Марковин В. И., 1966, с. 127, рис. 3, 3.
66. **Шарой**, селение. В окрестностях селения, на вершине горы, в 1928 г. местным жителем А. Д. Шериповым были найдены бронзовые статуэтки людей и животных. Статуэтки утеряны.
Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 69—70 (№ 343).
67. **Шарой**, селение. Бронзовая итифаллическая статуэтка. Статуэтка найдена в башне вблизи селения в 1963 г. лесником Д. Бамаггиреевым. Хранение — ГМ.
Исламов А. А., Виноградов В. Б., 1965, с. 167—168; *Виноградов В. Б., Марковин В. И.*, 1966, с. 70 (№ 344).
68. **Химой**, селение, Советский р-н. 1) Отсюда происходят бронзовые статуэтки овцы, оленя, а также подвески в виде птицы, фибулы и обломок гривны. Хранение — ГИМ, инв. № 54746.
Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 70 (№ 346).
2) Две бронзовые антропоморфные статуэтки.
Архив ЛОИА, АК 1887/68 (рис.).
69. **Советское**, селение (быв. с. Шатой). 1) Случайная находка в окрестностях селения бронзовой женской статуэтки.
Архив ЛОИА, ф. 45/40 (фото).
2) Сведения, полученные П. А. Головинским и Д. Н. Анучиным о находках в Шатое фигурок баранов, козлов, оленей, обнаженных людей. По их словам, статуэтки были уложены не в могиле, а особо, в земле.
Головинский П. Д., 1878; *Анучин Д. Н.* 1884, с. 372; *Виноградов В. Б., Марковин В. И.*, 1966, с. 70, (№ 348).
70. **Цеси**, селение, Советский р-н. Сведения о находках бронзовых статуэток в окрестностях селения.
Марковин В. И., 1966, с. 130.
71. **Горьчесточническая**, станица, Грозненский р-н. Городище 1 на северо-западной окраине станицы. Открыто в 1949 г. М. П. Севостьяновым. Среди подъемного материала — отдельные обломки посуды раннего железного века. Хранение — ГМ.
Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 120—121 (№ 665).
72. **Хиндой**, селение, Советский р-н. Поселение на левом высоком берегу р. Хинд-Ахк, над тропой Хиндой-Верхний Инкот. Открыто и обследовано В. И. Марковиным и М. П. Севостьяновым в 1963 г. Среди подъемного материала — обломки гладкой пятнистой посуды баночной формы, с валиками и косыми врезками, с продолговатыми налепами у края венчика. Датировка — предскифское время. Хранение — ГМ.
Марковин В. И., 1966, с. 127; *Виноградов В. Б., Марковин В. И.*, 1966, с. 71 (№ 372).
73. **Новые Атаги**, селение, Шалинский р-н. Курганный могильник на краю второй террасы правого берега р. Аргун. Обследован Р. М. Манучаевым в 1958 г. Предположительно датируется скифским временем.
Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 90 (№ 483);

- О работах Р. М. Мунчаева см. в отчете СКАЭ за 1958 г.— Архив ИА, Р-1, № 1818.
74. **Белгатой**, селение (плоскостное), Шалинский р-н. Селище — северо-западнее селения, в междуречье Аргуна и Басса. Среди подъемного материала — фрагменты керамики середины I тысячелетия до н. э. Хранение — ГМ. *Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 91 (№ 487).*
 75. **Чир-Юрт**, селение, Грозненский р-н. Отдельное грунтовое погребение, обнаруженное на северной окраине селения в 1963 г. Сохранность костей плохая. В могиле найден железный наконечник копья скифского времени. *Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 111 (№ 611).*
 76. **Курчалой**, селение, Шалинский р-н. Поселение 1 на северной окраине селения, в левом северном срезе дороги Курчалой — Майртуп. Открыто в 1961 г. В. И. Марковиным. Разведочные раскопки в 1961 и в 1964 гг. В. И. Марковина. Среди массовых материалов каякентско-хорочоевской культуры встречены отдельные фрагменты серолощенных пятнистых сосудов с налепным орнаментом, характерным для восточного варианта кобанской культуры начала I тысячелетия до н. э. Хранение — ГМ. *Марковин В. И., 1966, с. 122-123; Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 92 (№ 492); Марковин В. И., 1969, с. 15.*
 77. **Курчалой**, селение. Отдельное грунтовое погребение, обнаруженное в 1961 г. А. М. Лифишевым при строительстве плодосушильного завода. Захоронение скорченное, ориентированное головой на юго-запад. Находки: бронзовый пластинчатый браслет, песчаниковая плитка, каменный пест. Дата В. Б. Виноградова и В. И. Марковина — скифо-сарматское время. По нашему мнению, не позднее середины I в. до н. э. Хранение — ГМ. *Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 92 (№ 493); Марковин В. И., 1966, с. 131-132, рис. 5 (1).*
 78. **Гельдиген**, селение, Шалинский р-н. Поселение 1 к югу от селения, на правом плоском берегу безымянной речки. Открыто и исследовано в 1961 г. В. И. Марковиным. В разведочном раскопе обнаружены обломки посуды восточного варианта кобанской культуры предскифского времени (глубокие чашки с пеглевидными ручками, миски, сосуды с налепными валиками у устьев, стенки с коническими налепами). Хранение — ГМ. *Марковин В. И., 1966, с. 127; Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 93 (№ 500).*
 79. **Гельдиген**, селение. Поселение 2 вблизи горных отрогов, на полпути между селениями Гельдиген и Курчалой. Открыто в 1961 г. В. И. Марковиным. Среди подъемного материала — обломки сосудов предскифского времени. Хранение — ГМ. *Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 93 (№ 501).*
 80. **Майртуп**, селение, Шалинский р-н. Случайные находки кобанского типа первой половины I тысячелетия до н. э. 1) Бронзовая фигурка-подвеска лани. Находка А. М. Дидиева в 1965 г. в окрестностях селения. 2) Клад бронзовых предметов в глиняном сосуде (10 пластинчатых браслетов, очковидная привеска, колечко, мелкие спиральки). Находка Р. Ибаева в 1967 г., западнее селения. Место обследовано В. Б. Виноградовым. Датировка предметов — IX—VII вв. до н. э. Хранение — ГМ. *Виноградов В. Б., 1968, с. 213, рис. 8; Виноградов В. Б., 1970, с. 202-204, рис. 1.*
 81. **Бачи-Юрт**, селение, Шалинский р-н. Могильник из каменных ящиков и грунтовых могил под плитами. Расположен в 2,5 км южнее селения, на правом высоком берегу р. Гонсол. Открыт в 1958 г. А. Междовым. 1) Разведочные раскопки одного погребения Р. М. Мунчаевым в 1958 г. 2) Комплекс предметов кобанского типа, предположительно из каменного ящика, найден в 1967 г. М. Х. Ошаевым. Датировка — IX—VII вв. до н. э. Хранение — ГМ. *Мунчаев Р. М., 1961; Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, № 503; Отчет Р. М. Мунчаева 1958 г.— Архив ИА, Р-1, № 1818.*
 82. **Бачи-Юрт**, селение. Городище в 3 км северо-восточнее селения на правом берегу р. Мичик. Открыто в 1958 г. Р. М. Мунчаевым. В слое (VII—VIII штыки) — отдельные обломки сосудов баночной формы с налепным и нарезным орнаментом. Датировка — предскифское время. Хранение — ГМ. *Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, № 504; Отчет Р. М. Мунчаева 1958 г.— Архив ИА, Р-1, № 1818.*
 83. **Центорой**, селение (плоскостное), Шалинский р-н. Городище в 1 км западнее селения, на берегу р. Мичик. Об-
 - паружено В. В. Шапочкой. Разведки В. И. Марковина в 1963 г. Среди подъемного материала — отдельные обломки сосудов VII—IV вв. до н. э. Хранение — ГМ. *Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 94, (№ 506).*
 84. **Центорой**, селение (плоскостное). Предметы кобанского типа VI—IV вв. до н. э. из разрушенных грунтовых могил вблизи селения. Собраны В. В. Шапочкой и переданы в 1963 г. В. И. Марковину (бронзовая фибула, бронзовый браслет с несомкнутыми и слегка расплюснутыми концами, обломки перевитой гривны, булава с лопатовидным навершием и бляха с семью лучами). Хранение — ГМ. *Марковин В. И., 1966, с. 128 рис. 3 (6-9); Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 95 (№ 507).*
 85. **Хатуни**, селение, Веденский р-н. Бронзовая птицеобразная бляха VI—V вв. до н. э., обнаружена в 1887 г. в окрестностях селения (раскопки Н. С. Семенова). Хранение — ГЭ, инв. № 1740. *ОАК за 1895 г., с. 77; Артамонова-Полтавцева О. А., 1950; Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 97 (№ 517).*
 86. **Хатуни**, селение. Бронзовая статуэтка с бараньей головкой обнаружена вблизи селения в 1887 г. *Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 97 (№ 518).*
 87. **Ведено**, селение. Поселение в 7 км восточнее селения, на вершине Эрсен-Корт. Разведки В. Б. Виноградова 1968 г. Среди подъемного материала — каменные пряслица, оселок, обломки гладкостенных сосудов с налепными валиками, с сосцевидными налепами и насечками по венчику. Хранение — ГМ.
 88. **Ведено**, селение. Предметы кобанского типа из коллекции Н. В. Орла 1912 г. (бронзовая подвеска, бронзовая фибула с перевитой дужкой, два бронзовых браслета из овально-выпуклого в сечении прута с поперечными насечками на поверхности, очковидная привеска, сосуд с узким горлом и шаровидным корпусом). Датировка — VI—V вв. до н. э. Хранение — ГЭ (инв. № 177). *Круглов А. П., 1958; Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 97 (№ 524); Архив ЛОИА, ф-1, АК, 1912/17.*
 89. **Ведено**, селение. Предметы кобанского типа из коллекции А. А. Бобринского 1888 г. (бронзовый топор типа «Б», по классификации П. С. Уваровой, бронзовый топор с обухом в виде рыбы с открытым ртом). Хранение — ГЭ, инв. № 1363 (62-63). *Марковин В. И., 1966, с. 119 рис. 2 (8-9).*
 90. **Ведено**, селение. Бронзовая фибула VI—V вв. до н. э. кобанского типа. Случайная находка в Ведено в 1963 г. Хранение — ГМ, инв. № ОС-4027/3.
 91. **Замни-Юрт**, селение, Ножай-Юртовский р-н. Поселение на окраине селения, на возвышающейся террасе. Разведки 1968 г. С. Умарова. Среди подъемного материала — обломки гладкостенной посуды с налепным орнаментом и глиняный штамп — двусторонняя пинтадера. Хранение — ГМ. *Виноградов В. Б., 1972, рис. 48 (2).*
 92. **Замни-Юрт**, селение. Каменное изваяние скифского времени. Обнаружено юго-восточнее селения, на правом берегу р. Аксай, в 1961 г. В. И. Марковиным. Хранение — ГМ. *Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 105-106 (№ 578); Мунчаев Р. М., Марковин В. И., 1964, с. 159, рис. 1; Отчет В. И. Марковина за 1961 г.— Архив ИА, Р-1, № 2320.*
 93. **Бети-Мохк**, селение, Ножай-Юртовский р-н. Могильник-1 из каменных ящиков и склепов на восточной окраине селения. Открыт в 1958 г. М. Мацуевым. Разведочные раскопки Р. М. Мунчаева в 1958 г. (один каменный ящик и один склеп). Среди погребального инвентаря — предметы позднекобанского типа (шейная бронзовая гривна, браслеты, наконечник железного копья). Датировка — V—IV вв. до н. э. Хранение — ГМ. *Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 102-103 (№ 561); Отчет Р. М. Мунчаева за 1958 г.— Архив ИА, Р-1, № 1818.*
 94. **Бети-Мохк**, селение. Могильник 3 из каменных ящиков на окраине селения. Разведочные раскопки В. Б. Виноградова в 1969 г. Среди погребального инвентаря — предметы позднекобанского типа (бронзовая гривна с зооморфными концами, бронзовая умбонавидная бляха, фигурка лошади). Датировка — V в. до н. э. *Отчет В. Б. Виноградова за 1969 г.— Архив ИА, Р-1, № 4668.*
 95. **Бети-Мохк**, селение. Каменное изваяние человеческой фигуры. Обнаружено в 1958 г. Р. М. Мунчаевым в селе-

- нип (усадыба Х. Исмаилова). Датировка — VI—V вв. до н. э.
- Мунчаев Р. М., Марковин В. И., 1964, с. 159, рис. 1; Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 103 (№ 563); Отчет Р. М. Мунчаева за 1958 г. — Архив ИА, Р-1, № 1818.*
96. **Зандак**, селение (быв. Дагбаш), Ножай-Юртовский р-н. Бронзовый клинжал треугольно-вытянутой формы с тремя отверстиями. Случайная находка в 1962 г. учителя Х. Т. Абдурмаликова. Хранение — ГМ.
Марковин В. И. Отчет СКАЭ за 1962 г. — Архив ИА, Р-1, № 2459, с. 6.
97. **Зандак**, селение. Могильник (грунтовые погребения и погребения в каменных ящиках) на северо-западной окраине селения близ дороги Зандак-Хасавюрт, на высокой террасе р. Ярык-Су. Исследовано 66 погребений (1953 г. — М. И. Пикуль — 4; 1962—1964 гг. — В. И. Марковин — 62 погребения). Датировка — IX—VII вв. до н. э. Среди погребального инвентаря наряду с каякентско-хорочевскими элементами найдены многочисленные предметы кобанского типа. Хранение — ГМ.
Пикуль М. И., 1967, с. 19—22; Марковин В. И., 1964, с. 84—87; Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, № 564; Марковин В. И., Мунчаев Р. М., 1965, с. 46, рис. 18; Виноградов В. Б., Исламов А. А., 1965, с. 158, рис. 1(2).
98. **Шушня**, селение, Ножай-Юртовский р-н. Могильник из каменных ящиков и грунтовых ям в 800 м юго-восточнее селения, на левом берегу р. Яман-Су. Открыто в 1958 г. Р. М. Мунчаевым. Исследовано 19 погребений (2 — в 1958 г. Р. М. Мунчаевым, 17 — в 1961—1962 гг. В. И. Марковиным). Отдельные поздние элементы кобанской культуры найдены в инвентаре могил середины I тысячелетия до н. э. Хранение — ГМ.
Марковин В. И., 1964, с. 88; Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 104, № 508; Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1968, с. 153—205; Отчет Р. М. Мунчаева за 1958 г. — Архив ИА, Р-1, № 1818.
99. **Мескеты**, селение, Ножай-Юртовский р-н. Каменное изваяние в виде фигуры человека (усадыба Ю. Х. Дискаджиева). Изучалось в 1958 г. и 1962 г. Р. М. Мунчаевым и В. И. Марковиным. Дата — скифское время.
Мунчаев Р. М., Марковин В. И., 1964, с. 159, рис. 1; Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 104 (№ 569); Отчет Р. М. Мунчаева за 1958 г. — Архив ИА, Р-1, № 1818.
100. **Мескеты**, селение. Отдельные предметы позднескифского времени из коллекции 1902 г. В. И. Долбежева: три булавки, каменное навершие булавы. Хранение — ГИМ, пнв. № 43927.
ОАК за 1902 г., с. 97—102; Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 104 (№ 570).
101. **Мескеты**, селение. Могильник из каменных ящиков, обнаруженный В. И. Долбежеем вблизи селения в 1902 г. (сосуды, пастовые бусы, пластинчатые подвески из бронзы). Датировка — скифское время.
Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 104 (№ 570).
102. **Ножай-Юрт**, селение. Бронзовая пряжка-умбон, VI—IV вв. до н. э., случайно найденная вблизи селения в конце XIX в. Хранение — ГЭ.
Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, № 572.
103. **Ножай-Юрт**, селение. Могильник из каменных ящиков вблизи селения. Раскопки 1969 г. В. Б. Виноградова. Исследовано 23 погребения. Дата — V—III вв. до н. э. Среди погребального инвентаря — отдельные предметы позднекобанского типа (бронзовые умбонovidные пряжки, фигурка оленя, подвески и т. д.). Хранение — ГМ.
Виноградов В. Б., АО 1969 г. М., 1970а, с. 96—97; Виноградов В. Б., 1972, с. 368, рис. 52.
104. **Галайты**, селение, Ножай-Юртовский р-н. Три погребения (в склепе, каменном ящике и в грунтовой яме), обнаруженные в селении в 1962 г. Исследование В. И. Марковина в 1962 г. В материалах — ярко выраженные позднекобанские черты. Датировка — VI—V вв. до н. э. Хранение — ГМ.
Мунчаев Р. М., Марковин В. И., 1965, с. 87—88; Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 105 (№ 576); Марковин В. И., Мунчаев Р. М., 1964, с. 158—164.
105. **Галайты**, селение. Каменное изваяние человеческой фигуры, обнаруженное В. И. Марковиным в селении при расчистке склепа в 1962 г. Датировка — скифское время.
Мунчаев Р. М., Марковин В. И., 1964 г., с. 159, рис. 1.
106. **Ялхой-Мохк**, селение, Ножай-Юртовский р-н. Могильник (склепы, каменные ящики, грунтовые ямы) в 2 км юго-западнее селения, на вершине горы, на левом берегу р. Гумс. Открыт в 1962 г. П. А. Поповым. Исследован в 1965—1966 гг. В. Б. Виноградовым. Вскрыто 5 погребений. Среди погребального инвентаря — предметы кобанского типа VI—V вв. до н. э. (сосуды, каменная статуэтка скифа, браслеты и перстень). Хранение — ГМ.
Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 106 (№ 580); Отчет В. Б. Виноградова за 1966 г.; Отчет В. Б. Виноградова за 1968 г. — Архив ИА, Р-1, № 3293 и № 3757.
107. **Ялхой-Мохк**, селение. Грунтовое погребение на южной окраине селения, разрушенное при земляных работах в 1965 г. Погребение скорченное, на правом боку, головой на юг. Погребальный инвентарь (керамика, наконечник копья) датируется VI—V вв. до н. э. Хранение — ГМ.
Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 106, (№ 581).
108. **Курен-Беной**, селение, Ножай-Юртовский р-н. Погребение в каменном ящике. Открыто в 1966 г. В. Б. Виноградовым. Среди погребального инвентаря — отдельные предметы VI—V вв. до н. э. позднекобанского облика (миска, баночный сосуд, бронзовая булава с витым стержнем и треугольным навершием).
Отчет В. Б. Виноградова за 1966 г. — Архив ИА, Р-1, № 3293; Крупнов Е. И., Марковин В. И., Козенкова В. И., Мунчаев Р. М., Виноградов В. Б., АО 1966 г. М., 1967, с. 63; Виноградов В. Б., Рунчи А. П., 1969, с. 97.
109. **Гудермес**, город. Грунтовый могильник на северной окраине города. В 1956 г. несколько могил разрушено местными жителями. Датировка — VII—VI вв. до н. э. Хранение — ГМ.
Крупнов Е. И., 1960, с. 243; Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 108 (№ 590).
110. **Старые Атаги**, селение, Урус-Мартановский р-н. Курганный могильник 1 на правом берегу р. Аргун. Курган, раскопанный в 1888 г. П. С. Уваровой, относится к VI—V вв. до н. э. (глиняный сосуд с ручкой, бронзовая пряжка в виде двух головок ланей, соединенных ушами, пряжка из четырех завитков с маленькой бараньей головкой, бронзовая спираль, бронзовые наконечники скифских стрел, железный нож и удила, навершие булавы из серпентина с шестью сильно выступающими выпуклинами). Хранение — ГИМ.
Уварова П. С., 1894; Крупнов Е. И., 1960; Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 11 (№ 612).
111. **Старые Атаги**, селение. Курганный могильник-2 в 2 км юго-западнее селения, на второй левобережной террасе р. Аргун. Разведочные раскопки Р. М. Мунчаева в 1958 г. Исследовано пять курганов. Датировка — VI—V вв. до н. э. Хранение — ГМ.
Отчет Р. М. Мунчаева за 1958 г. — Архив ИА, Р-1, № 1818.
112. **Старые Атаги**, селение. Комплекс предметов VI—V вв. до н. э. из случайных сборов 1958 г.: бронзовая умбонovidная бляха, бронзовый многовитковый браслет, два бронзовых браслета из прута, выпукло-вогнутого в сечении, пряслице из белого мергеля, набор стеклянных бус — 31 экз., гешировые бусы — 24 экз. Хранение — ГМ, инв. № ОС-2703.
113. **Воздвиженское**, селение, Грозненский р-н (окрестности быв. крепости Воздвиженской). Предметы кобанской культуры VI—V вв. до н. э., найденные в крепости. 1) Бронзовая птицеобразная бляха, обнаруженная в 1844 г. Хранение — ГЭ, инв. № 1743 (1). 2) Комплекс предметов, найденных в 1850 г. (коллекция Н. В. Ханькова): две бронзовые дуговидные фибулы с узким приемником, два бронзовых браслета из овально-выпуклого в сечении прута, с насечками на лицевой поверхности, один браслет — из круглого в сечении прута с сомкнутыми концами и надетыми на браслет двумя кольцами, обломки бронзовой витой гривны с широким расплюснутым концом, украшенным гравированным геометрическим орнаментом, бусы круглые, синего стекла. Сохранилась лишь часть предметов: бронзовая птицеобразная бляха, бронзовая дуговидная фибула с насечками, бронзовый браслет. Хранение — Гос. музей Грузии, инв. № 6-02/128. 3) Комплекс предметов, найденных в том же 1850 г. (коллекция И. А. Бартоломея): бронзовый браслет с сомкнутым концом из овально-выпуклого в сечении прута, с насечками на лицевой поверхности, бронзовая фибула, бронзовая спираль, бронзовая умбонovidная бляха, птицеобразная орнаментированная бляха с цепями и дополнительной трапециевидной бляхой, бронзовый колокольчик с остатком звена от цепи. Хранение — ГЭ (только бляха, инв. № 2099/11). 4) Комплекс предметов из погребения в крепости Воздвиженской, найденный во второй половине XIX в. (коллекция Н. Н. Муравьева-Карского): бронзовая пти-

- цеобразная бляха, бронзовая фибула с рубчатой лицевой поверхностью, бронзовая витая гривна с расплюснутыми концами. Хранение — ГИМ, инв. № 98769. *Артамонова-Полтавцева О. А.*, 1950; *Ханыков Н. В., Савельев П. С.*, 1856; Указатель памятников Императорского русского исторического музея, 1893 г.; Архив АК. 1889/44, л. 36, 55 об. 1902; *Уварова П. С.*, 1902; *Крупнов Е. И.*, 1966; *Козенкова В. И.*, 1973, с. 153—154; 5) Бронзовый браслет из разрушенного в 1952 г. погребения VI—V вв. до н. э. Хранение ГИМ, инв. № ОС-3045.
114. **Бердыкель** (Комсомольское), селение, Грозненский р-н. Городище 1 севернее селения, на высоком берегу р. Аргун. Открыто и обследовано в 1949—1950 гг. Н. И. Штанько и М. П. Севостьяновым. В слое — отдельные обломки посуды первой половины I тысячелетия до н. э. Хранение — ГИМ.
Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 112 (№ 619); *Крупнов Е. И.*, 1960, с. 163 (№ 52).
115. **Кулары**, селение, Грозненский р-н. Курганный могильник вблизи селения. Раскопки А. А. Бобринского 1888 г. Отсюда происходят отдельные предметы середины I тысячелетия до н. э. (бронзовая фибула, спиральное кольцо, статуэтка козлика, золотой венец). Хранение — ГИМ.
Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 112 (№ 622); *Бобринский А. А.*, 1888. Архив ЛОИА, АК 1888/64.
116. **Алхан-Кала**, селение, Грозненский р-н. Городище в 4 км западнее селения, на высоком левом берегу р. Сунжи. Открыто и описано А. А. Бобринским в 1888 г. Разведочные раскопки Г. В. Подгаецкого. Сборы подъемного материала Т. И. Минаевой и Н. И. Штанько в 1945 г. Раскопки В. Б. Виноградова и М. Х. Багаева в 1965—1968 гг. В средневековом слое — отдельные фрагменты посуды, глиняная статуэтка животного, глиняный штамп-пентадера восточного варианта кобанской культуры первой половины I тысячелетия до н. э. Хранение — ГИМ.
Виноградов В. Б., 1963, с. 212; *Крупнов Е. И., Марковин В. И., Козенкова В. И., Мунчаев Р. М., Виноградов В. Б.*, АО 1966 г. М., 1967, с. 62—63; *Виноградов В. Б., Козенкова В. И., Крупнов Е. И., Марковин В. И., Мунчаев Р. М.*, АО 1967 г. М., 1968, с. 65; *Багаев М. Х., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц.*, АО 1968 г. М., 1969, с. 85—86; *Виноградов В. Б., Марковин В. И.*, 1966, с. 113 (№ 624); Отчет Г. В. Подгаецкого за 1938 г. — Архив ЛОИА, ф-35, 1938/118.
117. **Гехи**, селение Урус-Мартановский р-н. Городище Гехи 2 у самого устья р. Гехи, на правом берегу р. Сунжи (Грозненский р-н). Открыто в 1949 г. Н. И. Штанько. Среди подъемного материала — обломки керамики скифского времени (стенки сосудов, украшенные налепами и защипами пальцами. Один черепок имел двойной ряд щипкового орнамента). Хранение — ГИМ.
Крупнов Е. И., 1960, с. 161 (№ 46); *Виноградов В. Б., Марковин В. И.*, 1966, с. 113 (№ 623).
118. **Хорочой**, селение, Веденский р-н. Бронзовая птицеобразная бляха, орнаментированная чеканным зооморфным орнаментом. Покупка А. П. Круглова в 1937 г. Датировка — VI—V вв. до н. э. Хранение — ГЭ, инв. № 1807/105.
Артамонова-Полтавцева О. А., 1950.
119. **Старая Сунжа**, селение, Грозненский р-н. Поселение в 5 км северо-восточнее г. Грозного, возле устья небольшого притока р. Сунжи. Открыто М. П. Севостьяновым в 1950 г. Среди подъемного материала — обломки горшков и мисок, орнаментированных налепами с защипами характерными для посуды восточного варианта кобанской культуры скифского времени. Хранение — ГИМ.
Крупнов Е. И., 1960, с. 163 (№ 53); *Виноградов В. Б., Марковин В. И.*, 1966, с. 119 (№ 657).
120. **Старая Сунжа**, селение. Отдельный курган с впускным погребением VI—V вв. до н. э. Раскопки В. Б. Виноградова в 1963 г.
Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 119—120 (№ 659).
121. **Петропавловская**, станица Грозненский р-н. Поселение в 500 м восточнее станицы, на левом берегу р. Сунжи. Открыто в 1950 г. М. П. Севостьяновым. Среди подъемного материала — отдельные обломки сосудов скифского времени. Хранение — ГИМ.
Крупнов Е. И., 1960, с. 163; *Виноградов В. Б., Марковин В. И.*, 1966, с. 121 (№ 670).
122. **Петропавловская**, станица. Городище в 3 км восточнее станицы, на левом берегу р. Сунжи. Открыто в 1949 г. М. П. Севостьяновым и Н. И. Штанько. Среди подъемного материала средневековой эпохи — отдельные фрагменты посуды первой половины I тысячелетия до н. э. Хранение — ГИМ.
Крупнов Е. И., 1960, с. 163; *Виноградов В. Б., Марковин В. И.*, 1966, с. 121—122 (№ 671).
123. **Петропавловская**, станица. Бронзовый браслет кобанского типа из толстого прута, овально-уплощенного в сечении, с несомкнутыми обрубленными концами. Концы и середина лицевой поверхности украшены насечками. Дата — VI—V вв. до н. э. Случайная находка на пашне, на глубине 0,3—0,35 см в 1970 г. вблизи станицы. Хранение — ГИМ, инв. № ОС-8781.
124. **Ильинская**, станица, Грозненский р-н. Городище на юго-западной окраине станицы, на левом берегу р. Сунжи. Открыто М. П. Севостьяновым и Н. И. Штанько в 1948—1949 гг. Среди подъемного материала разных эпох имелись отдельные обломки посуды скифского времени. Хранение — ГИМ, инв. № 6236.
Крупнов Е. И., 1960, с. 163; *Виноградов В. Б., Марковин В. И.*, 1966, с. 122 (№ 672).
125. **Горагорский**, поселок Надтеречный р-н. Бронзовые фибулы и браслеты кобанского типа из случайно обнаруженного в 1957 г. грунтового погребения VII—VI вв. до н. э. Хранение — ГИМ.
Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 124 (№ 686).
126. **Знаменское**, селение, Надтеречный р-н. Одиночный курган с захоронением конца II — начала I тысячелетия до н. э. (бусы, подвески, литые модели кистей рук и пр.). Курган случайно разрушен в 1962 г. Хранение — ГИМ.
Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1966, с. 124 (№ 687); *Виноградов В. Б., Исламов А. А.*, 1965, с. 158—160.
127. **Таузен** (Киров-Аул), селение, Веденский р-н. Поселение в 500 м от селения на дороге к селению Хатуни. Разведки В. Б. Виноградова в 1969 г. Среди подъемного материала — фрагменты баночных сосудов, украшенных щипковым налепным орнаментом. Дата — скифское время. Хранение — ГИМ.
Виноградов В. Б., АО 1969 г. М., 1970, с. 97; Отчет В. Б. Виноградова за 1969 г. — Архив ИА, Р-1, № 4668.
128. **Мескер-Юрт**, селение, Шалинский р-н. Курган в 2 км западнее селения. Разрушен бульдозером в 1966 г. Основное погребение в срубе VI—V вв. до н. э. Инвентарь: обломки железного меча с рукоятью, украшенной изображением орлиного глаза, бронзовый втульчатый трехперый наконечник стрелы, безручный кувшин со щипковым налепным валиком, характерным для посуды кобанской культуры середины I тысячелетия до н. э. Хранение — ГИМ.
Виноградов В. Б., Рунич А. П., 1969, с. 100—101.
129. **Алпатово**, селение, Наурский р-н. Грунтовой могильник, разрушенный в 1967 г. Обнаружены предметы предположительно из 5 погребений (кобанская шейная гривна, обломок браслета, бронзовое колечко, два терочника, набор бус, миска с орнаментом и кружка). Дата — VIII—VII вв. до н. э. Хранение — ГИМ.
Байбик В. Д., Виноградов В. Б., Гантимурова Т. М., Магомедов И. Д., 1969, с. 80—81.
130. **Ассиновская**, станица, Сунжинский р-н. Предметы кобанского типа из случайно разрушенного в 1965 г. грунтового погребения в станице. Среди находок: бронзовые спиралевидные наконечники, выпуклые бронзовые бляшки, обломок серьги, височная подвеска, Дата — VI—V вв. до н. э. Хранение — ГИМ.
Виноградов В. Б., 1968, с. 213.
131. **Самашки**, селение, Ачхой-Мартановский р-н. Одиночное грунтовое погребение. Открыто В. Б. Виноградовым в 1969 г. Погребальный обряд неизвестен. Инвентарь: бронзовый браслет, бронзовая статуэтка всадника, агатовая бусина, обломок каменной литевой формы с изображением очковидной привески, роговая рукоять с циркульным орнаментом. Датировка — V—IV вв. до н. э. (по В. Б. Виноградову). По нашему мнению — первая половина I тысячелетия до н. э. Хранение — ГИМ.
Виноградов В. Б. М., 1970, с. 97, АО 1969 г.; *Виноградов В. Б.*, 1972, с. 364, рис. 48 (3—4, 6—7); Отчет В. Б. Виноградова за 1969 г. — Архив ИА, Р-1, № 4668.
132. **Джалка**, селение, Гудермесский р-н. Грунтовое погребение (могильник 1). Исследовано в 1969 г. В. Б. Виноградовым. Покойники (возможно, три человека) лежали скорченно на боку, головами па юго-восток, юго-запад и восток. Инвентарь: наконечник железного дротика, обломки мисок и кувшинов. Датировка — скифское время. Хранение — ГИМ.

- Отчет В. Б. Виноградова за 1969 г.— Архив ИА, Р-1, № 4668.
133. **Джалка**, селение. Грунтовое погребение (могильник 2). Исследовано В. Б. Виноградовым в 1969 г. Костяк почти разрушен, можно понять, что лежит на боку, скорченно. Инвентарь: лепная посуда, глиняное пряслице, каменное грузило. Датировка — скифское время. Хранение — ГМ.
Виноградов В. Б., 1972, с. 65.
134. **Балан-Су**, селение, Ножай-Юртовский р-н. Могильник из каменных ящиков восточнее селения. Открыт С. Ц. Умаровым. Раскопки В. И. Марковина в 1965 г. и В. Б. Виноградова в 1966 г. Исследовано 15 погребений. Среди основной массы материалов второй половины I тысячелетия до н. э. имеются отдельные предметы кобанского типа VI—V вв. до н. э. (погребение 2 — бронзовый браслет, погребение 3 — костяной втульчатый наконечник стрелы, погребение 6 — очковидная бронзовая привеска, бронзовая пуговица, бронзовые наконечники стрел — «площички», погребение 12 — бронзовые полусферические нашивные бляшки, бронзовые подвески в 1,5 оборота). Хранение — ГМ.
Виноградов В. Б., Марковин В. И., 1969, с. 48—49.
135. **Гендерген**, селение, Ножай-Юртовский р-н. 1) Каменный ящик, случайно разрушенный в 1966 г. на окраине селения. Доследованье В. Б. Виноградова. Среди предметов рубежа н. э. имелись более ранние — V—III вв. до н. э. (кружечка-светильник, каменный клиновидный топор).
2) Три каменных ящика, раскопанных В. Б. Виноградовым в 1969 г. Захоронения скорченные, на боку, головой на юго-запад. Инвентарь: керамика, наконечник железного копья, бронзовая гривна, меловое навершие булавы, бусы. Два захоронения датируются V—IV вв. до н. э. Хранение — ГМ.
Виноградов В. Б., Рунич А. П., 1969, с. 98—99; *Виноградов В. Б.*, АО 1969 г. М., 1970, с. 97; Отчет В. Б. Виноградова за 1969 г.— Архив ИА, Р-1, № 4668.
136. **Эрсеной**, селение, Веденский р-н. Два каменных ящика (могильник II) на западном склоне горы Эрсен-Корт в окрестностях селения. Разведки В. Б. Виноградова в 1968 г. Среди инвентаря — предметы VI—V вв. до н. э. (серповидный нож, известняковая булава, бронзовый браслет с насечками). Хранение — ГМ.
Багаев М. Х., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц., АО 1968 г. М., 1969, с. 87; Отчет В. Б. Виноградова за 1968 г.— Архив ИА, Р-1, № 3757.
137. **Аллерой** селение, Шалинский р-н. Поселение на естественном возвышении юго-восточнее селения. Разведочные раскопки В. Б. Виноградова в 1968 г. В слое шурфа размером 2×2 м обнаружены фрагменты посуды, обманной глиной и гладкостенной. Последние близки керамике кобанской культуры середины I тысячелетия до н. э. Хранение — ГМ.
Отчет В. Б. Виноградова за 1968 г.— Архив ИА, Р-1, № 3757, с. 42.
138. **Аллерой**, селение, Грунтовой могильник 1 из каменных ящиков и грунтовых ям с булыжной обкладкой и наброской на восточной окраине селения, в узкой балке. Раскопки В. Б. Виноградова в 1968—1969 гг. Исследовано 62 погребения. Погребения 2, 4, 5, 9, 14, 20, 24, 43, 50—52 датируются IX—VIII вв. до н. э. Остальные погребения — VI—V вв. до н. э. Среди погребального инвентаря много бронзовых украшений кобанского типа, а также сосудов, характерных для восточного варианта кобанской культуры первой половины I тысячелетия до н. э. В целом могильник имеет ярко выраженные черты смешанности двух культур — кобанской и каякентско-хорочевской. Хранение — ГМ.
Багаев М. Х., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц., АО 1968 г. М., 1969, с. 86—87; *Виноградов В. Б.*, АО 1969 г. М., 1970а, с. 96; Отчет В. Б. Виноградова за 1968 г.— Архив ИА, Р-1, № 3757; Отчет В. Б. Виноградова за 1969 г.— Архив ИА, Р-1, № 4668.
139. **Аллерой**, селение, Шалинский р-н. Грунтовой могиль-
- ник 2 в 300—350 км к западу от селения. Разведки В. Б. Виноградова в 1968 г. Среди подъемного материала скифского времени обломки сосудов кобанского типа (банки, кружки, кувшины, сообщающиеся сосуды). Хранение — ГМ.
Отчет В. Б. Виноградова за 1968 г.— Архив ИА, Р-1, № 3757, с. 43.
140. **Аллерой**, селение, Ножай-Юртовский р-н. Каменные ящики, раскопанные Н. С. Семеновым в 1887 г. Среди разновременных предметов — отдельные вещи кобанского типа (зооморфные подвески).
Архив ЛОИА, АК, 1895/30 и 1889/44.
141. **Гардали**, селение, Ножай-Юртовский р-н. Поселение и могильник на юго-западной окраине селения. Разведки А. П. Круглова в 1938 г. Среди подъемного материала — обломки керамики с налепным орнаментом первой половины I тысячелетия до н. э. и одноручный кувшин. Хранение — ГЭ, ОИПК, инв. № 4—419—430, 351—386. В 1887 г. в районе селения отдельные находки сделаны Н. С. Семеновым. Архив ЛОИА, АК 1895/30.
142. **Червленая**, станица, Шелковский р-н. Предметы из разрушенных курганов VI—V вв. до н. э. Среди них — глиняная статуэтка «скифа». Хранение — ГМ.
Виноградов В. Б., 1966, с. 298—301.
143. **Грозный**, город. Предметы из разрушенного кургана (две бронзовые фибулы, пять стеклянных бусин синего цвета, железное колечко, обломки сероглиняного горшка). Хранение — ГМ, инв. № ОС-1824.
144. **Курен-Беной**, селение, Ножай-Юртовский р-н. Предметы кобанского типа из каменных ящиков, раскопанных Н. С. Семеновым в 1887 г. (дуговидные фибулы, ножные бронзовые браслеты с орнаментом, костяной наконечник стрелы, булавки с лопатообразным навершием, ажурные пряжки, привески в виде оленей и лошадей и т. п.).
Семенов Н. С., 1890.— Архив ЛОИА, АК 1895/30.
145. **Нестеровская**, станица, Сунжинский р-н. Предметы, приобретенные у Ади Арчакова в 1938 г. (три двувальные бронзовые бляшки, украшенные свастикой, выполненной пуансонной техникой; бронзовый браслет; обломки от пяти бронзовых браслетов; два железных браслета; железная фигурная поясная пряжка; железный нож; обломок железного кивжала; три железных наконечника копья; два глиняных пряслица). Хранение — ГИМ, инв. № 79845.
Крупнов Е. И., 1941, с. 175—177.
146. **Нестеровская**, станица. Предметы, приобретенные у А. В. Бражникова в 1938 г. (три бронзовых браслета). Хранение — ГИМ, инв. № 79845.
Крупнов Е. И., 1941, с. 175.
147. **Ахлово** (Нижний Курп), селение, Терский р-н, Кабардино-Балкарская АССР. Могильник близ селения, раскопан в 1898 г. В. И. Долбежеевым. Исследовано одно погребение.
ОАК за 1898 г., с. 156.
148. **Чечено-Ингушетия**. Предметы кобанского типа без точного обозначения местонахождения:
1) два бронзовых колокольчика из Галгаевского общества в Чечне (коллекция А. В. Комарова). Хранение — Гос. музей Грузии (г. Тбилиси); 2) девять бронзовых зооморфных и антропоморфных статуэток из Аргунского ущелья в Чечне. Хранение — Гос. музей Грузии, инв. № 1054, 1057, 1060 (г. Тбилиси); 3) бронзовая фибула из Малой Чечни (коллекция Р. Вирхова). ZfE, 15 Berlin, 1883, S. (331); *Иессен А. А.*, 1935, с. 220 (анализ 41), рис. 31, 5; 4) бронзовый ритон с головой оленя из Аргунского округа в Чечне. *Ипполитов А. П.*, 1868, г.; 5) комплекс, включающий два бронзовых браслета и две булавки с треугольными лопатообразными навершиями (бассейн р. Аксай). Хранение № экспозиция ГМ; 6) два бронзовых браслета, половина пластинчатого браслета, три бронзовые бляшки-чашечки из Ассианского ущелья. *Крупнов Е. И.*, 1941, с. 160; 7) наконечники стрел скифского типа из коллекции Р. Вирхова с обозначением «Чечня, Терек». Virchow R., 1883. S. 89, fig. 32.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ МЕСТОНаХОЖДЕНИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ⁷⁴

- Алды, 34—36
Аллерой, 137—140
Алпатово, 129
Алхаурово, 62
Алхан-Кала, 116
Алхан-Юрт (быв. Айвазовское), 59—60
Алхасте (Краснооктябрьское), 5
Ассияновская, 130
Ахлово, 147
- Балак-Су, 134
Бамут, 6—8
Бачи-Юрт, 81—82
Белгатой, 74
Бердыкель (Комсомольское), 114
Бети-Мохк, 93—95
Братское (быв. Ногай-Мираа-Юрт), 22
- Ведено, 87—90
Верхний Наур, 23
Воздвиженское, 113
- Галайты, 104—105
Гардали, 141
Гельдиген, 78—79
Гендерген, 135
Герменчук, 50
Гехи, 32, 117
Гвардейское (Али-Юрт), 26
Гойты, 61
Горагорский, 125
Горячесточнинская, 71
Грозный, 38—47, 143
Гудермес, 109
- Джалка, 132—133
Джерах, 53
- Дошхакле, 56
Дуба-Юрт, 49
- Ермоловская, 33
- Закан-Юрт (быв. Пригородное), 31
Замни-Юрт, 91—92
Зандак (быв. Дагбаш), 96—97
Знаменское, 126
- Иванова им. городок, 37
Ильинская, 124
Исти-Су, 21
- Кескем и Пседахе 51
Киров-Аул (быв. Таузен), 127
Комсомольское (б. Бердыкель), 114
Кулары, 115
Курен-Беной, 108, 144
Курчалой, 76—77
- Луговое (Мужичи), 3—4
- Майртуп, 80
Малгобек, 52
Мескер-Юрт, 128
Мескеты, 99—101
- Нестеровская, 1—2, 145—146
Новые Атаги, 73
Ножай-Юрт, 102—103
- Орджоникидзеvская (быв. Слепцовская), 28—29
- Петропавловская, 121—123
Правобережное (быв. Аду-Юрт), 25
- Рошни-Чу, 58
- Самашки, 131
Сержень-Юрт, 18—19
Серноводское (быв. Михайловское), 30
Советское (быв. Шатой), 69
Старая Сунжа, 119—120
Старые Атаги, 110—112
- Троицкое, 27, 57
- Урус-Мартан, 10—13
- Хамхи, 54
Хорочой, 118
Хатуни, 85—86
Химой, 68
Хиндой, 72
- Ца-Ведено, 20
Центорой, 83—84
Цеса, 70
- Червленная, 142
Чечено-Ингушетия, 148
Чир-Юрт, 75
Чишки, 48
- Шали, 14—17
Шарой, 63—67
Шеды-Юрт, 24
Шуаны, 9
Шушия, 98
- Эгикал, 55
Эрсеной, 136
- Ялхой-Мохк, 106—107

⁷⁴ Цифры соответствуют цифрам в Указателе и на карте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова М. П.*, 1974. Погребения скифского времени Центрального Предкавказья.— СА, № 2.
- Анучин Д. Н.*, 1884. Отчет о поездке в Дагестан летом 1882 года.— ИРГО, т. XX. СПб.
- Артамонова-Полтавцева О. А.*, 1950. Культура Северо-Восточного Кавказа в скифский период (по материалам экспедиций 1937—1938 гг.).— СА, XIV.
- Багаев М. Х.*, 1968. Население плоскостной Чечено-Ингушетии накануне окончательного переселения вейнахов с гор на плоскость (XIII—XVI вв.).— В кн.: Археолого-этнографический сборник, т. II. Грозный.
- Багаев М. Х., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц.*, 1969. Новые памятники археологии в Чечено-Ингушетии.— АО 1968 г.
- Байбик В. Д., Виноградов В. Б., Гангимулова Т. М., Магомедов И. Д.*, 1969. Заметки о древней культовой керамике из памятников археологии Чечено-Ингушетии.— В кн.: Археолого-этнографический сборник, т. III. Грозный.
- Виноградов В. Б.*, 1962. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный.
- Виноградов В. Б.*, 1963. Глиняный штамп с городища Алхан-Кала.— В кн.: Древности Чечено-Ингушетии. М.
- Виноградов В. Б.*, 1966. Фигурки «скифов» из Чечено-Ингушетии.— СА, № 2.
- Виноградов В. Б.*, 1968. Археологические разведки в Чечено-Ингушетии в 1965 г.— В кн.: Археолого-этнографический сборник, т. II. Грозный.
- Виноградов В. Б.*, 1970. Новые комплексы скифского времени из Чечено-Ингушетии.— СА, № 3.
- Виноградов В. Б.*, 1970а. Раскопки памятников раннего периода железного века в Чечено-Ингушетии.— АО 1969 г.
- Виноградов В. Б.*, 1972. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. Грозный.
- Виноградов В. Б., Исламов А. А.*, 1965. Новые археологические находки в Чечено-Ингушетии.— «Известия Чечено-Ингушского НИИИЯЛ», т. VI, вып. 1. Грозный.
- Виноградов В. Б., Козенкова В. И., Крупнов Е. И., Марковин В. И., Мунчаев Р. М.*, 1968. Северо-Кавказская экспедиция.— АО 1967 г.
- Виноградов В. Б., Марковин В. И.*, 1966. Археологические памятники Чечено-Ингушской АССР.— «Труды Чечено-Ингушского НИИИЯЛ», т. X. Грозный.
- Виноградов В. Б., Марковин В. И.*, 1968. Могильник «Яман-Су» на границе Чечни и Дагестана.— В кн.: Археолого-этнографический сборник, т. II. Грозный.
- Виноградов В. Б., Марковин В. И.*, 1969. Могильники сарматской эпохи у селений Балан-Су и Байтарки (Юго-Восточная Чечня).— В кн.: Археолого-этнографический сборник, т. III. Грозный.
- Виноградов В. Б., Петренко В. А.*, 1971. Раскопки второго Ханкальского городища.— АО 1970 г.
- Виноградов В. Б., Рунин А. П.*, 1969. Новые данные по археологии Северного Кавказа.— Археолого-этнографический сборник, т. III. Грозный.
- Газдапустаи Д.*, 1962. Связи Северного Кавказа с Передней Азией и Центральной Европой в эпоху перехода от бронзы к железу.— Автореф. канд. дисс. Л.
- Головинский П. Д.*, 1878. Чеченцы.— «Сборник сведений о Терской области», вып. 1. Владикавказ.
- Иерусалимская А. А., Козенкова В. И., Крупнов Е. И.*, 1963. Древние поселения у с. Сержень-Юрт.— КСИА, вып. 94.
- Иессен А. А.*, 1935. К вопросу о древнейшей металлургии на Кавказе.— ИГАИМК, вып. 120.
- Иессен А. А.*, 1941. Археологические памятники Кабардино-Балкарии.— МИА, № 3.
- Иессен А. А.*, 1951. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века.— МИА, № 23.
- Ипполитов А. П.*, 1968. Этнографические очерки Аргунского округа.— «Сборник сведений о кавказских горцах», т. I. Тифлис.
- Козенкова В. И.*, 1965. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1963 г.— КСИА, вып. 103.
- Козенкова В. И.*, 1966. Антропоморфные статуэтки из Сержень-Юрта.— КСИА, вып. 108.
- Козенкова В. И.*, 1967. Исследование памятников раннего железного века у сел. Сержень-Юрт.— КСИА, вып. 112.
- Козенкова В. И.*, 1968. Металлообработка у племен эпохи раннего железа на территории Чечено-Ингушетии.— В кн.: Археолого-этнографический сборник, т. II. Грозный.
- Козенкова В. И.*, 1969. Кобанская культура на территории Чечено-Ингушетии. Канд. дисс. М.
- Козенкова В. И.*, 1969а. Раннекобанский могильник у сел. Сержень-Юрт.— СА, № 4.
- Козенкова В. И.*, 1970. О раскопках Сержень-Юртовского могильника (Чечено-Ингушетия).— АО, 1969 г.
- Козенкова В. И.*, 1970а. Погребение военачальника из Сержень-Юртовского могильника.— КСИА, вып. 123.
- Козенкова В. И.*, 1971. Раскопки могильника у сел. Сержень-Юрт.— АО, 1970 г.
- Козенкова В. И.*, 1972. Сержень-Юртовский могильник кобанской культуры.— АО, 1971 г.
- Козенкова В. И.*, 1973. Предметы из Ца-Ведено (Чечено-Ингушетия) середины I тысячелетия до н. э.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности.
- Козенкова В. И.*, 1974. Рец. на работу Виноградова В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время. (Грозный, 1972).— СА, № 2.
- Козенкова В. И., Крупнов Е. И.*, 1964. Исследование Сержень-Юртовского поселения в 1962 г.— КСИА, вып. 98.
- Козенкова В. И., Крупнов Е. И.*, 1966. Древний Сержень-Юртовский поселок в ЧИАССР (по раскопкам 1964 г.).— КСИА, вып. 106.
- Кондаков Н. П.*, 1878. Мелкие древности Кубанской и Терской областей.— «Труды АС», т. I. Киев.
- Котович В. М.*, 1965. Верхне-Гунибское поселение. Махачкала.
- Круглов А. П.*, 1938. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 года.— «Записки Чечено-Ингушского НИИ», т. I. Грозный.
- Круглов А. П.*, 1940. Археологические работы на Северо-Восточном Кавказе (восточная часть Северного Кавказа и Дагестан).— КСИИМК, вып. V.
- Круглов А. П.*, 1946. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетия до н. э.— КСИИМК, вып. XIII.
- Круглов А. П.*, 1958. Северо-Восточный Кавказ во II—I тысячелетия до н. э.— МИА, № 68.
- Крупнов Е. И.*, 1941. Археологические памятники Ассинского ущелья.— ТГИМ, вып. XII.
- Крупнов Е. И.*, 1936. Археологические раскопки в Чечено-Ингушетии летом 1936 года.— «Записки Чечено-Ингушского НИИ», т. I.— СА, № 1.
- Крупнов Е. И.*, 1947. Северо-Кавказская археологическая экспедиция.— КСИИМК, вып. XVII.
- Крупнов Е. И.*, 1947а. Северо-Кавказская археологическая экспедиция.— КСИИМК, вып. XXI.
- Крупнов Е. И.*, 1948. Археологические работы в Грозненской области в 1943 году.— КСИИМК, вып. XX.
- Крупнов Е. И.*, 1948а. Археологические памятники верховьев р. Терек и бассейна р. Сунжи.— ТГИМ, вып. XVII.

- Крупнов Е. И.*, 1949. К вопросу о поселениях скифского времени на Северном Кавказе.— КСИИМК, вып. XXIV.
- Крупнов Е. И.*, 1949а. Археологические работы на Северном Кавказе.— КСИИМК, вып. XXVII.
- Крупнов Е. И.*, 1950. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области.— КСИИМК, вып. XXXII.
- Крупнов Е. И.*, 1954. Прикаспийская археологическая экспедиция 1952 г.— КСИИМК, вып. 55.
- Крупнов Е. И.*, 1956. К изучению древних культур Северо-Восточного Кавказа.— «Известия Грозненского областного краеведческого музея», вып. 7—8. Грозный.
- Крупнов Е. И.*, 1957. О происхождении и датировке кобанской культуры.— СА, № 1.
- Крупнов Е. И.*, 1957а. Первые итоги археологического изучения Восточного Предкавказья.— СА, № 2.
- Крупнов Е. И.*, 1957б. Древняя история и культура Кабарды. М.
- Крупнов Е. И.*, 1958. Новые данные по археологии Северного Кавказа.— СА, № 3.
- Крупнов Е. И.*, 1958а. Киммерийцы на Северном Кавказе.— МИА, № 68.
- Крупнов Е. И.*, 1960. Древняя история Северного Кавказа. М.
- Крупнов Е. И.*, 1961. О чем говорят памятники материальной культуры Чечено-Ингушской АССР. Грозный.
- Крупнов Е. И.*, 1964. Древнейшая культура Кавказа и кавказская этническая общность.— СА, № 1.
- Крупнов Е. И.*, 1965. Ранний железный век Северного Кавказа.— «Ученые записки Дагестанского ИИЯЛ. Даг. ФАН СССР», т. XIV. Махачкала.
- Крупнов Е. И.*, 1965а. Новые «пинтадеры» из сел. Сержень-Юрт (Чечено-Ингушетия).— МИА, № 130.
- Крупнов Е. И.*, 1966. Новое в изучении древней истории Северного Кавказа. АО, 1965 г.
- Крупнов Е. И.*, 1969. Новые «пинтадеры» из Чечено-Ингушетии.— В кн.: Древности Восточной Европы. М.
- Крупнов Е. И.*, 1969а. Об уточненной датировке и периодизации кобанской культуры.— СА, № 1.
- Крупнов Е. И.*, 1969б. Десять лет деятельности Северо-Кавказской археологической экспедиции в Чечено-Ингушской АССР.— В кн.: Археолого-этнографический сборник, т. III. Грозный.
- Крупнов Е. И., Марковин В. И., Козенкова В. И., Мунчаев Р. М., Виноградов В. Б.* 1967. Северо-Кавказская экспедиция.— АО 1966 г.
- Латышев В. В.*, 1893. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, т. I, вып. 1—3. СПб.
- Магомедов А. Р.*, 1972. Бамутское поселение — новый памятник кобанской культуры.— СА, № 2.
- Магомедов А. Р.*, 1973. Культура Северо-Восточного Кавказа в эпоху поздней бронзы. Автореф. канд. дисс. М.
- Марковин В. И.*, 1960. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) — МИА, № 93.
- Марковин В. И.*, 1963. Новый памятник эпохи бронзы в горной Чечне. В кн.: Древности Чечено-Ингушетии. М.
- Марковин В. И.*, 1963а. Археологические разведки в восточных районах Чечни.— КСИА, вып. 93.
- Марковин В. И.*, 1964. Новые материалы по археологии Северной Осетии и Чечни.— КСИА, вып. 98.
- Марковин В. И.*, 1965. Скифские курганы у сел. Гойты (Чечня).— СА, № 2.
- Марковин В. И.*, 1966. Материалы по археологии горной части Восточной Чечни.— «Известия Чечено-Ингушского НИИЯЛ», т. VII, вып. 1 Археолого-этнографический сборник. Грозный.
- Марковин В. И.*, 1969. Дагестан и горная Чечня в древности. Каякентско-хорочевская культура. М.
- Марковин В. И., Мунчаев Р. М.*, 1964. Каменные изваяния с территории Чечено-Ингушетии.— СА, № 1.
- Марковин В. И., Мунчаев Р. М.*, 1965. Археология Чечено-Ингушетии в свете новейших исследований.— КСИА, вып. 100.
- Мерперт Н. Я.*, 1962. Раскопки Сержень-Юртовского поселения в 1960 г.— КСИА, вып. 88.
- Миллер В. Ф.*, 1888. Терская область. Археологические экскурсии.— МАК, вып. 1. М.
- Минаева Т. М.*, 1958. Археологические разведки в долине р. Сунжи.— «Сборник трудов историко-филологического факультета пединститута», вып. 13. Ставрополь.
- Мунчаев Р. М.*, 1961. Археологические раскопки в Ассинском ущелье в 1956 г.— «Известия Чечено-Ингушского республиканского краеведческого музея», вып. 10. Грозный.
- Мунчаев Р. М.*, 1961а. Новые данные по археологии Чечено-Ингушетии.— КСИА, вып. 84.
- Мунчаев Р. М.*, 1962. Памятник майкопской культуры в Чечено-Ингушетии.— СА № 3.
- Мунчаев Р. М.* 1963. Луговой могильник.— В кн.: Древности Чечено-Ингушетии. М.
- Мунчаев Р. М.*, 1968. Раскопки Бамутских курганов в 1965 г.— В кн.: Археолого-этнографический сборник, т. II, Грозный.
- Петренко В. Г.*, 1967. Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н.э.—САИ, вып. Д-1-4. М.
- Пикуль М. И.*, 1961. Дагбашский могильник.— «Ученые записки Дагестанского ИИЯЛ. Даг. фил. АН СССР», т. IX. Махачкала.
- Пикуль М. И.*, 1967. Эпохи раннего железа в Дагестане. Махачкала.
- Пиотровский Б. Б., Иессен А. А.*, 1940. Моздонский могильник.— «Археологические экспедиции Эрмитажа, вып. 1. Л.
- Семенов Л. П.*, 1928. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1927 гг.— «Известия Ингушского НИИ краеведения». Владикавказ.
- Спицын А. А.*, 1902. Медная оправа кинжала из Терской области.— ИАК, вып. 4.
- Трубникова Н. В.*, 1950. Керамика Нестеровского поселения.— «Известия Грозненского областного института и музея краеведения», вып. 2—3. Грозный.
- Уварова П. С.*, 1894. Могильники и курганы Кавказа. Древности.— «Труды МАО», т. XV, вып. 1. М.
- Уварова П. С.*, 1900. Могильники Северного Кавказа.— МАК, вып. VIII. М.
- Уварова П. С.*, 1902. Museum Caucasicum, т. V. Тифлис.
- Филимонов Г. Д.*, 1878. Отчет о поездке на Кавказ. Антропологическая выставка ИОЛЕАЭ. Заседания комитета по устройству выставки. Протокол № 11 от 19 сентября 1877 г., т. I. М.
- Формозов А. А.*, 1965. Каменный век и энеолит Прикубанья. М.
- Ханыков Н., Савельев П.*, 1856. Древности, найденные на Кавказе.— ИАО, т. IX, вып. 1. СПб.
- Чеченов И. М.*, 1969. Древности Кабардино-Балкарии (материалы к археологической карте). Нальчик.
- Шарафутдинова Э. С.*, 1967. Раскопки на Кобяковском поселении эпохи поздней бронзы в 1962 г.— КСИА, вып. 112.
- Шарафутдинова Э. С.*, 1971. Кобяковская культура эпохи поздней бронзы на Нижнем Дону. Автореф. канд. дисс. Л. ИРАО, т. X. М., 1884. Протокол 29/X 1882 г. (о работах В. И. Долбежева в Чечне в 1882 г.).
- ОАК за 1890 г.
- ОАК за 1895 г.
- ОАК за 1898 г.
- ОАК за 1900 г.
- ОАК за 1901 г.
- ОАК за 1902 г.
- Указатель памятников Императорского русского исторического музея. М., 1893 г.
- Zeitschrift für Ethnologie, 1883, t. XV. Berlin.
- Zeitschrift für Ethnologie, 1887, t. XIX. Berlin (о работах В. И. Долбежева в Чечне в 1882 и 1886 гг.).
- R. Virchow, 1883. Das Gräberfeld von Koban im Lande der Osseten. Berlin. Рукописные материалы.
- Архив ЛОИА. Дела Археологической комиссии 1887/68.
- Архив ЛОИА. Дела Археологической комиссии 1888/64. О раскопках председателя графа А. А. Бобринского.
- Архив ЛОИА, ф. 1, 1889, № 44. Я. И. Смирнов. Отчет о поездке по Крыму и Кавказу летом 1889 г.
- Архив ЛОИА. Дела Археологической комиссии 1895/30. Семенов Н. 1895. Заметки о древних могильниках Ичкерии и найденных в них предметах.
- Архив ЛОИА, ф. 1. Дела АК 1900/54. О разрешении производства раскопок Терскому статистическому комитету. Отчет секретаря комитета Г. А. Вертепова; Дела АК 1901/137. Отчет Г. А. Вертепова о раскопках 1901 г.
- Архив ЛОИА, ф. 1. Дела АК 1912/17 (о коллекции Н. В. Орла).
- Архив ЛОИА, ф. 1. Дела Археологической комиссии 1913/236.
- Панкратов Ф. С.*, 1913. Курганы в Алхан-Чуртовской долине около станции Карабулак.
- Архив ЛОИА, ф. 35, 1938/41. Отчет М. И. Артамонова и А. П. Круглова о работах на Северо-Восточном Кавказе.
- Архив ЛОИА, ф. 35, 1938/118. Материалы о работах в Чечено-Ингушетии в 1938 г. (исследования Г. В. Подгаецкого).
- Архив ЛОИА, ф. 45, д. № 140. Рукописный архив А. П. Круглова.
- Архив ЛОИА. Рукописный архив А. А. Иессена. Папка «Чечено-Ингушетия».
- Архив ИА. Р-2, № 2035. *Козенкова В. И.* Кобанская культура на территории Чечено-Ингушетии. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1969.

- Архив ИА. Отчет Северо-Кавказской археологической экспедиции за 1957 г. Р-1, № 1633—1634.
- Архив ИА. Отчет Северо-Кавказской археологической экспедиции за 1958 г. Р-1, № 1818.
- Архив ИА. Отчет Северо-Кавказской археологической экспедиции за 1959 г. Р-1, № 1994.
- Архив ИА. Отчет Северо-Кавказской археологической экспедиции за 1960 г. Р-1, № 2183—2183б.
- Архив ИА. Отчет Северо-Кавказской археологической экспедиции за 1961 г. Р-1, № 2320.
- Архив ИА. Отчет Северо-Кавказской археологической экспедиции за 1962 г. Р-1, № 2459.
- Архив ИА. Отчет Северо-Кавказской археологической экспедиции за 1963 г. Р-1, № 2673.
- Архив ИА. Отчет Северо-Кавказской археологической экспедиции за 1964 г. Р-1, № 2951.
- Архив ИА. Отчет Северо-Кавказской археологической экспедиции за 1965 г. Р-1, № 3122.
- Архив ИА. Отчет Северо-Кавказской археологической экспедиции за 1966 г. Р-1, № 3293.
- Архив ИА. Отчет Северо-Кавказской археологической экспедиции за 1967 г. Р-1, № 3450.
- Архив ИА. Отчет Северо-Кавказской археологической экспедиции за 1968 г. Р-1, № 3757.
- Архив ИА. Отчет 1-го Отряда археологической экспедиции ЧИНИИ за 1969 г. Р-1, № 4668.
- Архив ИА. Отчет о работе Чечено-Ингушского отряда в 1969 г. Р-1, № 3997.
- Архив ИА. Отчет о раскопках могильника близ сел. Сержень-Юрт в 1969 г. Р-1, № 4270.
- Архив ИА. Отчет о полевых работах 1-го Отряда археологической экспедиции ЧИНИИ в 1970 г. Р-1, № 4535.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АК	— Археологическая комиссия	КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
АО	— Археологические открытия	ЛСИА	— Ленинградское отделение Института археологии
АС	— Археологический съезд	МАК	— Материалы по археологии Кавказа
ГИМ	— Государственный исторический музей	МАО	— Московское археологическое общество
ГМ	— Грозненский музей	МИА	— Материалы по археологии СССР
ГЭ	— Государственный Эрмитаж	НИИЯЛ	— Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ЗИАО	— Записки императорского археологического общества	ОАК	— Отчеты Археологической комиссии
ИА	— Институт археологии	ОИПК	— Отдел истории первобытной культуры
ИАК	— Известия Археологической комиссии	СА	— Советская археология
ИАО	— Императорское археологическое общество	САИ	— Свод археологических источников
ИГАИМК	— Известия Государственной Академии истории материальной культуры	СКАЭ	— Северо-Кавказская археологическая экспедиция
ИИЯЛ	— Институт истории, языка, литературы	СПб	— Санкт-Петербург
ИОЛЕАЭ	— Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии	ТГИМ	— Труды Государственного исторического музея
ИРАО	— Известия российского археологического общества	ЧИНИИ	— Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт
ИРГО	— Известия русского Географического общества	ZE	— Zeitschrift für Ethnologie
КСИА	— Краткие сообщения Института археологии		

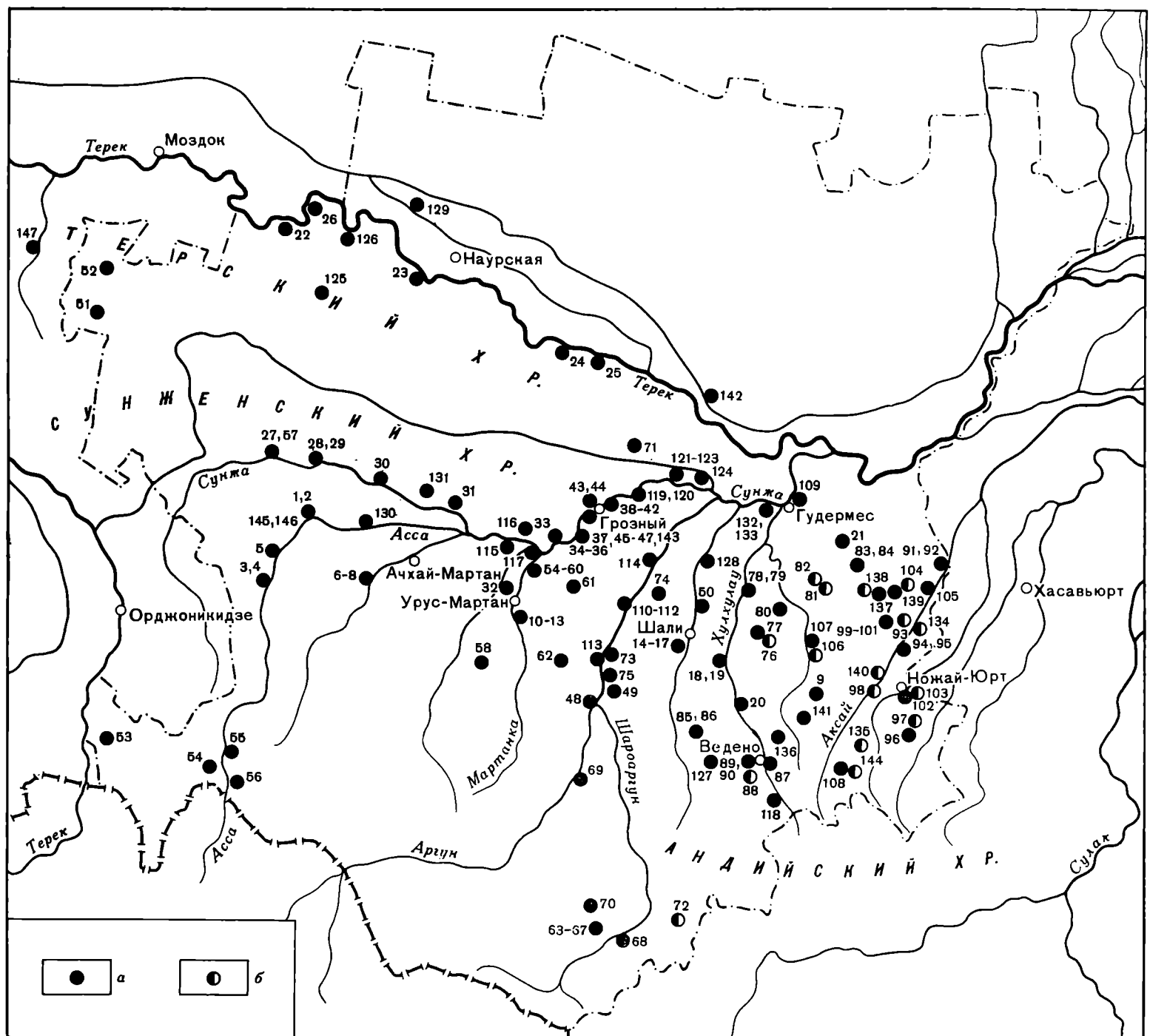

Рис. 1. Карта памятников восточного варианта кобанской культуры:

а — кобанские; б — смешанные

Таблица I. Схематические планы поселений:

1 — станция Нестеровская (А — поселение; Б — могильник); 2 — селение Алхасте (Мужичи) (А — раскоп на поселении); 3 — селение Сержень-Юрт (А — холм 1; Б — холм 2; 1 — раскоп 1959 г.; 2 — 1960 г.; 3 — 1961 г.; 4 — граница пласта; 5 — 1962 г.; 6 — 1963 г.; 7 — 1964 г.; 8 — 1965 г.; 9 — 1966 г.)

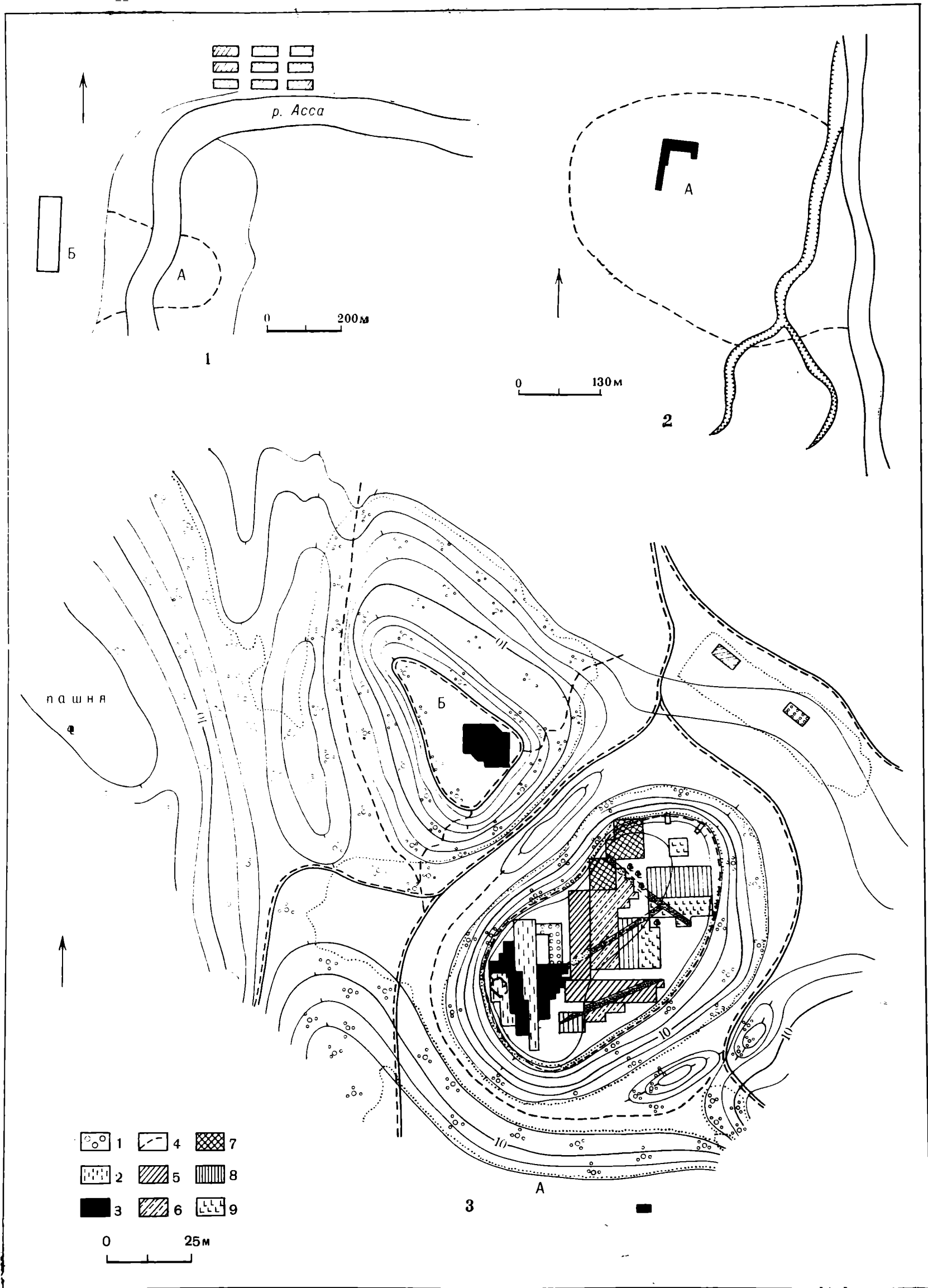
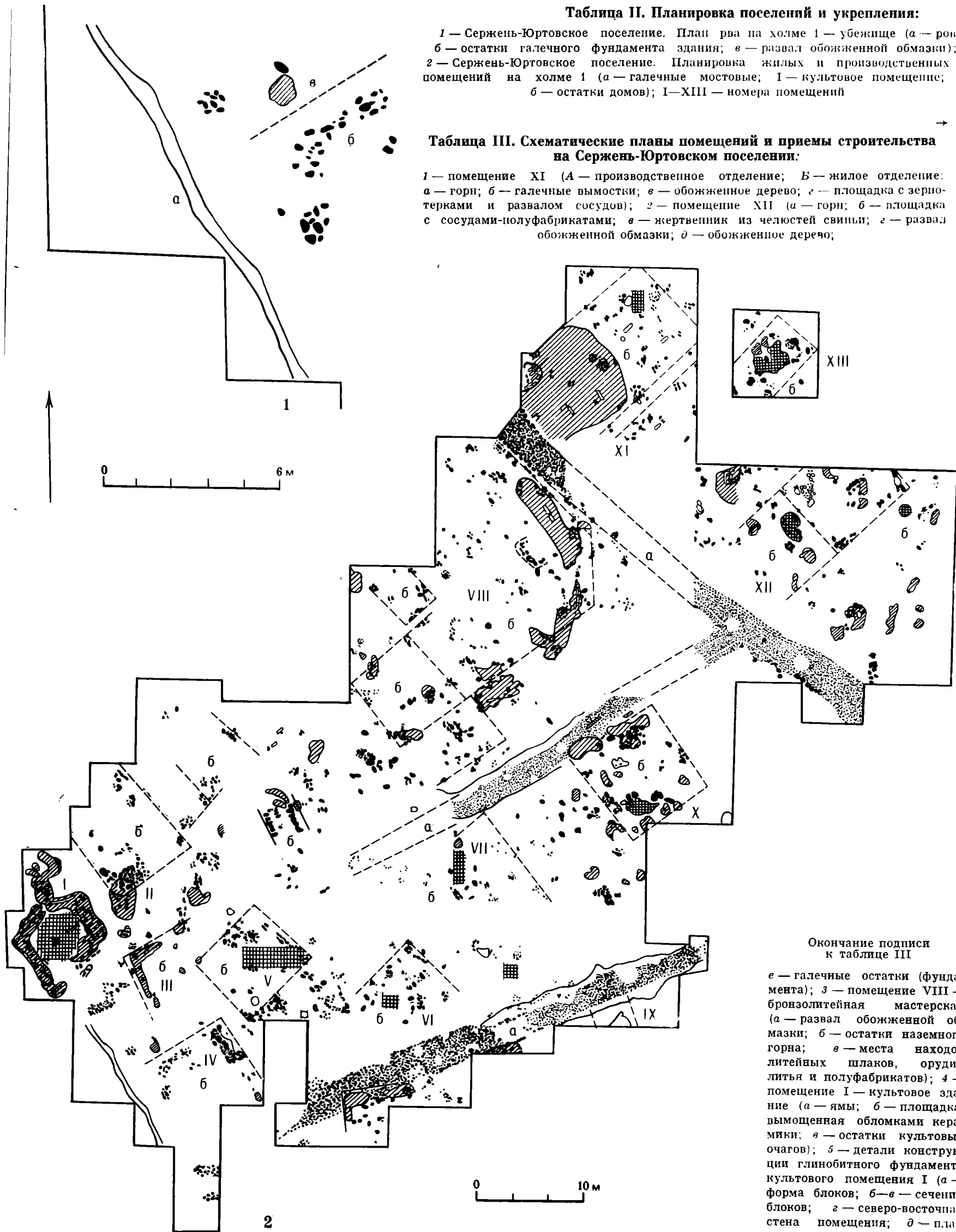

Таблица II. Планировка поселений и укрепления:

1 — Сержень-Юртовское поселение. План рва на холме 1 — убежище (а — ров; б — остатки галечного фундамента здания; в — развал обожженной обмазки);
 2 — Сержень-Юртовское поселение. Планировка жилых и производственных помещений на холме 1 (а — галечные мостовые; I — культовое помещение; б — остатки домов); I—XIII — номера помещений

Таблица III. Схематические планы помещений и приемы строительства на Сержень-Юртовском поселении:

1 — помещение XI (А — производственное отделение; Б — жилое отделение; а — горн; б — галечные вымостки; в — обожженное дерево; г — площадка с зернотерками и развалом сосудов); 2 — помещение XII (а — горн; б — площадка с сосудами-полуфабрикатами; в — жертвенник из челюстей свиньи; г — развал обожженной обмазки; д — обожженное дерево);

Окончание подписи к таблице III

е — галечные остатки (фундамента); 3 — помещение VIII — бронзолитейная мастерская (а — развал обожженной обмазки; б — остатки наземного горна; в — места находок литейных шлаков, орудий литья и полуфабрикатов); 4 — помещение I — культовое здание (а — ямы; б — площадка, вымощенная обломками керамики; в — остатки культовых очагов); 5 — детали конструкции глинобитного фундамента культового помещения I (а — форма блоков; б — в — сечения блоков; г — северо-восточная стена помещения; д — план углового очага; е — аксонометрия части фундамента)

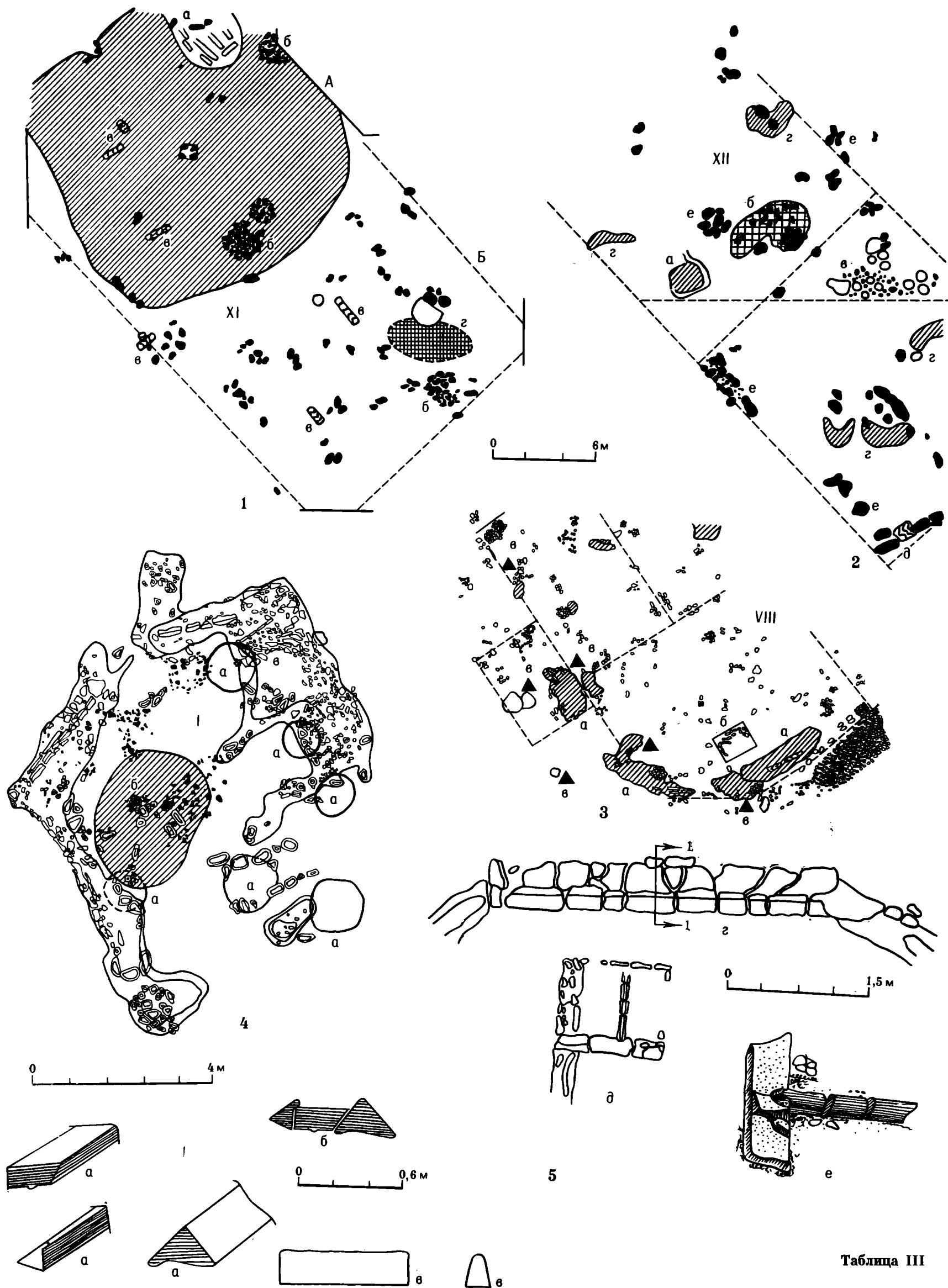

Таблица III

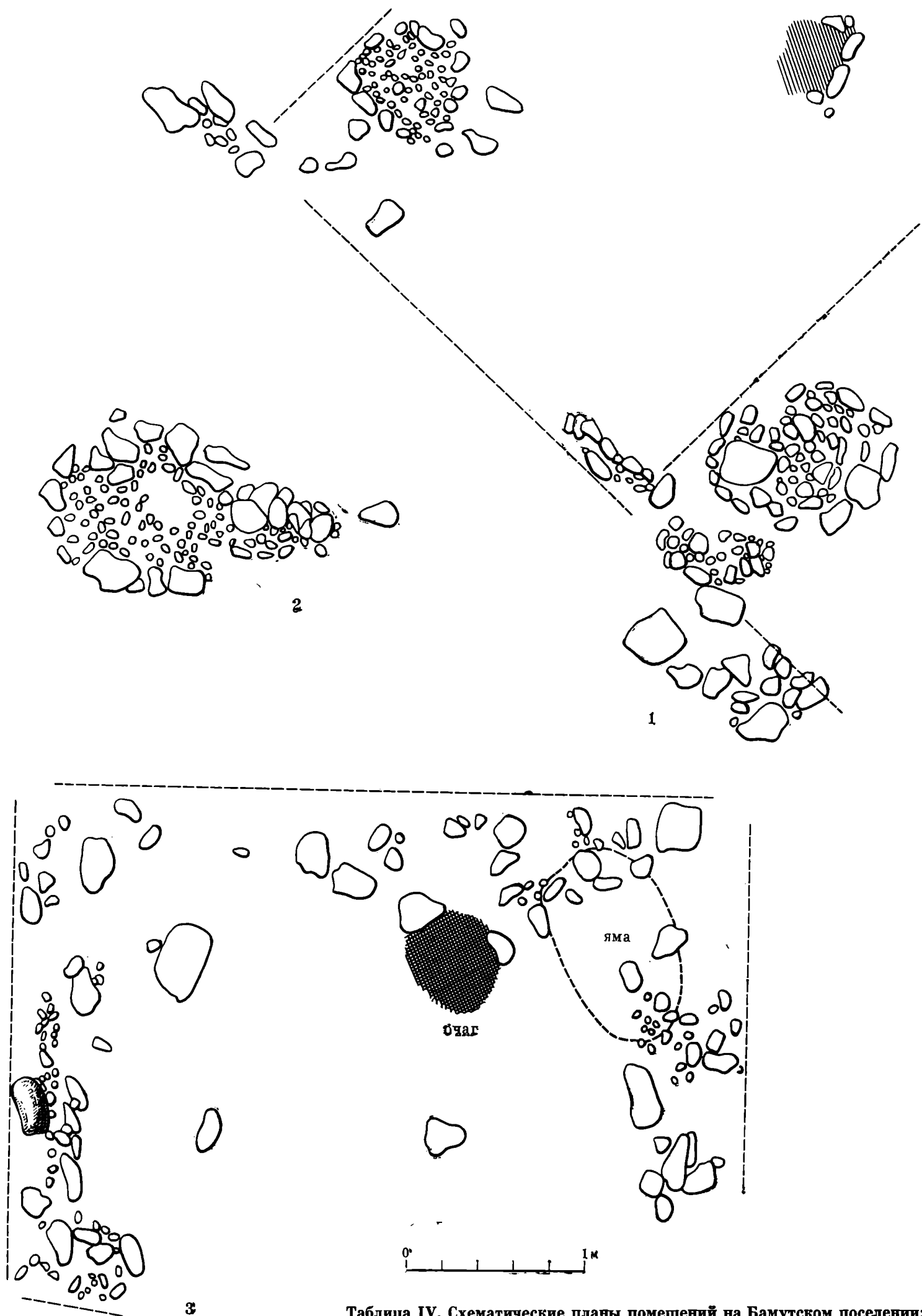

Таблица IV. Схематические планы помещений на Бамутском поселении:

1 — остатки каменных фундаментов стен двух смежных помещений; 2 — галечная вымостка для углового опорного столба помещения; 3 — остатки помещения с очагом и хозяйственной ямой

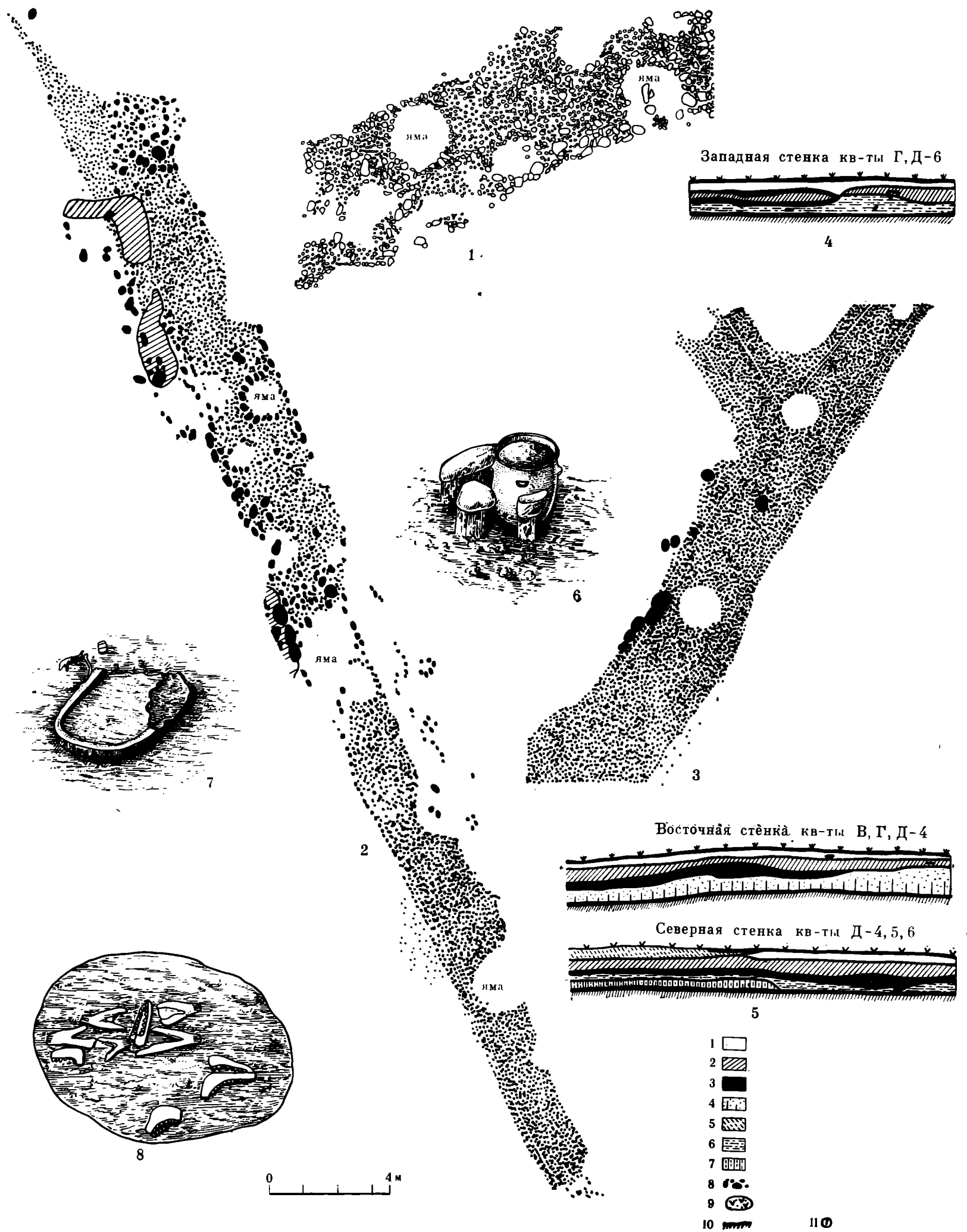

Таблица V. Сержень-Юртовское поселение:

1—3 — мостовые из гальки на холме 1; 4—5 — культурный слой в раскопе 1960 г. (1 — слой дерна; 2 — слой с включением обмазки и камней; 3 — слой с обильным остатком); 5 — черный перегной; 6 — глина коричневая; 7 —

золистый слой; 8 — камни; 9 — обмазка; 10 — материк); 6 — очаг из камней и сосуд; 7 — глинобитный жертвенник с бортиками; 8 — жертвенник в виде глинобитной площадки с челюстями свиньи на ней

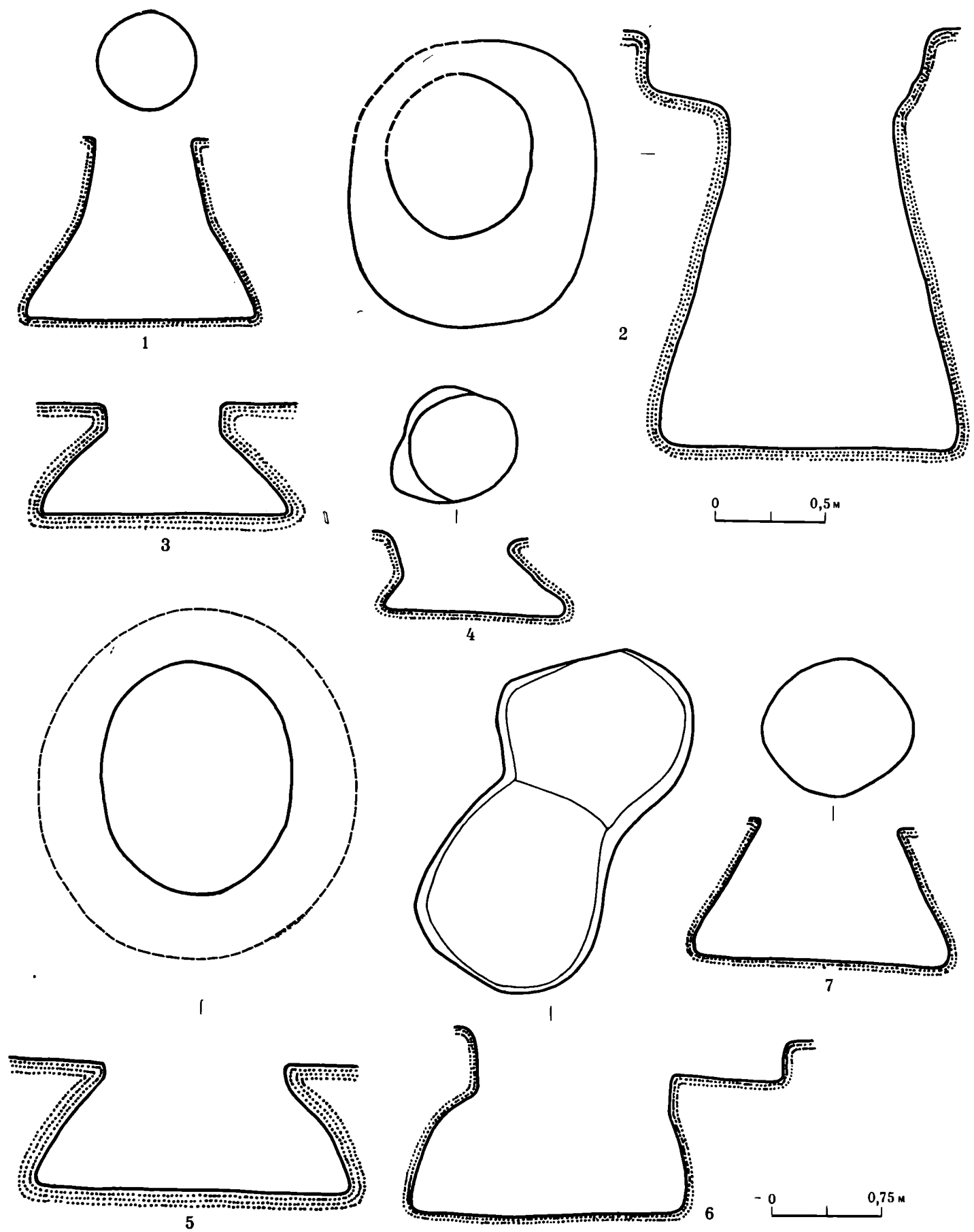

Таблица VI. Типы хозяйственных ям Сержень-Юртовского поселения:

1 — яма 17 (раскоп 5, 1965 г.); 2 — яма 5 (раскоп 3, 1965 г.); 3 — яма 7 (раскоп 6, 1966 г.);
 4 — яма 8 (раскоп 5, 1965 г.); 5 — яма 3 (раскоп 6, 1966 г.); 6 — яма 15 (раскоп 5, 1965 г.);
 7 — яма 5 (раскоп 5, 1965 г.)

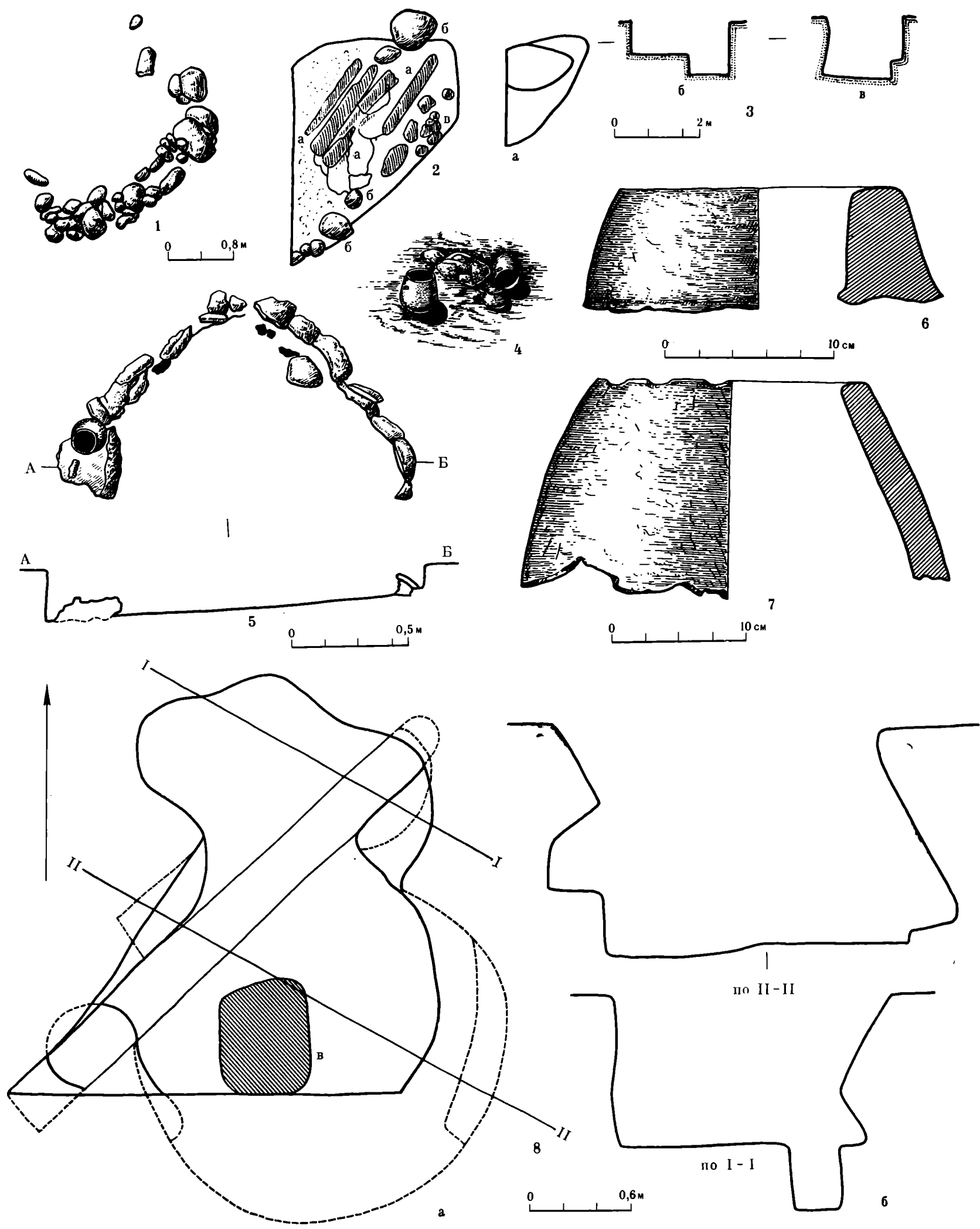

Таблица VII

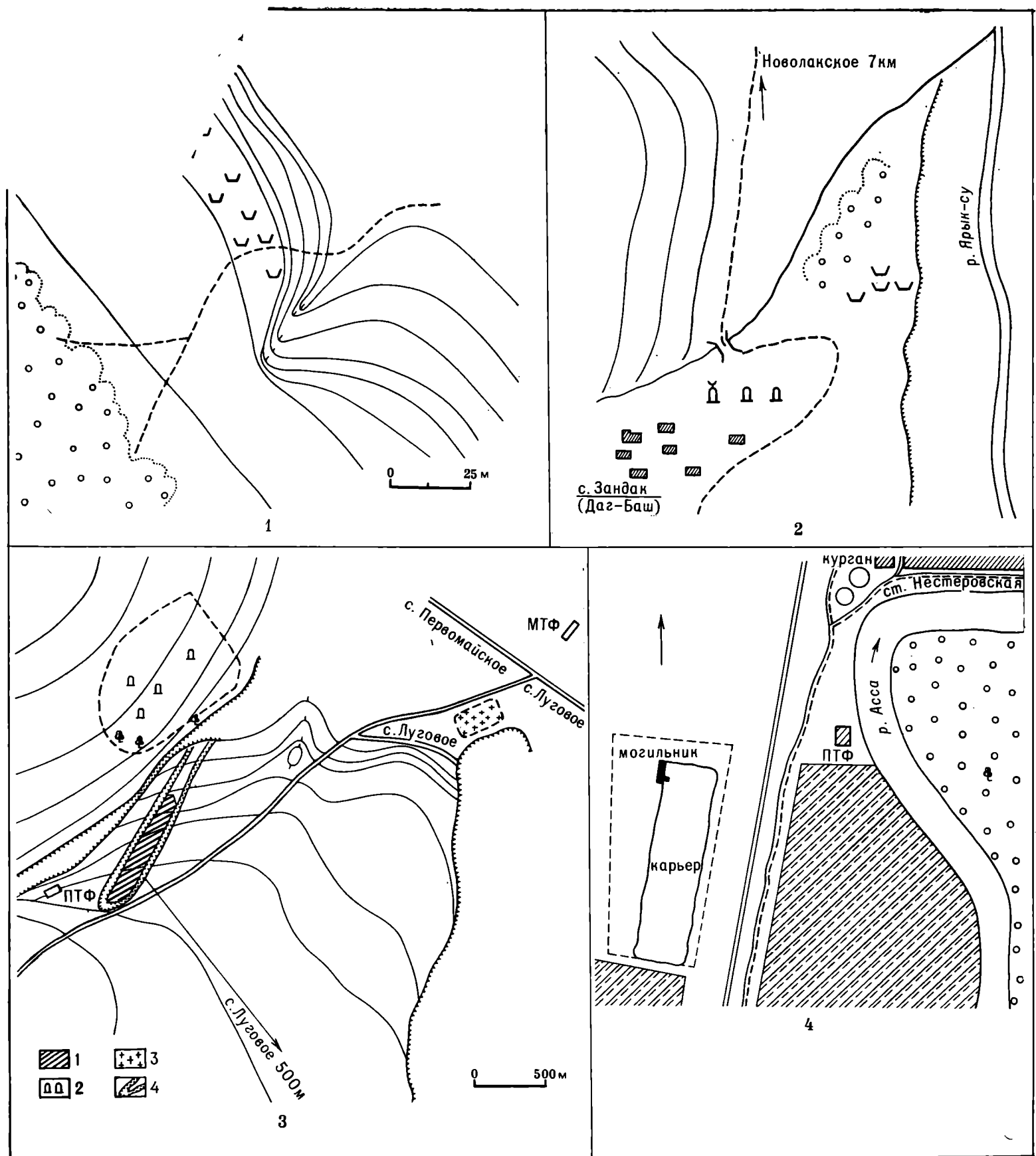

Таблица VIII. Топография могильников:

1 — Сержень-Юртовский; 2 — Зандакский (Дагбашский); 3 — Луговой (Мужичи);
4 — Нестеровский

Таблица VII. Сооружения производственного характера Сержень-Юртовского поселения:

1 — остатки медеплавильной печи (раскоп 5, 1963 г.); 2 — горн для обжига посуды в раскопе 5, 1963 г. (а — глинобитный под; б — камни; в — керамика); 3 — план (а) и разрезы (б, в) горна из раскопа 5; 4 — развал сосудов около гончарного горна в раскопе; 5 — план гончарного горна (раскоп 6, 1965 г.); 6—7 — обломки керамических горнов (бронзолитейная мастерская); 8 — план (а) и разрезы (б) медеплавильной печи (раскоп 3, 1962 г.) и слой пережженного пепла на дне горна (в)

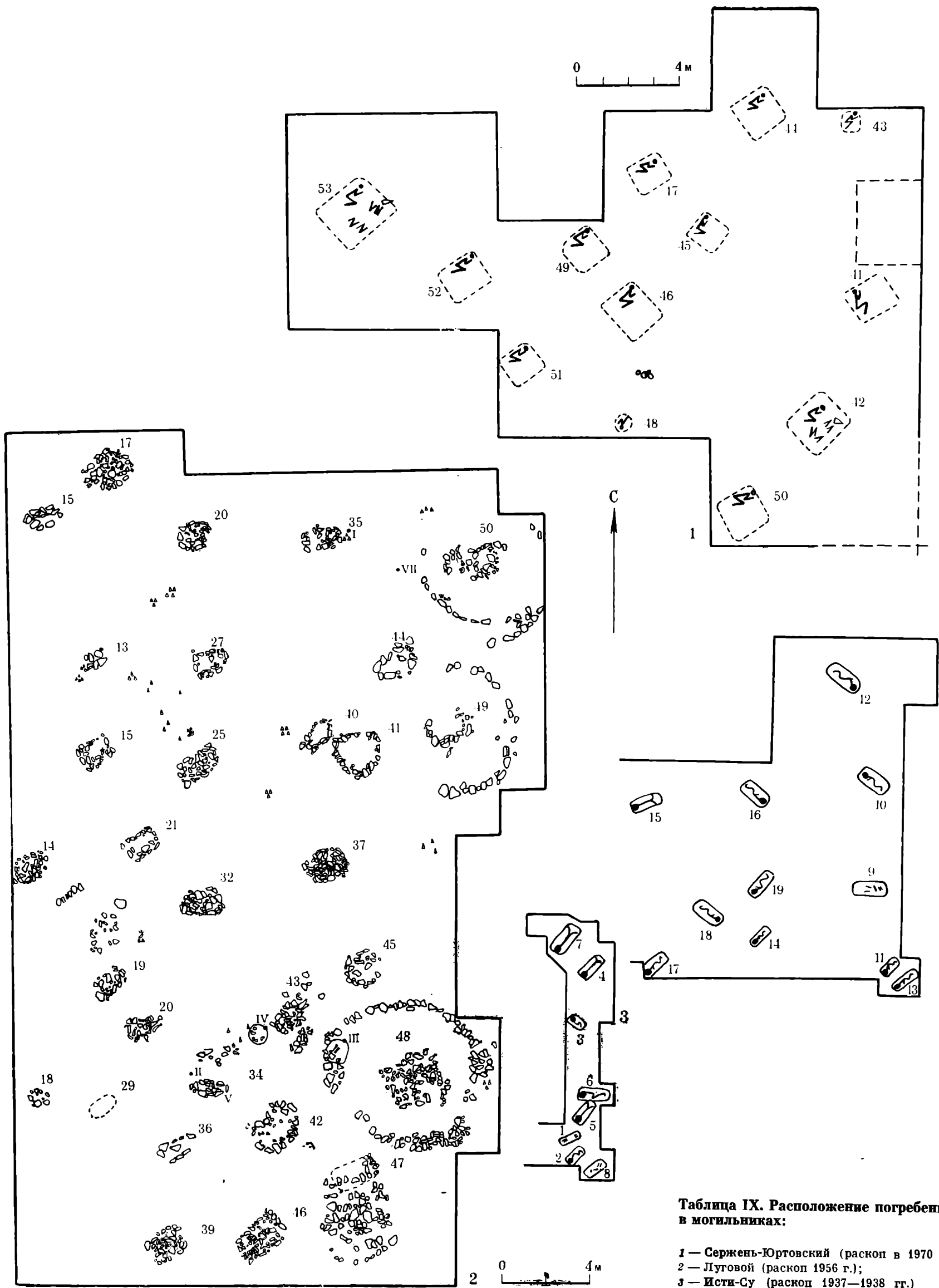

Таблица IX. Расположение погребений в могильниках:

- 1 — Сержень-Юрговский (раскоп в 1970 г.)
- 2 — Луговой (раскоп 1956 г.);
- 3 — Исти-Су (раскоп 1937—1938 гг.)

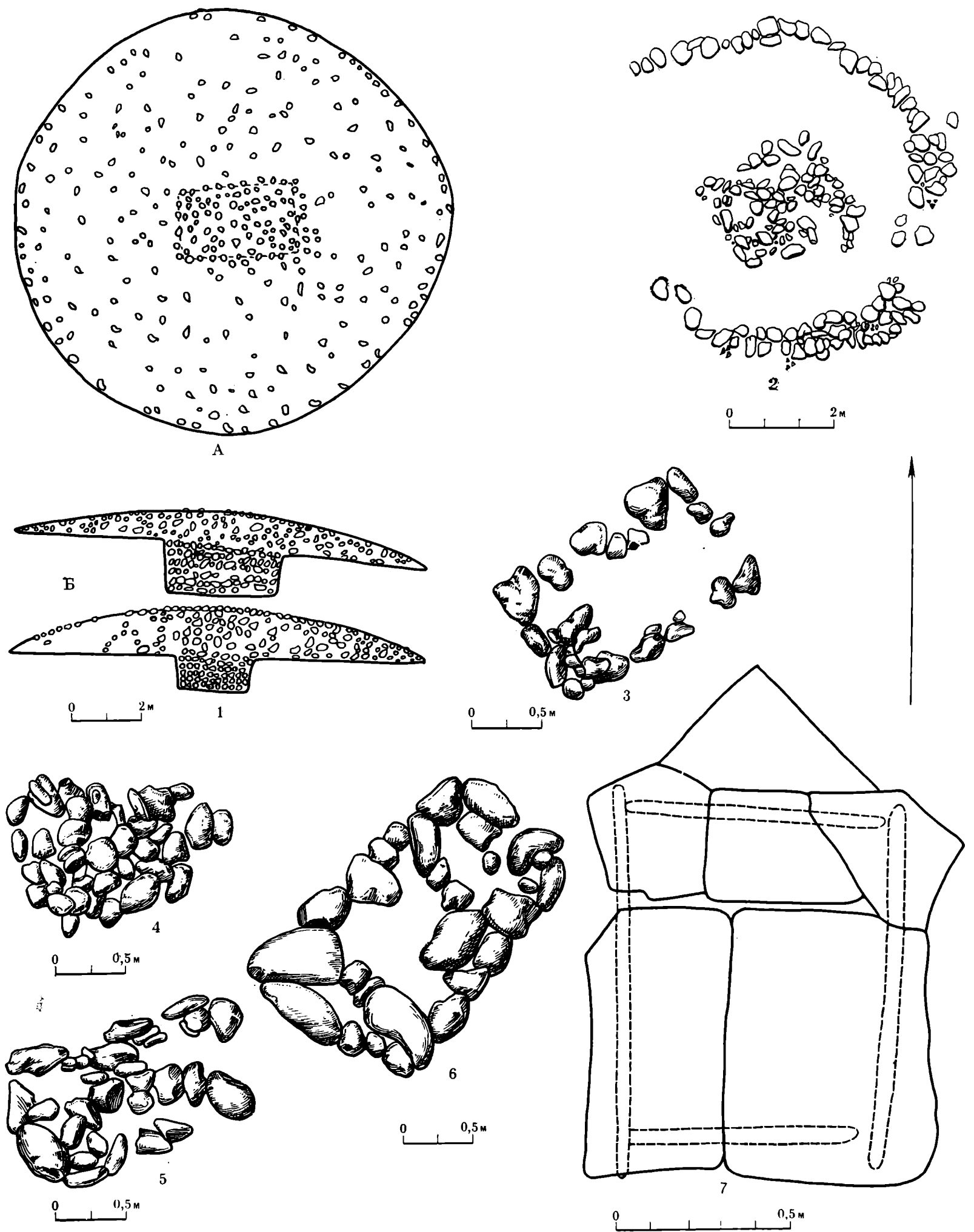

Таблица X. Надмогильные сооружения:

1 — курган (А — план; Б — разрез по линии север-юг и запад-восток), Луговой могильник, погребение 148; 2 — выкладка с кромlexом, Луговой могильник, погребение 112; 3 — выкладка, Луговой могильник, погребение 66; 4 — выкладка, Луговой могильник, погребение 30; 5 — выкладка, Луговой могильник, погребение 29; 6 — выкладка, Нестеровский могильник, погребение 27; 7 — каменные плиты, Зандакский могильник, погребение 51

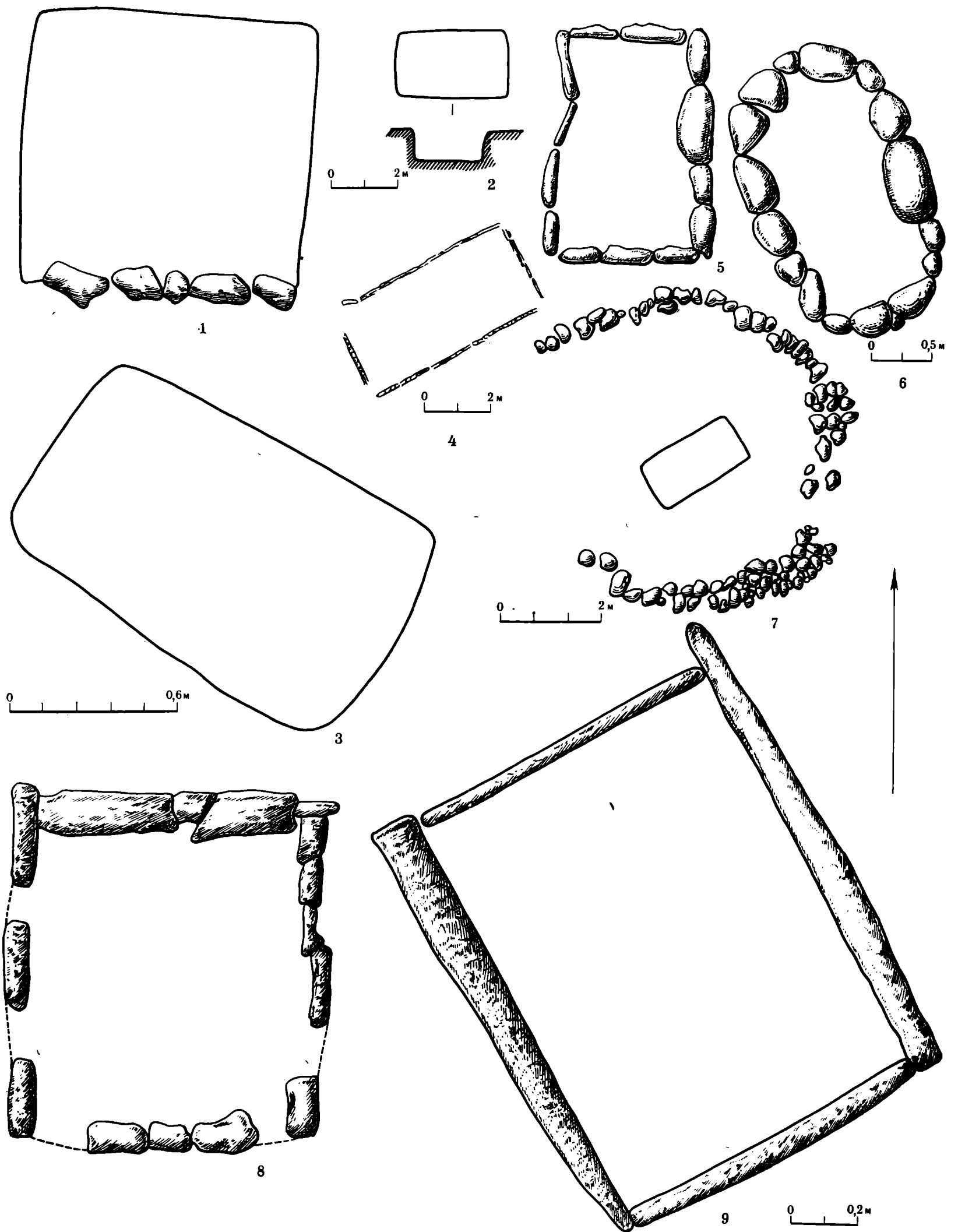

Таблица XI. Типы могил:

1—3 — простая грунтовая яма (Аллероевский могильник, погребение 7; Луговой могильник, погребение 148; могильник Исти-Су, погребение 12); 4 — грунтовая яма с деревянной обкладкой (Луговой могильник, погребение 58); 5—6 — грунтовая яма с обкладкой булыжников (Аллероевский могильник, погребение 31; Нестеровский могильник, погребение 28); 7 — грунтовая яма с кромлехом (Луговой могильник, погребение 112); 8—9 — каменные ящики (Аллероевский могильник, погребение 10; Зандакский могильник, погребение 38)

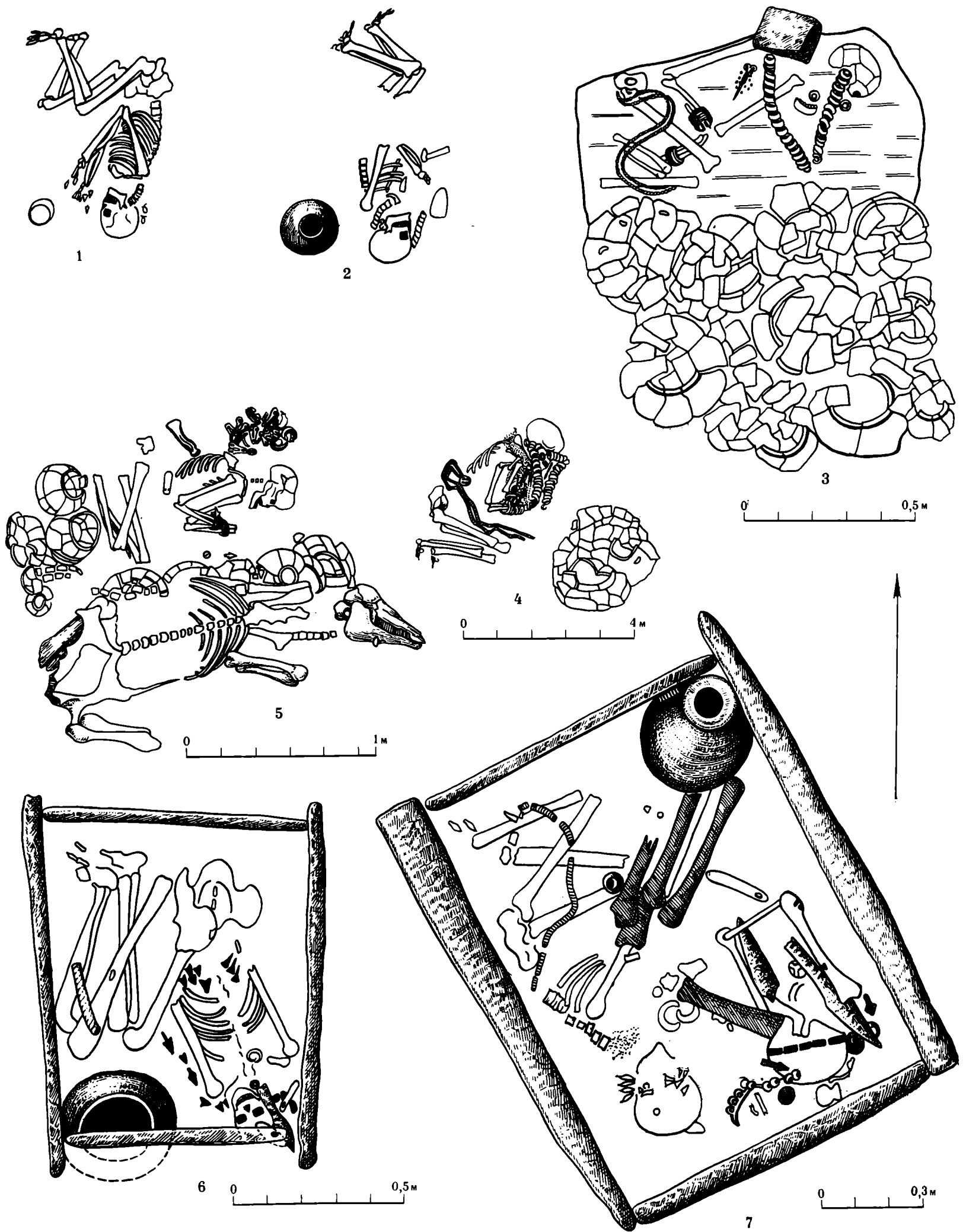

Таблица XII. Погребальный обряд первого этапа (X—VII вв. до н. э.):
 1 — Аллероевский 1 могильник, погребение 21; 2 — Аллероевский 1 могильник, погребение 24; 3 — Сержень-Юртовский могильник, погребение 14; 4 — Сержень-Юртовский могильник, погребение 49; 5 — Сержень-Юртовский могильник, погребение 38; 6 — Зандакский могильник, погребение 51; 7 — Зандакский могильник, погребение 38

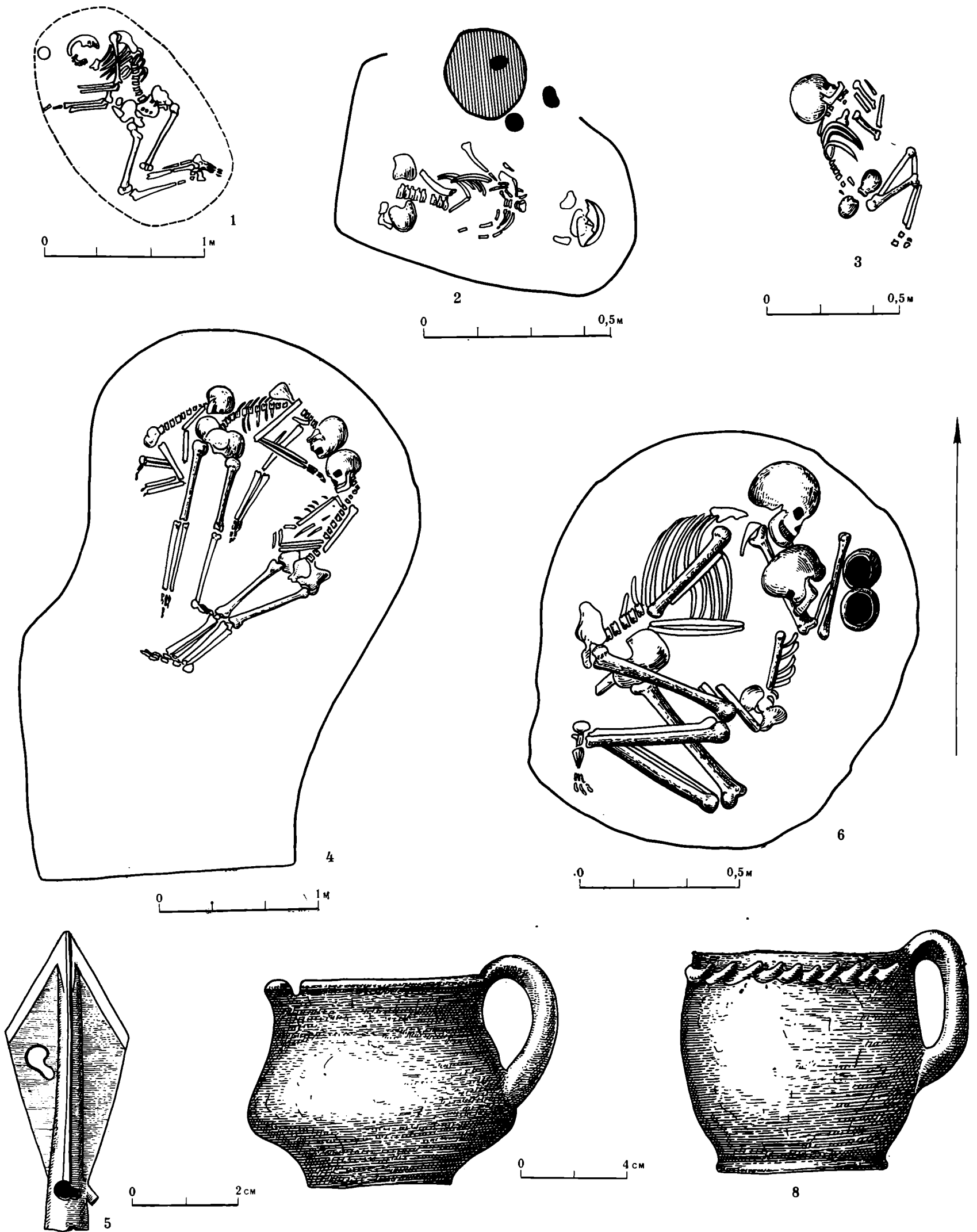

Таблица XIII. Погребения в слое Сержень-Юртовского поселения:

1 — погребение 1, кв. А-12 (1960 г.); 2 — погребение 2, кв. И-5 (1961 г.); 3 — погребение 3, кв. Г-6, раскоп 5 (1964 г.); 4—5 — погребение 5 в яме 5, кв. Ж-12, раскоп 5 (1966 г.); 6—8 — погребение 4 в яме 1, кв. Е-11, раскоп 5 (1966 г.)

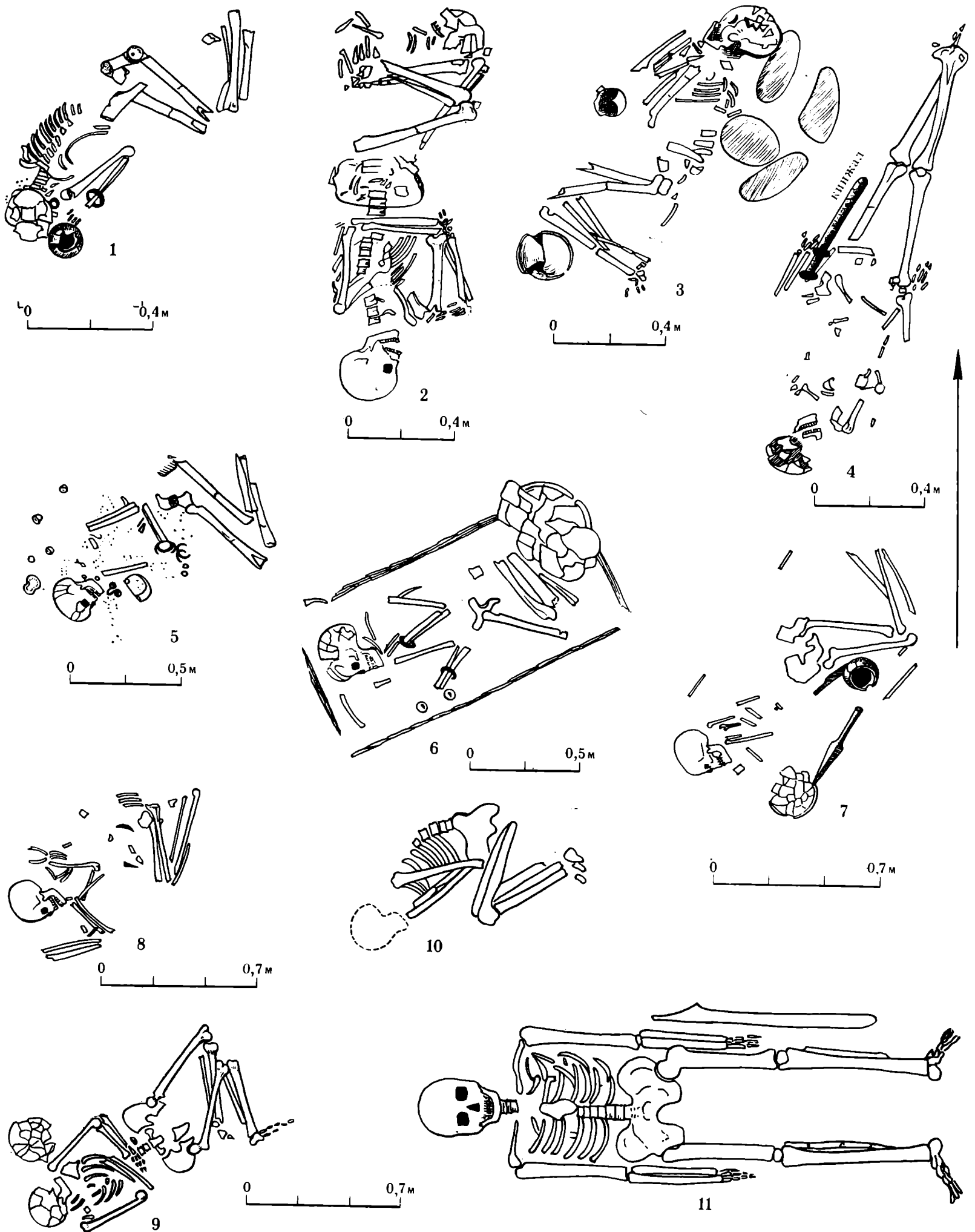

Таблица XIV. Погребальный обряд второго этапа (VII—IV вв. до н. э.).

Нестеровский могильник: 1 — погребение 45; 2 — погребение 49; 3 — погребение 47; 4 — погребение 53. Луговой могильник: 5 — погребение 43; 6 — погребение 58; 7 — погребение 89; 8 — погребение 94; 9 — погребение 109. Ханкальский 1 могильник: 10 — погребение 35; 11 — погребение 25

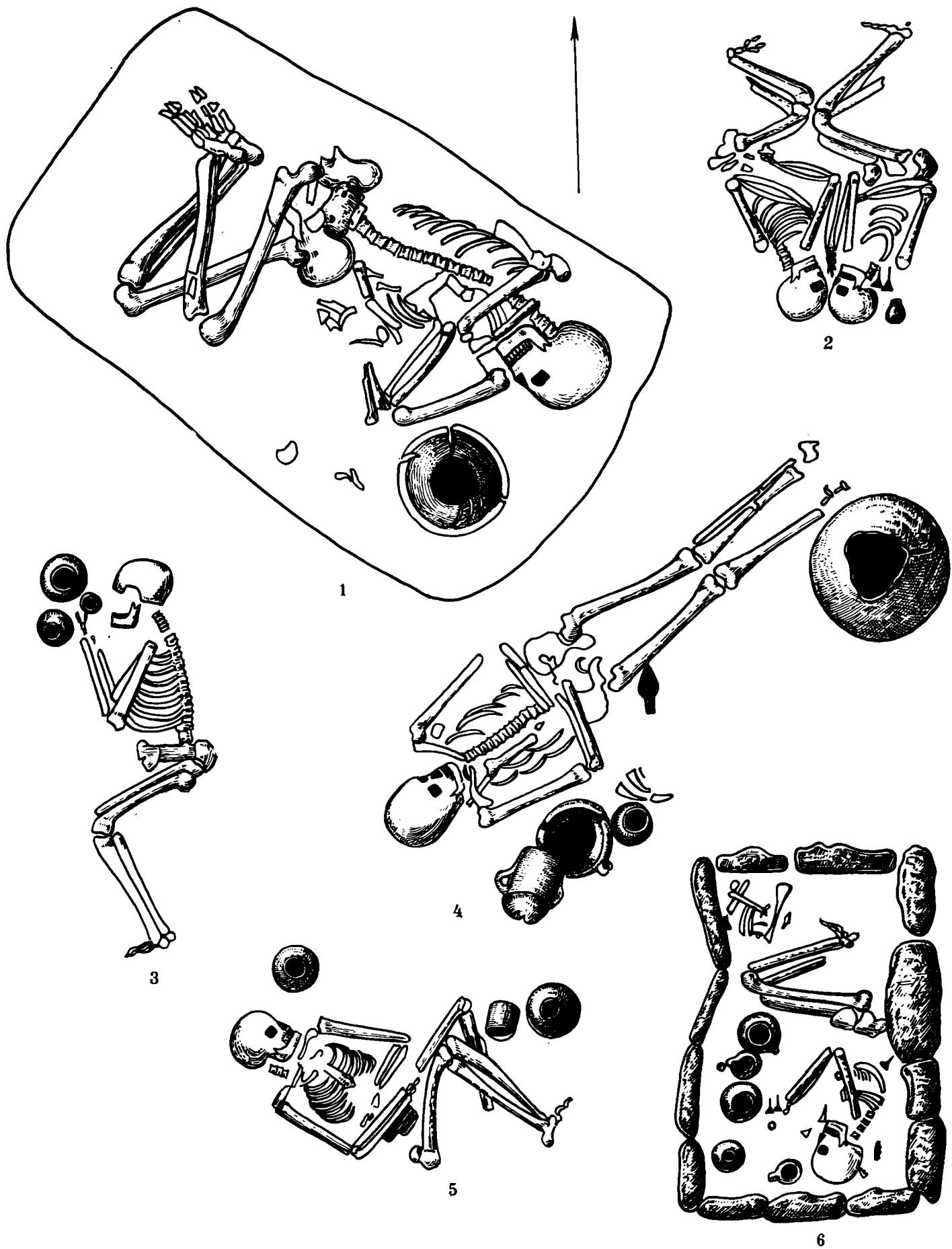

Таблица XV. Погребальный обряд второго этапа (VII—IV вв до н. э.):

1 — селение Исти-Су, погребение 12; 2 — Аллероевский могильник, погребение 27; 3 — Аллероевский могильник, погребение 15 (ориентация — юг); 4 — могильник Исти-Су, погребение 7; 5 — Аллероевский могильник, погребение 12 (ориентация — восток); 6 — Аллероевский могильник, погребение 31

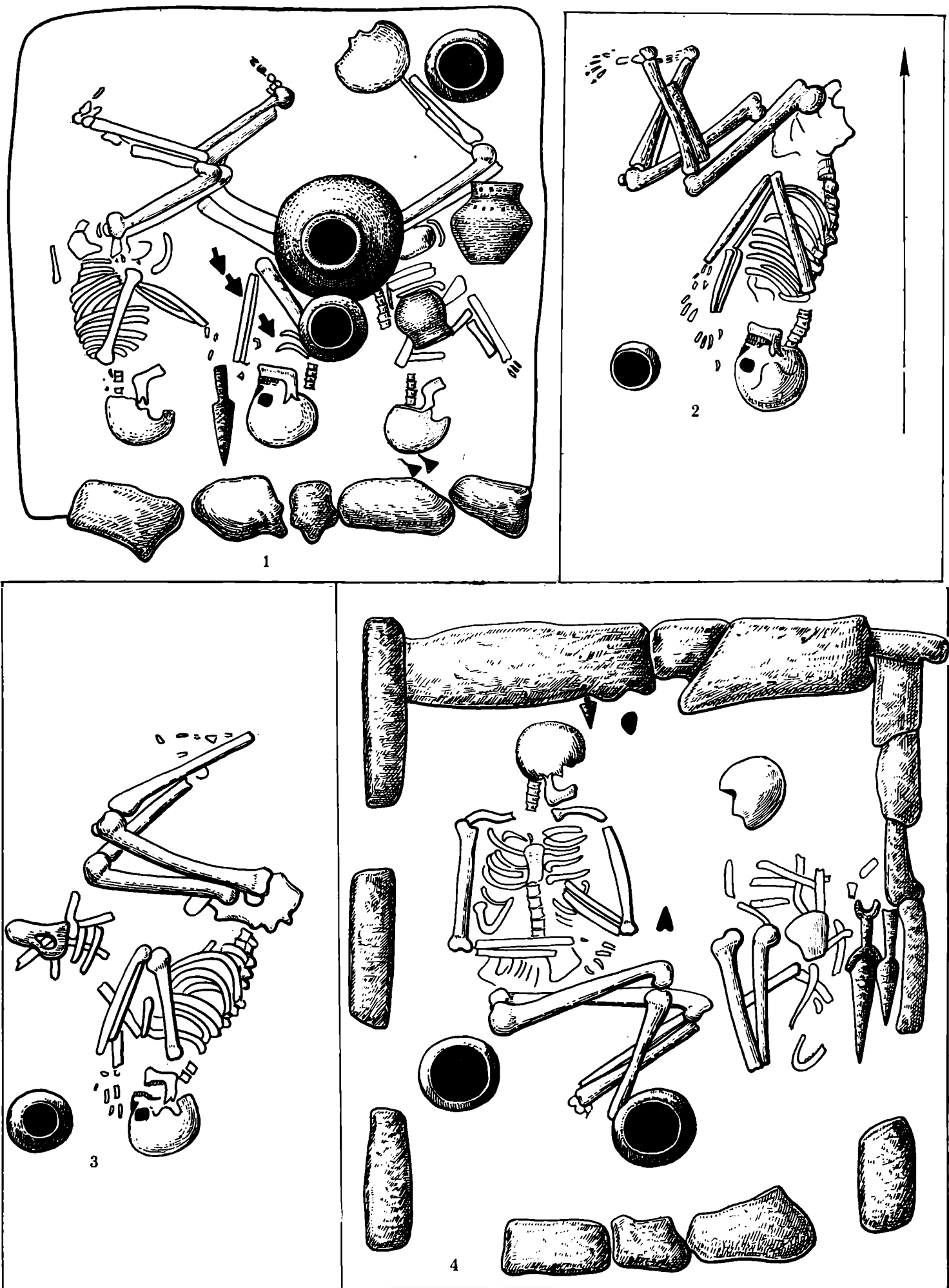

Таблица XVI. Погребальный обряд второго этапа (VII—IV вв. до н. э.)
(Аллероевский могильник):

1 — погребение 7; 2 — погребение 38; 3 — погребение 8; 4 — погребение 10
(ориентация — юг)

Таблица XVII. Погребальный комплекс первого этапа (X—VII вв. до н. э.)
(Сержень-Юртовский могильник):

погребение 39 (1 — наконечник копья; 2 — кинжал; 3 — нож; 4—7 — браслеты; 8—12 — детали конской узды: бляхи, пронизи, удила); погребение 37 (13 — боевой топор; 14 — нож; 15 — тесловидный топор; 16 — втульчатое долото; 17 — кинжал; 18 — наконечник копья; 19—20 — браслеты); 1—20 — бронза

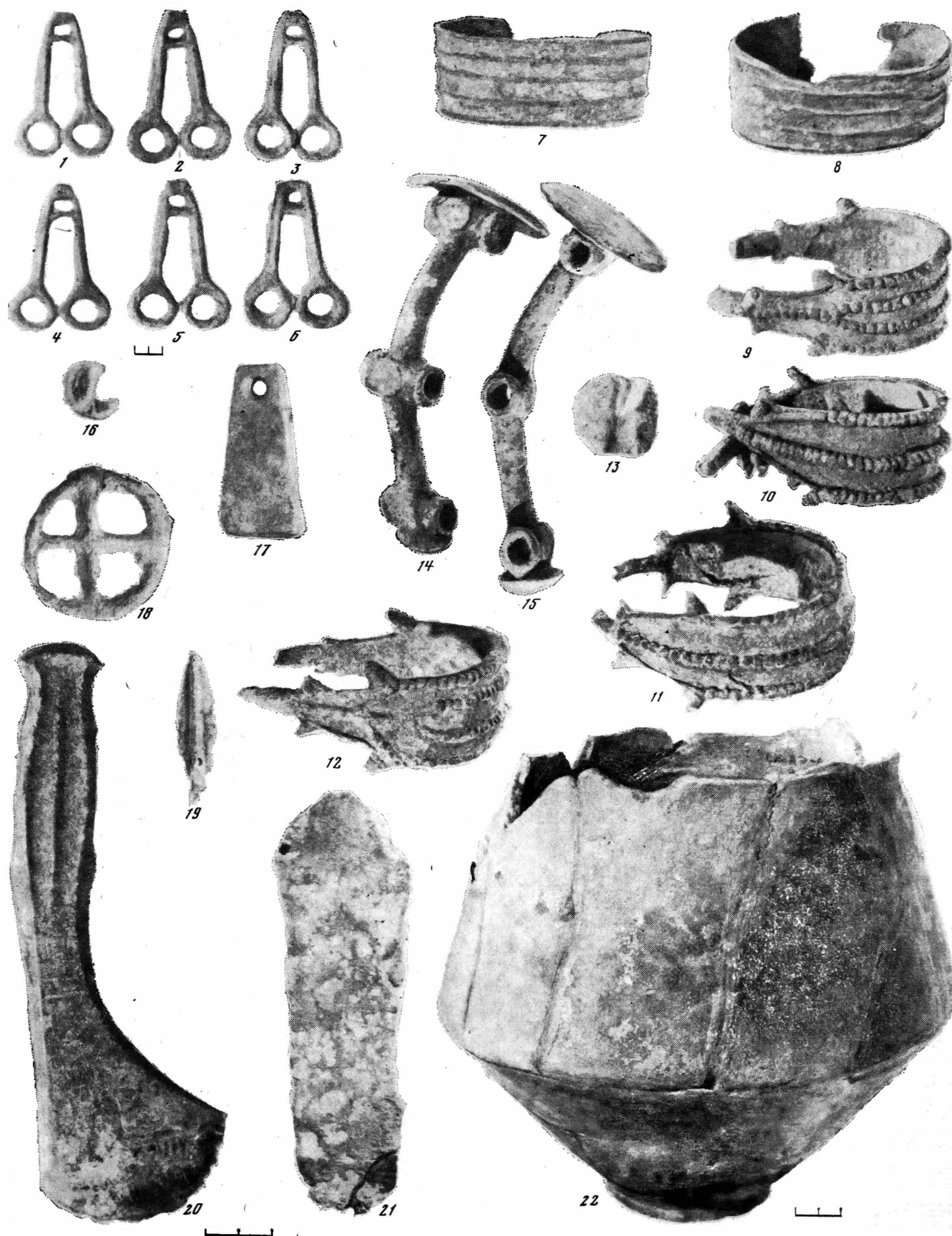

Таблица XVIII. Погребальные комплексы первого этапа (X—VII вв. до н. э.)
(Сержень-Юртовский могильник):

погребение 38 (воин с конем) — 1—6, 17—18 — детали мужского пояса: подвески и оселок (17—18); 7—12 — браслеты; 13—15 — детали конской узда: бусина на оголовье и трубчатые псаля; 16 — пуговица; 19 — наконечник стрелы; 20 — боевой топор; 21 — кинжал; 22 — сосуд; 1—13, 15—24, 26—27 — бронза; 14, 25 — камень; 22 — глина

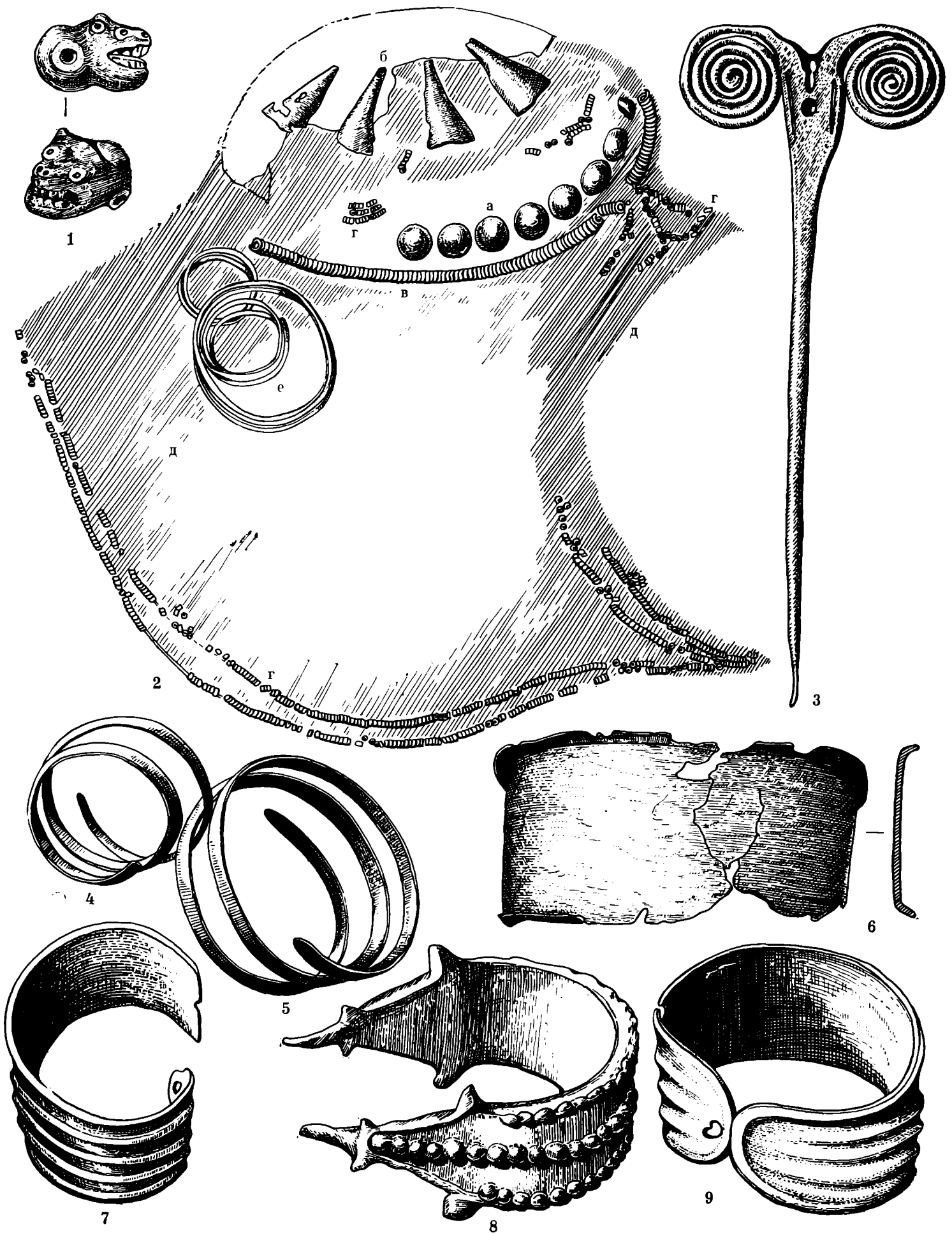

Таблица XIX. Погребальные комплексы первого этапа (X—VII вв. до н. э.)
(Сержень-Юртовский могильник):

1 — зооморфная подвеска в ожерелье; 2 — остатки головного убора; а—б — нашивные бляшки;
в — спираль; г — бисер; д — остатки ткани; е — височные кольца; 3 — булавка; 4—5 — височ-
ные кольца; 6—9 — браслеты; 1—2а-в, е, 3—9 — бронза; 2г — стекло

Таблица XX. Погребальные комплексы первого этапа (X—VII вв. до н. э.)
(Сержень-Юртовский могильник):

погребение 26 (1 — наконечник копьяд; 2 — кинжал; 3 — тесловидный топор; 4 — боевой топор;
5 — оковка рукоятки топора; 6 — браслет; 7 — сосуд); 1 — железо; 2 — бронза и железо;
3—6 — бронза; 7 — глина

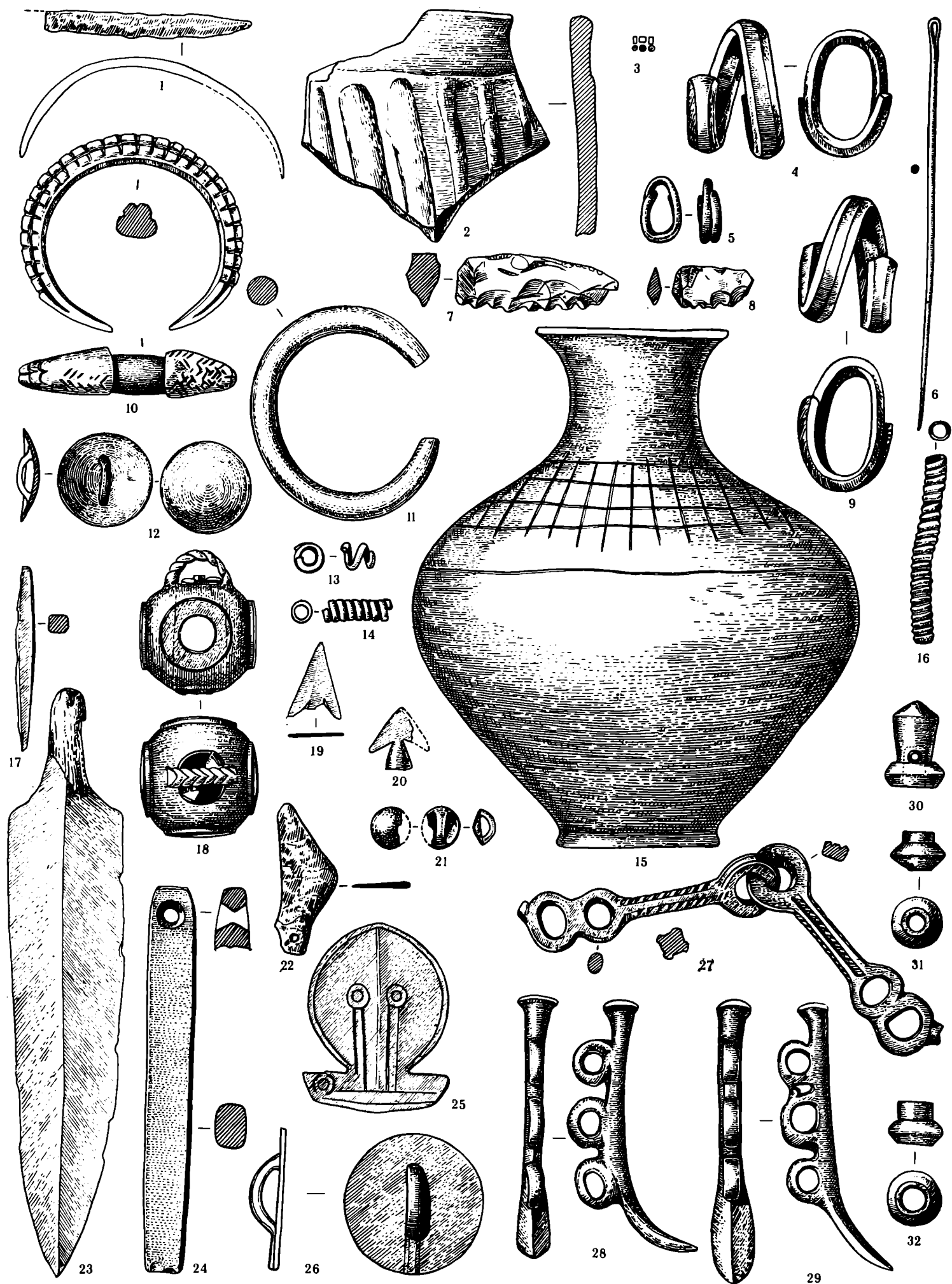

Таблица XXI. Погребальные комплексы первого этапа (X—VII вв. до н. э.) — смешанная зона (Зандакский могильник):

погребение 38 (парное) — 1 — обломки головного венчика; 2 — обломок баночного сосуда с обмазкой; 3 — бусы; 4—5, 9 — височные подвески; 6 — игла; 7—8 — вкладыши для серпа; 10—11 — браслеты; 12 — пуговица; 13 — мужская височная подвеска; 14, 16 — спираль от пояса; 15 — сосуд; 17 — шило; 18 — булава; 19—20 — наконечники стрел; 21 — мелкая пуговица; 22 — нож; 23 — кинжал; 24 — оселок; 25—32 — детали конской уздечки (бляхи, удила, псаля, ворворки); 1, 3—6, 9—14, 16—23, 25—32 — бронза; 2, 15 — глина; 7—8, 24 — камень

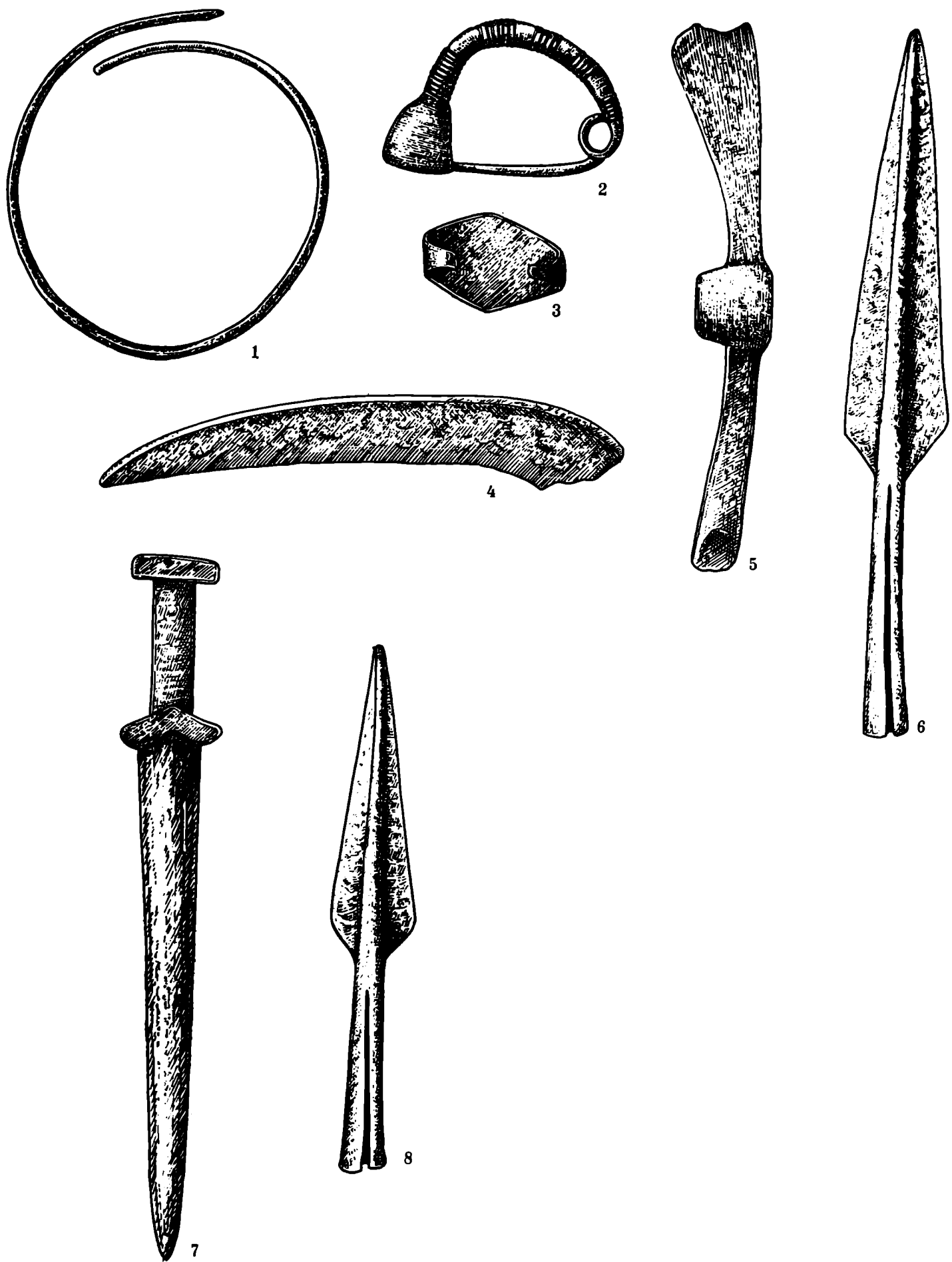

Таблица XXII. Погребальные комплексы второго этапа (VII—IV вв. до н. э.)
(Луговой могильник):

погребение 96 (1 — гривна; 2 — фибула, 3 — обоймица; 4 — нож; 5 — клевец; 6 — наконечник
копья); погребение 101 [7 — кинжал-акинак; 8 — наконечник копья; 1—2 — бронза; 3—8 —
железо

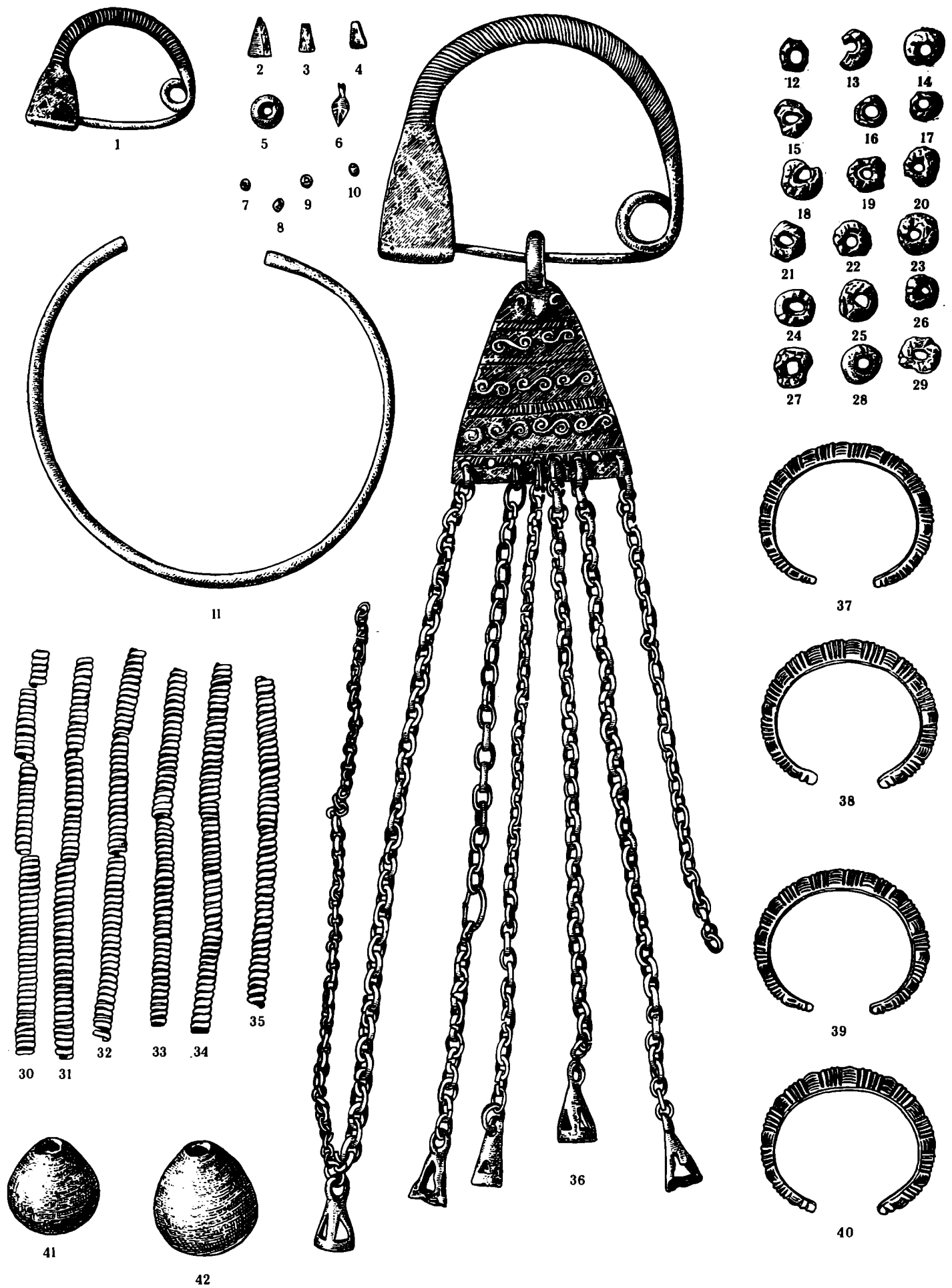

Таблица XXIII. Погребальные комплексы второго этапа (VII—IV вв. до н. э.)
(Луговой могильник):

погребение 140 (женское) — 1 — фибула; 2—10 — бусы; 11 — гривна; 12—29 — бусы; 30—35 — спирали; 36 — фибула с привеской; 37—40 — браслеты; 41—42 — пряслица; 1, 11, 30—40 — бронза; 2—10 — стекло; 12—29 — сурьма; 41—42 — глина

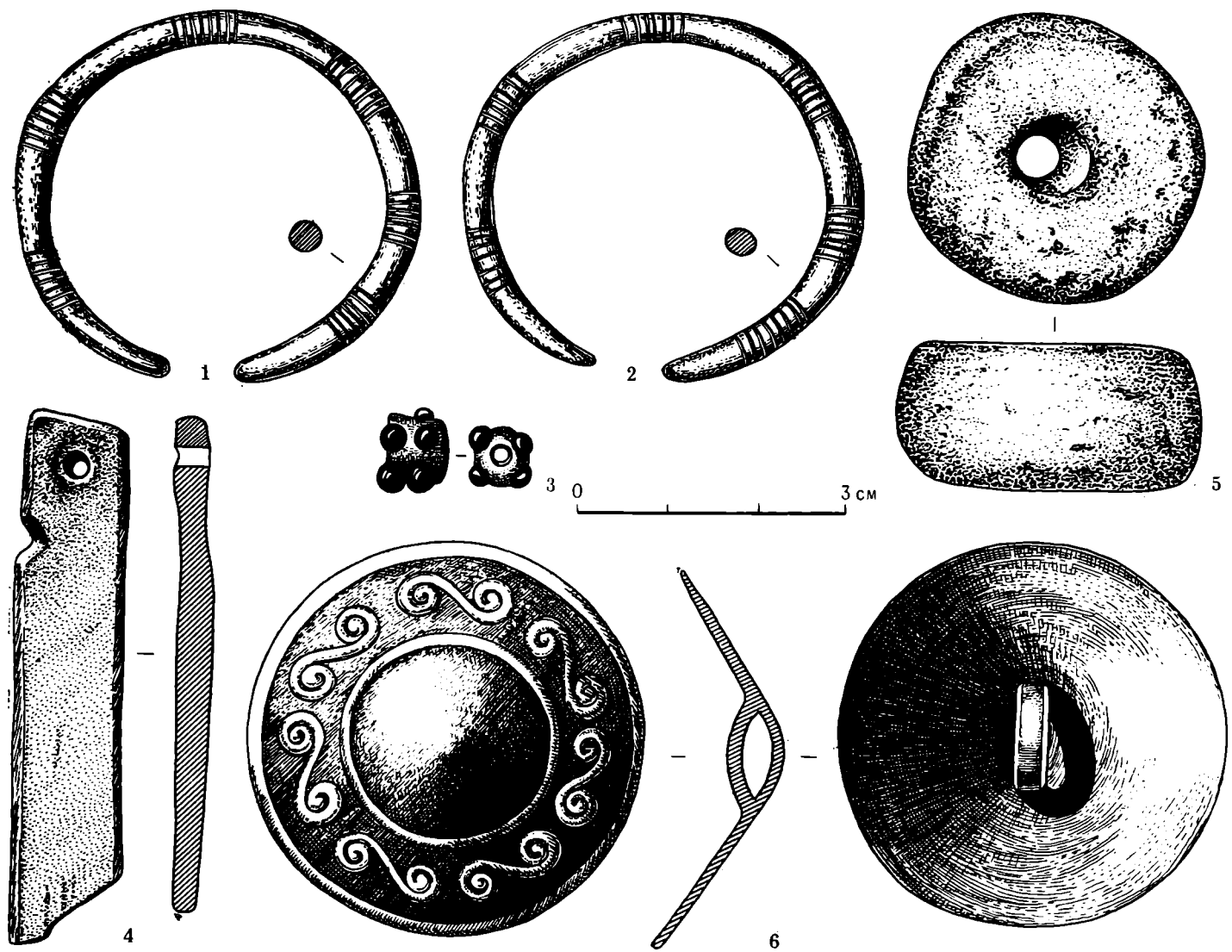

Таблица XXIV. Погребальные комплексы второго этапа (VII—IV вв. до н. э.).
Селение Шуаны (указатель 9):

1—2 — браслеты; 3 — бусина; 4 — оселок; 5 — навершие булавы; 6 — бляха; 1—2, 6 — бронза;
3 — стекло; 4—5 — камень

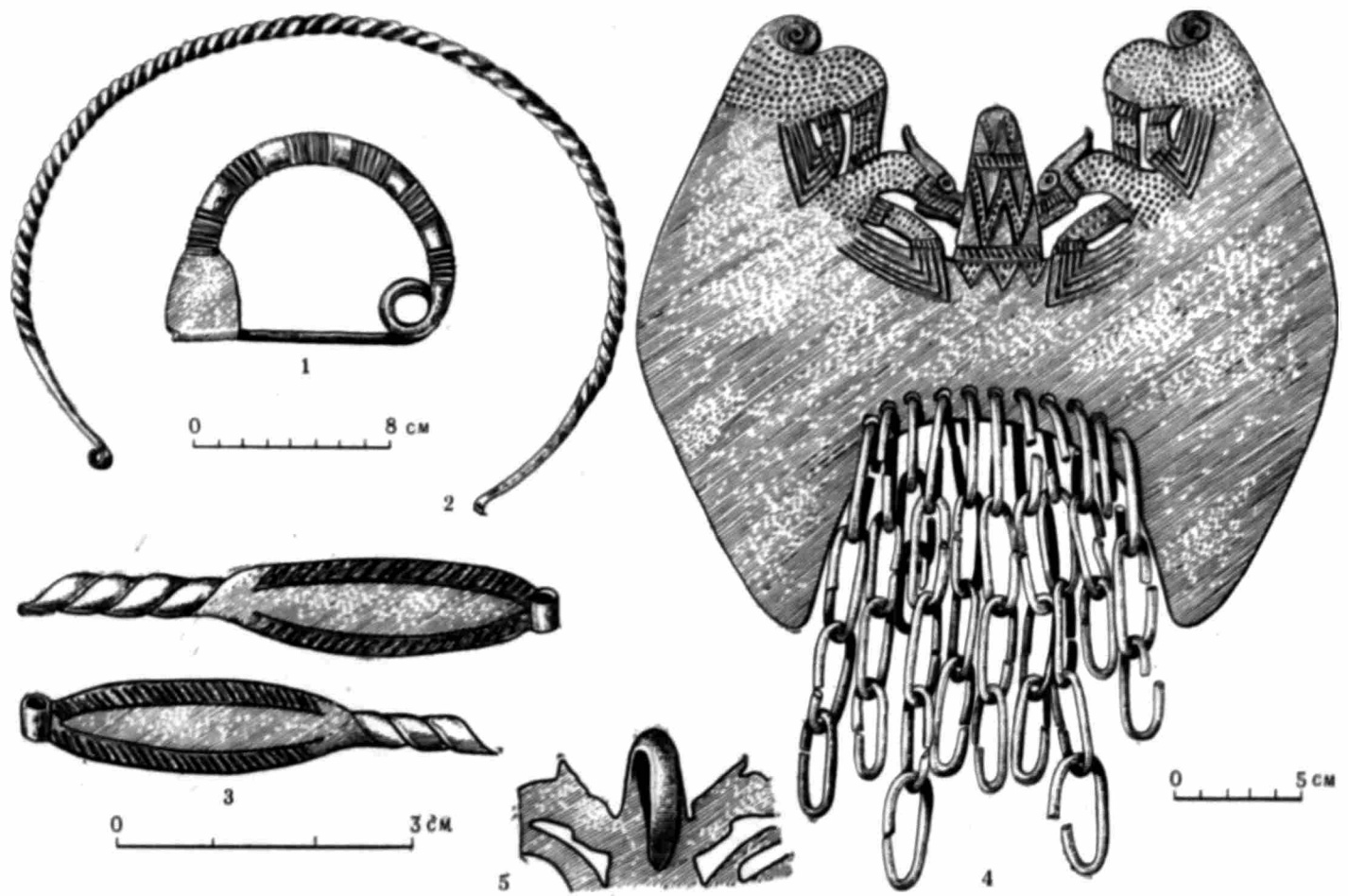

Таблица XXV. Погребальные комплексы второго этапа (VII—IV вв до н. э.).
 Крепость Воздвиженская (коллекция Н. Н. Муравьева-Карского; указатель 113/4):
 1 — фибула; 2—3 — гривна; 4—5 — нагрудная бляха; 1—5 — бронза

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Поселения	11
Могильники	19
Надмогильные сооружения (табл. X)	19
Типы могил (табл. XI)	20
Ориентировка, поза погребенных и другие детали погребального обряда	21
Сводные таблицы по погребальному обряду	25
Заключение	44
Указатель археологических памятников кубанской культуры	49
Географический указатель местонахождения археологических памятников	57
Список литературы	58
Список сокращений	60
Таблицы I—XXV.	61

Валентина Ивановна Козенкова

Кобанская культура.

Восточный вариант

**Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР**

**Редактор издательства С. Н. Романова
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технические редакторы А. П. Гусева и З. Б. Павлюк
Корректор Л. В. Письман**

**Сдано в набор 4/XI-1976 г.
Подписано к печати 25/II-1977 г.
Формат 60×90¹/₈.
Бумага типографская № 2.
Усл. печ. л. 11. Уч.-изд. л. 12,4.
Тираж 1500. Т-00745. Зак. 1414. Цена 1 р. 26 к.**

**Издательство «Наука».
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука»,
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10**

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
5	20 сн.	хронологии этногенеза	хронологии, этногенеза
30	7 сн.	49 (1), 51	49 (1) — 51
39	4 сн.	54, (2)	54 (2)
59	8 сн.	д. № 140	д. № 40
60	1 сн.	ZE	ZfE

В. И. Козенкова. САИ «Кобанская культура»
Зак. 1414